

Библиотека Института славяноведения и балканистики

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Группа истории славянских литератур

С. В. Никольский

История образа Швейка

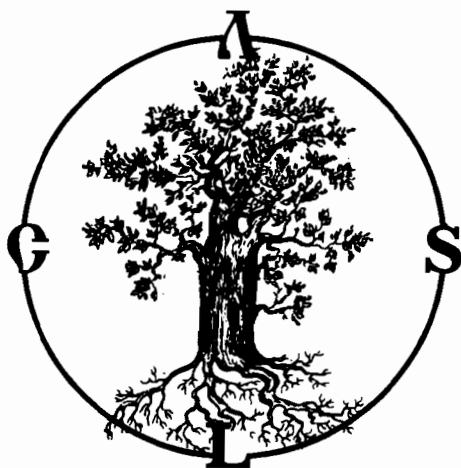
Новое о Ярославе Гашеке
и его герое

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1997

**Библиотека
Института славяноведения и балканистики**

**Библиотека
Института славяноведения и балканистики**

**Группа
истории славянских литератур**

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

История образа Швейка

Новое о Ярославе Гашеке
и его герое

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1997

Ответственный редактор

Л. Н. Будагова

Книга подготовлена при поддержке Международного научного фонда
«Культурная инициатива»

Издание осуществлено при финансовой поддержке

Российского гуманитарного научного фонда

(номер проекта 96-04-16098)

С. В. Никольский

История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М.: Издательство «Индрик», 1997. — 176 стр. — (Серия «Библиотека Института славяноведения и балканистики РАН», кн. 7.)

В книге освещается творческая история знаменитой комической эпопеи Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» и ее главного героя, ставшего одним из самых известных образов мировой литературы XX века. Автором книги документально доказано существование реального Йозефа Швейка, послужившего прототипом героя Гашека, воссоздана его биография и история встреч Гашека с ним в Чехии и в России, где они оба оказались во время Первой мировой войны. Возникновение образа Швейка рассмотрено одновременно как итог творческого пути Гашека и формирования его специфической поэтики, во многом восходящей к стихии смеховой игры, комической мистификации. Предпринята реконструкция замысла тех частей романа, которые остались незаписанными.

Для специалистов-филологов и широкого круга читателей.

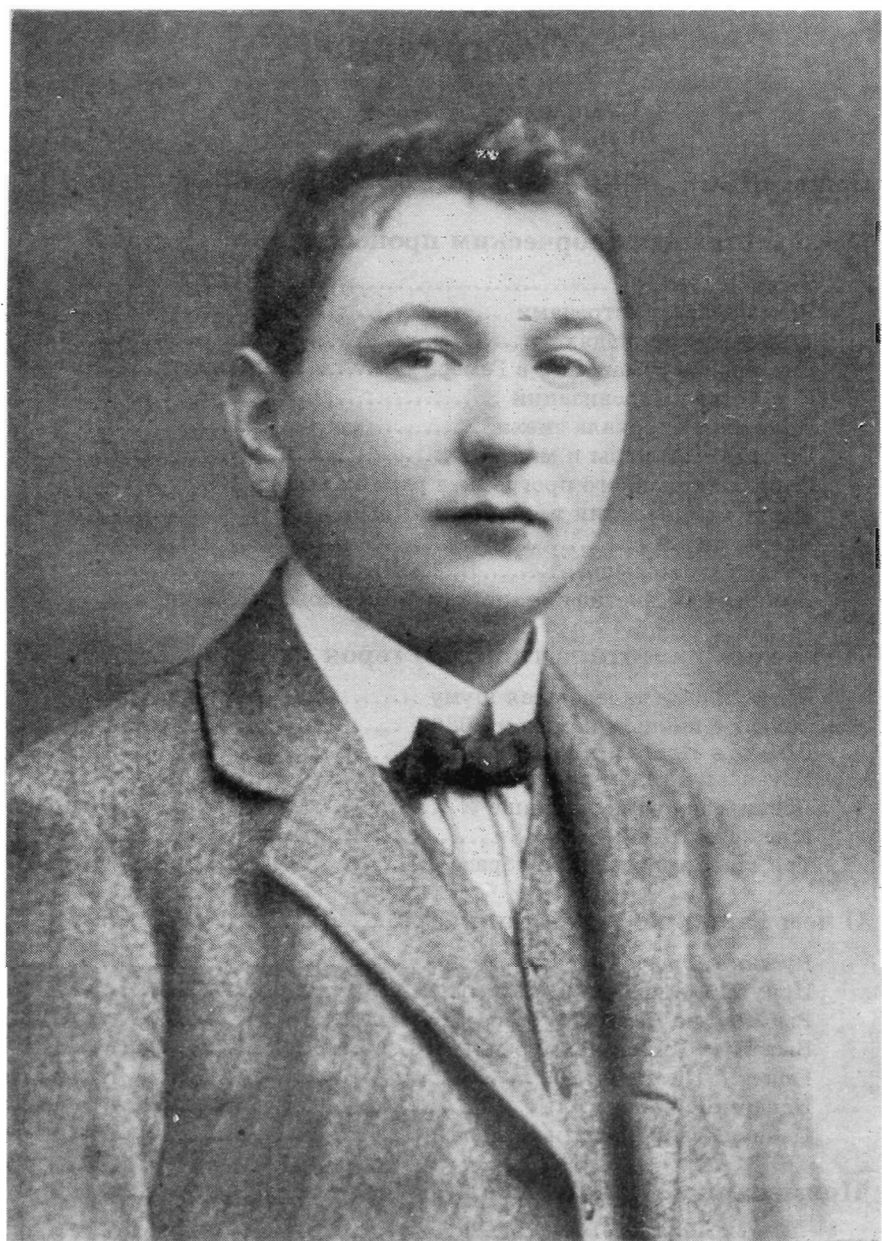
ISBN 5-85759-049-3

© С. В. Никольский, 1997

© Институт славяноведения
и балканистики РАН, 1997

Оглавление

От автора.....	7
Жизнь, ставшая творческим процессом	9
Загадки Гашека	9
Человек богат встречами	12
Творчество на людях	16
Нет больше романтики в Гемере	18
Искусство импровизации	22
Политика в зеркале смеха	25
По правилам игры и мифа	28
Партия умеренного прогресса в рамках закона	32
Мастерство пародии и шаржа	42
Власть смеха	45
Стихия розыгрыша	56
Комическая мистификация как форма повествования	62
По следам прототипа главного героя Гашека	75
Сенсация, не наделавшая шуму	75
Солдат с личным номером 20899	82
Швейк в Праге и в России	91
Неувязки с годом рождения	97
Денщик поручика Лукаша	100
Еще один Швейк?	104
Три стадии в развитии образа	107
О чем Гашек не успел написать	112
Русские дороги Швейка	112
Иркутский дневник	120
Рыбалка на Чертовом озере	128
Бывал ли Гашек нахмуренным?	131
Гашек и Китай	137
Наперекор всему	144
Цена славы (Швейк и Наполеон)	147
Примечания	150
Иллюстрации	159

*Он был человеком, обладавшим
способностью видеть мир. Мно-
гие о нем только пишут.*

К. Чапек о Гашеке.

*Это оружие очень сильное,
ибо ничто так не обескуражи-
вает порока, как сознание,
что он угадан и по поводу его
раздался смех.*

М. Е. Салтыков-Щедрин.

*Люди легко относятся к нео-
добрительным отзывам,
но не выносят насмешки.
Они соглашаются быть дурны-
ми, но вовсе не желают быть
смешными.*

Мольер.

От автора

Не так давно на одной из выставок графики в Москве можно было видеть любопытный рисунок. Был изображен земной шар и три поддерживающие его фигуры – Дон Кихот, Гамлет и Швейк. Три символа, три олицетворения разных сторон человеческого духа – веры, сомнения и юмора. Швейк относится сейчас к числу самых известных мировых образов. Творчество Ярослава Гашека, создавшего этот литературный тип, пользуется широкой популярностью в нашей стране. Общий тираж его книг, изданных у нас, исчисляется миллионами экземпляров, и все равно они мгновенно расходятся – настолько полюбился читателям этот чародей юмора и смеха. Нередко даже можно встретить людей, которые наизусть знают десятки и десятки юмористических реплик из его романа о Швейке и любят вставлять их в разговор. Имя Швейка на памяти у всех. Назовите его, и ваш собеседник непременно улыбнется.

Большой интерес вызывает сама личность чешского писателя, его бурная жизнь, в которой к тому же столько загадочных событий и белых пятен. Многие из них не прояснены и в литературе о Гашеке, хотя и не обильной, но все же значительной. На русский язык переведены книги о Гашеке, написан-

ные чешскими авторами Радко Пытликом и Зденеком Горже-ни. Несколько книг и брошюр принадлежат нашим соотечественникам, особенно много сделавшим для разыскания новых материалов и сведений о чешском писателе. Не забудем, что более пяти лет Гашек провел в нашей стране. Это почти четверть его сознательной жизни¹.

С учетом существующей литературы о Гашеке автор предлагаемой книги только отчасти повторяет общие сведения о нем — и главным образом в первом ее разделе, подводящем к творческой истории комической эпопеи «Похождения бравого солдата Швейка». Основная же цель книги — рассказать о неизвестных и малоизвестных сторонах личности и творчества писателя, имевших в то же время важное значение для возникновения его знаменитого романа. В книге прослежен путь Гашека к созданию этого произведения. Большое место отведено вопросу о прототипе его главного героя. Читатель узнает о существовании реального Йозефа Швейка, о его жизни и встречах с Гашеком, о его пребывании в России, а одновременно и об истории открытия этого прототипа, о том, как были найдены материалы о нем. Предпринята также попытка очертить общие контуры полного замысла романа о Швейке, оставшегося, как известно, незавершенным. Предложена своего рода реконструкция плана тех частей комической эпопеи Гашека, которые он не успел написать. В процессе работы над книгой автор частично опирался на свои ранее публиковавшиеся исследования.

Пользуюсь случаем выразить благодарность за внимание и поддержку в моей работе чешским друзьям и коллегам, исследующим творчество Гашека (основные их работы названы в библиографии), руководству и сотрудникам Военно-исторического архива в Праге, проявившим столько предупредительности к автору этой работы. С большой признательностью вспоминаю помощь московского коллекционера и создателя частного музея Гашека П. М. Матко, а также пражского собирателя материалов о Гашеке А. Кнесла. Автор благодарен Б. С. Санжиеву, без содействия которого вряд ли состоялась бы моя поездка в Иркутск, связанная с поисками сведений о Гашеке. Благодарю за консультации по отдельным вопросам Н. В. Куликаускене, Н. Г. Леус, Б. Л. Рифтина, М. В. Софронова.

Буду рад, если книга в чем-то обогатит представление читателей об одном из самых колоритных писателей нашего столетия, о его оригинальном таланте и самобытном творчестве, о его всемирно известном герое.

Жизнь, ставшая творческим процессом

Загадки Гашека. Ярослав Гашек издавал вначале «Похождения бравого солдата Швейка» небольшими выпусками по три десятка страниц в каждом. Они печатались один за другим по мере продвижения работы, примерно раз в неделю, и тут же распространялись с рук друзьями и добровольными помощниками автора среди простого люда (так на Руси распространяли когда-то лубочную литературу). О появлении первых выпусков было объявлено весной 1921 года в озорных буффонадных плакатах, расклеенных в плебейских районах Праги, на дверях и окнах дешевых трактиров. Текст, выдержанный в духе веселой мистификации и розыгрыша, гласил:

«Одновременно с чешским изданием перевод книги на правах оригинала выходит во Франции, Англии, Америке.

Первая чешская книга, переведенная на мировые языки!

Лучшая юмористически-сатирическая книга мировой литературы!

Триумф чешской книги за рубежом!

<...>

Первый тираж 100 000 экземпляров»¹.

Рекламные объявления призывали читателей «выбросить из своих библиотек “Тарзана в джунглях” и разные дурацкие переводы уголовных романов» и «приобрести новаторский образец юмора и сатиры». Книга Гашека объявлялась «революцией в чешской литературе»².

Едва ли хоть один человек в Чехословакии предполагал тогда, что эта шуточная реклама окажется вскоре не такой уж далекой от истины. А между тем, пройдет некоторое время и Бертольд Брехт запишет в своем дневнике: «Если бы кто-нибудь предложил мне выбрать из художественной литературы нашего века три произведения, которые на мой взгляд представляют мировую литературу, то в качестве одного из таких произведений я выбрал бы “Похождения бравого солдата Швейка”»³.

Тираж в сто тысяч экземпляров, объявленный в шутку в афишах Гашека, выглядит сейчас даже скромным. Только в нашей стране издания его произведений насчитывают в общей сложности более шестнадцати миллионов экземпляров. Известен случай, когда «Похождения бравого солдата Швейка» были выпущены на русском языке тиражом сразу в миллион экземпляров. И все равно книгу невозможно было купить. «Швейк» сейчас переведен на сотни языков. Предпринимались даже попытки перевести его на латынь и эсперанто.

Чешский писатель совершил крупное художественное открытие, создав новый, необыкновенно яркий комический тип, который сразу занял место среди самых известных образов мировой литературы. Понятие швейковщины сделалось нарицательным подобно понятиям донкихотства, обломовщины, хлестаковщины, боваризма, донжуанства и т. д. Образ Швейка поддерживает сравнение даже с персонажами, рожденными народной фантазией, с широко известными образами мирового фольклора. В одной из новогодних передач московского телевидения выступали как-то два актера, загримированные один под Швейка, другой – под Насреддина из Бухары. Герои чешского писателя и восточного фольклора (оба хорошо известные зрителям) вели шутовскую беседу между собой. И невольно напрашивалось сравнение. Ведь Ходжа Насреддин – плод коллективного народного творчества. Образ этого мудреца-острослова и находчивого комика на протяжении длительного времени создавался в народной среде. Накапливались, отбирались и оттачивались комические истории. Не одно поколение приняло участие в лепке этого образа. Гашек подобную работу выполнял один. Мало того, не только его главный герой напоминает фольклорные типы, но и сам строй романа сродни комической народной эпике. Кроме основного потока повествования в романе более полутора сот вставных рассказов, главным образом рассказов «к слову» (в основном их рассказывает Швейк). И каждый из них по сути самостоятельная комическая новелла со своим остроумным сюжетом, со своей неожиданной развязкой. На память приходят «Сказки тысячи и одной ночи», «Легенда об Уленшпигеле», «Декамерон» Боккаччо, и т. п. Но ведь за каждым из этих произведений стоит целый фонд источников. Между тем тщетно было бы искать фольклорные или литературные прообразы гашековских вставных новелл, так же как, впрочем, и образа Швейка. Их по-просту не существует. Все создано им самим. И

в то же время все насквозь проникнуто духом плебейской комки. Любопытно, что критики и литературоведы, желая упомянуть Гашека в ряду сатириков и юмористов, называют обычно не писателей XX века, его современников, а писателей прошлых эпох. Как-то не выговаривается: Гашек, подобно Чехову и Бернарду Шоу... Даже с Чапеком он иногда соседствует скорее по национальной принадлежности, да по сходству фамилий, чем по существу. А вот Аристофан, Сервантес, Рабле, Гриммельсхаузен — в этом ряду он на месте. В творчестве Гашека есть что-то исконное, первозданное, уводящее куда-то вдаль, вглубь, чуть ли не к простоте народных сказок, к архетипам. XX век вот уже на исходе, а в литературе нашего столетия еще не написано другого произведения, в котором царила бы такая же мощная, органическая стихия народного смеха. Похоже, что Гашеку удалось сделать то, что обычно бывает под силу лишь коллективу. И в то же время его произведение остро современно. Все это тем более удивительно, что по своему психологическому складу и образу жизни Гашек, казалось бы, мало походил на писателя, не отличался он вроде и особым усердием в литературном творчестве. Многие современники вообще не принимали его как литератора всерьез.

При слове «писатель» тотчас возникает представление о кропотливой, повседневной работе за письменным столом в тиши кабинета, о вдумчивых и порой мучительных поисках выразительного слова и образа, о бесконечной правке и переписывании рукописей (сколько раз переписала Софья Андреевна Толстая рукопись «Войны и мира»). С Гашеком все это как-то мало вяжется. Не только письменного стола, но и собственного жилища на протяжении почти всей своей жизни он не имел (в собственном домике он жил только последние три месяца своей жизни). Он мог писать в любой обстановке — в пастушеском шалаше, в шумной редакционной комнате, в гарнизонной тюрьме, в трамвае, на нарах в казарме, в переполненной пивной. И, казалось, не испытывал от этого особых неудобств. Он не склонен был просиживать над рукописями дни и ночи, предпочитая проводить время в божемных компаниях, в кабачках и пивных или бродяжничать. Писал он, словно не желая утруждать себя. Не признавал ни черновиков, ни вариантов. Написанного практически не правил. Только что сочиненные страницы «Швейка» сразу пересылались в издательство, а себе автор оставлял две-три последние строчки, чтобы не забыть, на чем остановился.

Если бы Гашека спросили о муках слова, он, наверное, от души рассмеялся бы. Он способен был поспорить в пивной на пари, что

за кружку пива вставит в очередную фразу наполовину написанного рассказа любое имя, которое предложат его собеседники, и при этом не нарушит последовательности повествования. Рассказ под названием «Инспектор из пражского института метеорологии» вообще был написан на пари и на заданную тему во время непрерывавшегося разговора и пререканий с собеседником. К концу разговора Гашек прочел готовый текст. В другой раз он пообещал, что сочинит одноактную пьесу, в которой будет пять действующих лиц, и сам, один сыграет ее на сцене. Шуточная пьеса «Чашка черного кофе» действительно была написана, и даже в стихах. Действие происходило в безлюдном кафе, куда поодиночке заходили и затем уходили, не дождавшись официанта, редкие посетители, а официант каждый раз появлялся после того, как очередной посетитель уже покинул негостеприимное заведение.

Гашек словно смеялся над самой серьезностью литературного творчества. Не заметно у него и интереса к обсуждению литературных проблем. Даже в самом начале своего писательского пути он был совершенно равнодушен к спорам своих литературных коллег об искусстве. Он явно предпочитал таким спорам путешествия в глухие уголки Словакии и общение с пастухами, бродягами и цыганами.

Означало все это облегченное отношение к литературному творчеству?

Были случаи, когда Гашек действительно превращал в шутку свои литературные занятия. Известно также, что часть своих рассказов и юморесок он писал для заработка и действительно не придавал им особого значения. Однако если бы к этому все и сводилось, мировая литература вряд ли обогатилась бы таким произведением, как роман о Швейке. Как же Гашек пришел к этому роману?

Человек богат встречами. Силу Гашека-писателя составляло как раз то, что очень многим казалось его слабостью. Ключ к разгадке его тайны может дать одно тонкое наблюдение А. Сент-Экзюпери, который сказал о писательском даре: «Нужно уметь не писать, а видеть, писать это уже следствие». Всепоглощающая жажда впечатлений, с юношеских лет захватившая Гашека, владела всем его существом. Он был прямо-таки одержим страстью познавать мир и людей. Эта страсть уводила его от домашнего очага к людям, бросала в рискованные предприятия, питала интерес ко всему необычному, пробуждала инстинкт «перелетных птиц» и звала в дальние страны.

Творчество Гашека вырастало из поразительного обилия жизненных впечатлений. В чешской литературе нет другого писателя, который так много общался бы с людьми. Не много найдется таких писателей и в других литературах. Всю свою жизнь он провел на людях.

Началось это еще в детские годы, когда мальчик из малообеспеченной семьи, во многом предоставленный самому себе, имел богатую возможность познакомиться с жизнью улицы и городских дворов, вдоволь насладиться атмосферой мальчишеских проказ. Он родился 30 апреля 1883 года в Праге, в семье учителя. Отец его не имел специального образования и получал пониженное жалованье. Позднее он вообще служил мелким чиновником в банке. Семья жила в стесненных условиях, ютилась в полутемных наемных квартирах. Одно время Гашек подрабатывал в костеле, прислуживая во время богослужения министрантом (в католических храмах часто привлекают для этой цели детей). Но этим смиренным занятиям пришел конец, когда однажды на Пасху, оставленный вместе с одним из своих сверстников в пустом храме стоять на коленях у плащаницы, он затеял на полу игру «в пуговицы», за которой их и застал прелат. В тринадцать лет будущий писатель лишился отца, а два года спустя вынужден был покинуть гимназию. Мать устроила его мальчиком в лавку москательных и аптекарских товаров. Служба эта состояла в непрерывном общении с людьми. Впоследствии в одной из своих повестей он живо описал ее.

Прага в конце XIX – первые годы XX века жила тревожной жизнью. То и дело вспыхивали волнения, ширились выступления против австрийских властей, происходили столкновения с полицией, — особенно после того, как в 1897 году было отменено равноправие чешского языка с немецким, добытое чехами в тяжелой борьбе. Возможно и одной из причин, заставивших Гашека оставить гимназию, было его участие в уличных беспорядках. Рассказывали, что вместе с другими подростками он срывал со стен приказы о введении в городе военного положения и сжигал их на костре. За этим занятием их едва не захватили жандармы.

В дальнейшем ему все же удалось получить образование. В 1902 году он окончил коммерческое училище, от которого у него осталось, в частности, прекрасное знание нескольких иностранных языков – русского, немецкого, французского, венгерского, и каллиграфический почерк (коммерческие бумаги тогда писали от руки и на выработку почерка обращалось особое внимание). Однако карьера банковского чиновника мало привлекала молодого человека. Поначалу

он пытался скрасить службу в банке «Славия» всевозможными веселыми затеями и розыгрышами. Но не прошло и полугода, как его неодолимо потянуло на вольный простор. Одно время он даже собирался отправиться в Африку, чтобы принять участие в войне буров против англичан. Тогда и в России сочувственно распевали песню «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, горишь ты вся в огне».

Настроения Гашека тех лет хорошо переданы в воспоминаниях его друга Ладислава Гаека: «Стояла ранняя весна. Был прекрасный лунный вечер. Гашек размышлял, как, наверное, хорошо и красиво сейчас в Словакии. Мы добрались до Староместской площади, по привычке зашли в чайную Короуса и немного с ним поболтали... В довольно веселом настроении мы направились ко мне домой. Но на Тынской улице, где я жил, Гашек неожиданно остановился, посмотрел на небо, на луну и сказал: «А знаешь, я к тебе сегодня не пойду, не хочу, чтобы святой Петр опять грозил нам пальцем (хозяин квартиры, где жил приятель Гашека, занимался росписью церковных витражей, и в окне у него было вставлено стекло с изображением святого Петра. – С. Н.). Домой тоже не вернусь. Сегодня я получил за сверхурочные, деньги у меня есть, махну-ка ночью в Словакию»⁴. На следующий день молодого человека не оказалось на службе.

Тяга к странствиям, «дух бродяжий», объяснялись не только юношеской романтикой, но и стремлением по-настоящему узнать жизнь. Начиная с 1901 года в печати стали появляться первые рассказы Гашека. Почти все они написаны под впечатлением от путешествий по Чехии и Словакии.

В юности Гашек странствовал каждый год. В обществе таких же, как он, студентов, случайных попутчиков, сезонных рабочих, нищих, бродяг, порой нанимаясь на поденную работу, нередко ночуя в стогах сена и ометах соломы, а иногда и в местных полицейских участках, Гашек в течение нескольких лет исходил всю Австро-Венгерскую империю, а отчасти и соседние страны. Впоследствии он с юмором вспоминал: «Путешествовали мы тем достойным удивления способом, при котором требуется мало денег, много красноречия и незаурядное хладнокровие»⁵. Случалось, его задерживали за бродяжничество и отправляли домой по этапу.

Он побывал в Словакии, Галиции, южной Польше, на Буковине, в Венгрии, Хорватии, Сербии, посетил Румынию, Болгарию, Словению, северную Италию, Баварию и Швейцарию. Предпринималась даже попытка перейти границу России. В странствиях он был неутомим. Не каждый писатель может написать о себе: «Это было в позапрошлом году, когда я шел пешком через

Альпы из Триеста в Прагу...»⁶ (напомним, что это несколько сот километров), или: «Пишите мне в спишскую столицу Левочу... куда мы дойдем дней за 14»⁷. У Гашека подобные упоминания в его автобиографических рассказах и в переписке вполне обычная вещь. «Я возвращался тогда пешком из Польши в Прагу через Тешин, Фридек, Моравию» (IX, 143), – роняет он мимоходом. Точно таким же было возвращение через Баварию из Швейцарии (IV, 18, 21) и т. д. Расстояния, исхоженные чешским писателем, пожалуй, уже сопоставимы с дорогами землепроходцев. Из литераторов вспоминается разве Горький, обошедший пешком родную Русь, да неутомимый путешественник Максимилиан Волошин, ходивший с караваном в песках за Каспием, ступавший босыми ногами на кремнистую крымскую почву и на каменистые тропы Пиренеев.

Много впечатлений дало Гашеку знакомство с политической жизнью, с рабочей средой. Начиная с 1904 года в течение нескольких лет он был тесно связан с движением чешских анархистов, распространял листовки и брошюры Кропоткина среди горняков северной Чехии и рабочих текстильных фабрик, выступал с лекциями, редактировал анархистские журналы – «Ново Омладина», «Комуна» (среди них были достаточно лихие – вроде дразнящего публику листка «Худяс» – «Бедняк»). В 1907 году целый месяц он сидел в тюрьме за стычку с полицией во время первомайской демонстрации.

Годами Гашек вел полубездомную, богемную жизнь завсегда пражских пивных и трактиров, которая не только давала ему чувство раскованности, но и увлекала атмосферой всевозможных веселых затей, розыгрышей, комических импровизаций. Он досконально познал ночную Прагу, жизнь городского дна. Естественно, ему был знаком мир редакций, газетчиков, журналистов.

Потом пришла война и служба в австрийской армии, где писатель очутился в гуще солдатской массы. Был фронт, участие в боях, несколько попыток сдаться в плен, увенчавшихся, наконец, успехом, пеший переход в колонне пленных от Ровно до Дарницы – через Новоград Волынский, Житомир, Коростышев и Киев⁸, лагеря для военнопленных в Дарнице и в Поволжье под Бузулуком, вступление в чехословацкие добровольческие части, сформированные по настоянию чехов в России для борьбы против Австро-Венгерской империи; политическая работа в Красной Армии и боевой поход длительностью в два года и протяженностью в пять тысяч километров – от Волги до Байкала, поход, который уже сам по себе целая эпопея.

И все это в небывало бурное время, в годы общественного брожения начала века, мировой войны, двух революций и гражданской войны в России, когда все было сдвинуто с привычных мест, когда пришли в движение целые страны, народы, когда рекой лилась человеческая кровь. Он видел море людей и событий. Участвовал в этих событиях.

Собственная жизнь Гашека изобиловала драматическими ситуациями. Не раз он оказывался на волосок от гибели. Был случай на фронте, когда он вернулся из ночной разведки с простреленной фуражкой⁹. Он остался невредимым в боях под Сокалем, в которых был убит или ранен каждый второй сослуживец из его воинской части¹⁰ (и это не единственное сражение, в котором ему пришлось участвовать). Во время гражданской войны в России четыре месяца он скрывался в тылу противника, каждый день и каждый час рискуя быть схваченным. Был выдан ордер (а возможно и два) на его арест, что практически означало в то время смертный приговор. В Иркутске ему стреляли в спину, и пуля только коснулась его, оставив отметину на шее. Дважды он перенес тиф.

Жизненного опыта Гашека хватило бы на десяток писателей. Один восточный мудрец говорил, что человек богат встречами. Чешский бездомный сатирик был в этом смысле одним из самых богатых писателей в мировой литературе.

Но не только это. Не только обилие жизненных впечатлений...

Творчество «на людях». Гашека отличала редкая спонтанная наблюдательность. Он воспринимал окружающее настолько живо, что сам процесс художественного творчества как бы смещен у него на эту стадию. Более того, зачастую он не оставался пассивным наблюдателем, зрителем со стороны, а давал выход своей энергии комика и сатирика тут же на месте. Обладая поразительной способностью мгновенно оценить ту или иную ситуацию и ее комические возможности, он любил вмешаться, заострить и прояснить суть и смешную сторону происходящего. Собственно, это тоже было творчество юмориста, только не в литературе, а в жизни. Тем самым осуществлялась и постоянная «обратная связь» с жизнью. Он не только наблюдал ее, но и возвращал все время окружающим ее творческое переосмысление. Кажется, его неудержимо влекло великое искусство комических импровизаций. В известном смысле Гашек был художником-юмористом не только в литературе, но и в жизни, но об этом позже. Трудно даже сказать, чем он был более известен в довоенные годы – своими лите-

ратурными произведениями или своим необычным поведением, молва о котором разнеслась по всей Чехии.

Репутация богемного гуляки, неистощимого комика и «короля смеха» даже заслонила в глазах современников, да и потомков, и отодвинула в тень многие другие стороны незаурядной личности Гашека, иные грани его натуры, гораздо более сложной и глубокой, чем может показаться на первый взгляд. Мало кто знает, например, как горячо Гашек способен был любить. Полной неожиданностью для читателей явилась публикация его интимной переписки с Ярмилой Майеровой (десятки лет эта корреспонденция оставалась неизвестной и только недавно увидела свет). Сколько в этих письмах преданности и нежности, иногда даже сентиментальности. И вместе с тем – своего рода рыцарства, рыцарства плебея, который, чтобы посетить свою любимую Ярму в Либани, куда родители отправили девушку отдыхать, проделывал десятки и десятки километров пешком (до 68 километров в день). В истории чешской литературы нечто подобное случалось, пожалуй, только еще с одним писателем – трагическим поэтом первой трети XIX века Карелом Гинеком Махой.

Гашек умел быть рыцарем и по отношению к посторонним. Когда в 1908 году во время майских гуляний в пражском парке Стромовка неожиданно взбесился конь и помчал экипаж с актрисой Славинской, Гашек не раздумывая бросился останавливать коня. И хотя попытка оказалась безуспешной и молодой человек был отброшен и сбит, ушиб поясницу и вывихнул палец на руке, эпизод этот говорит сам за себя. Насколько опасной была ситуация, можно судить по тому, что актриса погибла. Недаром Ярмила, зная Гашека как никто другой, называла его Ричардом Львиное Сердце, откуда и появилась частая подпись под его письмами к ней – Риша (иногда в русском варианте – «Гриша»). Это же имя они дали и своему сыну, впоследствии довольно известному чешскому архитектору. По наследству оно перешло и к внуку писателя, ныне здравствующему Рихарду Гашеку.

Ему вообще не нужно было занимать мужества и воли. Когда однажды его укусил пес, чтобы не ходить на прививки, он собственноручно выжег рану на ноге раскаленным железом. Да еще проделал это два раза подряд. Гашек отличался поразительной физической выносливостью, какая чаще встречается не у интеллигентов, а у людей физического труда. Не обладай он такой выносливостью, еще не известно, довелось ли бы нам вообще читать роман о Швейке. Непритязательность к условиям быта и физичес-

кая закаленность, наверное, и позволили ему выдержать все трудности армейской и лагерной жизни и несколько тяжких заболеваний, которые косили тогда людей.

Никогда не покидавшее Гашека чувство реальности и зоркая наблюдательность не означали, что он и был лишь чутким свидетелем происходящего рядом и писал только о том, что видел. Как и большинство писателей нашего века от Бернарда Шоу и Максима Горького до Александра Солженицына, он питал повышенный интерес к большим процессам, происходящим в мире, к явным и скрытым механизмам функционирования общества и государства. Такова была уж сама атмосфера конца XIX – начала XX века, когда наступило время массовых политических партий и движений и вместе с войнами и революциями политика входила в каждый дом. Чуткость Гашека к общественно-политической жизни и прямое участие в ней объяснялось, по-видимому, отчасти и семейными традициями. Дед писателя Франтишек Гашек (1796–1865) был участником революционных событий 1848 года, избирался депутатом Кромержижского сейма Чехии, разогнанного потом австрийскими властями. По преданию он лично был знаком с Михаилом Бакуниним, развернувшим тогда бурную деятельность среди угнетенных австрийских славян, и даже помогал устраивать его побег из Австрийской империи, когда над ним нависла угроза ареста. Так возник еще один псевдоним Гашека: он часто подписывался в письмах к Ярмиле, а иногда и под рассказами в журналах, именем, позаимствованным у Бакунина – «Миня», «Митя» и т. д.

Нет больше романтики в Гемере. Иногда Гашека изображают таким необразованным самородком, мало даже читавшим художественную литературу. В отличие от большинства чешских писателей от Яна Коллара до Карела Чапека он действительно не получил высшего образования. Иногда это даже кололо его самолюбие, и были случаи, когда он сообщал, что якобы окончил торговую академию в Вене. Тем не менее он обладал обширными познаниями, впитывать которые ему помогала и его феноменальная память. Если собрать воедино упоминания о писателях, рассыпанные в его произведениях и письмах, неожиданно обнаружится как раз его немалая начитанность. Он неплохо знал, между прочим, русскую литературу от Пушкина и Гоголя до Достоевского, Горького и Аверченко. Привлекали его далеко не только юмористические произведения. В трогательные минуты встречи с Ярмилой, когда решался вопрос об их свадьбе, он вспомнил сцену объяснения Левина и Кити из «Анны Карениной». Однако шел он в своем творчестве дей-

ствительно не от литературы, а от жизни. У него даже не было периода литературных подражаний. Как-то очень естественно он сразу начал писать о том, что видел, и старался увидеть как можно больше. Уже самые первые свои рассказы он приносил из летних странствий, и они нередко напоминали то школьное сочинение, то страничку из дневника, хотя и заметно было стремление к сюжетной обработке материала и к неожиданным, чаще всего комическим поворотам мысли. В десятках рассказов встречаются подзаголовки типа «Очерк из Галиции», «Зарисовка из Бернских Альп» и т. п.

Такое начало творческого пути несколько даже удивительно для тех лет, потому что чешская литературная жизнь была тогда ориентирована скорее на литературную алхимию, на магию слова, чем на вникание в жизнь. Сверстники Гашека начинали обычно с чисто литературных подражаний, а нередко на них и застревали, так и не добравшись до самой жизни, которую полностью заслонила от них забота о литературном искусстве, а еще больше перепевы с чужого голоса. Гашек с убийственной иронией писал об этих юнцах, которые сочиняли стихи о «душах, качающихся на золотых струнах», и ездили в Париж для повышения своего уровня, что выражалось, по словам Гашека, главным образом «в употреблении абсента» (так называют во Франции полынную водку).

Сейчас уже трудно сказать, кому или чему Гашек был обязан изначальным пониманием того, что писателя не бывает без знания жизни. Не исключено, что примером в этом отношении ему отчасти послужил Марк Твен (еще один из школьных учителей Гашека, подметив его редкое чувство юмора, предрекал ему судьбу чешского Марка Твена). Могла повлиять и русская литература. Друг Гашека Ладислав Гаек вспоминал: «Гашек очень любил русских авторов и сам имел так много общего с Максимом Горьким. Мы хотели жить по-русски...», – и дальше: «Я уже сказал, что мы хотели жить по-русски..., мы хотели познать жизнь и писать о ней так, как мы сами ее познали»¹¹.

Так или иначе, уже первые рассказы Гашека не только написаны по живым впечатлениям, но и заключают в себе подспудную полемику с книжной романтикой. Отчасти это чувствуется и в иронических заглавиях таких рассказов, как «Сельская идиллия», «Идиллия кукурузного поля» и т. п. Нарисованные картины никак не похожи на идиллию. Сам юмористический эффект рождается из несовпадения ожидаемой романтики и совсем не романтического развития событий. Жизнь как бы опровергает стереотипы ходячих опозитизированных представ-

лений. Особенно колоритен рассказ «Нет больше романтики в Гемере». Он был написан, когда молодой человек занимался литературным творчеством уже около четырех лет и настолько овладел литературной техникой, что не побоялся прямо в заглавии рассекретить общее направление событий. И надо отдать должное его уверенности в себе: несмотря на подсказку, читатель до такой степени настраивается на романтический лад, что до самого конца так и не может угадать развязки, никак не предполагая, что жажда мести сопернику, отнявшему у главного героя невесту, обернется у пострадавшего всего-навсего стремлением вернуть деньги, потраченные на покупку цветного полushалка для девицы. И даже в одном из самых поэтических рассказов Гашека «Цыганская поэзия», который и звучит-то как стихотворение в прозе и повествует о цыгане, бежавшем из тюрьмы и схваченном ночью в степи жандармами, когда он загляделся на восход луны, автор не опускает «заземляющих» подробностей.

В раннем творчестве Гашека преобладала мягко-юмористическая тональность. Он изображал смешных в своей чванливости провинциальных помещиков, прижимистых богатеев, подтрунивал над человеческими слабостями небезгрешных священников, развеивал цыганскую экзотику, снимая с нее романтический ореол весьма прозаическими зарисовками и одновременно с юмором изображая всевозможные плутни, когда цыгане-мужчины, клянясь в честности, обманывают господ и их управляющих, а красивые цыганки дурачат барских отпрысков, да и самих старых бар («Цыганская история», «Похождения Дьюлы Какони»). Одновременно его привлекали цельные натуры людей из народа — удалые словацкие парни, знающие себе цену и умеющие постоять за себя девчата («Збойник за Магурой»), хлебосольные крепкие хозяева («Клятва Михи Гамо»), заядлые охотники («Ружье») и т. д.

Он подмечал находчивость расторопных простолюдинов в их общении с господами и чиновниками, их плутоватую изобретательность в сопротивлении панскому гнету. Вместе с тем, социальные трагедии, с которыми писатель сталкивался, наблюдая жизнь простого люда, отзывались в его творчестве и щемящими нотами. Уже один из первых его рассказов — о крестьянине, бежавшем из тюрьмы и гибнущем на горном перевале от пули жандарма («Смерть горца»). Смерть цыгана, застреленного на винограднике, изображена в рассказе «Над озером Балатон». Но преобладала все же жизнерадостная атмосфера. Молодого чело-

века манили края, где вода в реках «зелена, как поросль кукурузы», где столько неожиданных человеческих типов.

Однако прошло три-четыре года, и тон его рассказов меняется. На первый план все больше выступала беспощадная, жесткая сатира. Рассказы строятся теперь на резких социальных контрастах, из них уходят пейзажи, юмористические полутона. Действие чаще всего перемещается в город. Сказалось, по-видимому, сближение писателя со средой людей, оказавшихся на дне жизни. Из взаимоотношения героев, из раскрытия человеческих характеров автор стремится «извлечь» поучение о социальных законах. Он находит прямую взаимосвязь между благодеянием одних и нищетой, страданиями других. Сарказмом проникнуты рассказы «Фасоль», «Юбилей служанки Анны», «История поросенка Ксавера». В рассказе «Катастрофа на шахте» изображена трагическая гибель рабочих-углекопов и одновременно веселый благотворительный банкет с музыкой и фейерверком, устроенный женой шахтовладельца в пользу семей погибших. Иногда звучит прозрачное предсказание социальной революции: «Клинопись», «Наш дом», «Удивительные приключения графа Кулдыбулдеса».

Нет, наверное, ни одного звена политической системы Австро-Венгерской империи, которое не было бы затронуто в сатире Гашека. Человек, не знакомый с государственным устройством подобного типа, мог бы полностью восстановить его по произведениям чешского прозаика. И все время словно слышится вызывающий, веселый хохот улицы. Рассказы, фельетоны, памфлеты впитали в себя атмосферу враждебно-насмешливого отношения плебса к миру верхов, к чистой публике, ко всей существующей социальной системе, официальной морали. Судебный исполнитель, пришедший отбирать у крестьянина корову и перепуганный гневом крестьян, готов скорее выдать себя за вора, чем признаться, что он представитель властей («Судебный исполнитель Янчар»). Безногий нищий, вознамерившийся совершить какой-нибудь проступок, чтобы попасть на зиму в тюрьму и не заботиться о куске хлеба, с негодованием отвергает вариант с кражей как аморальный, но с радостью принимает совет друзей совершить публичное оскорбление имени императорского величества («Дедушка Янчар»). Гашек сам удивлялся, что рассказ пропустила цензура.

Демократические герои Гашека по-своему активны. Передавая их живая готовность насолить властям, подействовать любовью неприятности должностного лица. На пути всех этих «отцов народа», сановных особ, карьеристов-депутатов, церковнослу-

жителей, блюстителей порядка, сыщиков то и дело оказывается этот веселый плебей, который путает им карты и делает их посмешищем в глазах публики. Все это придает особую эмоциональную окраску произведениям Гашека. Среди них было немало по-настоящему искрящихся смехом. И все же в массиве его творчества еще трудно было разглядеть черты, которые обещали бы писателя мирового класса. Впрочем, некоторые такие черты уже присутствовали в потенциале, хотя никто им пока что не придавал особого значения, и проявлялись они еще не столько в литературных образах, сколько в особенностях самой творческой натуры Гашека.

Искусство импровизации. Творчество Гашека и его путь к роману о Швейке невозможно понять до конца, не учитывая, что Гашек представлял собой очень редкий тип писателя – он был одновременно прирожденным комиком в жизни. Литературные произведения только часть его юмористического творчества. О Гашеке можно написать целую книгу как о юмористе, даже не затрагивая его литературных занятий. Многие комические истории, связанные с его именем и делающие его образ почти легендарным, заслуживают репутации художественных произведений ничуть не меньше, чем его «написанные» рассказы, повести и юморески. Только созданы они непосредственно в жизни, выполнены, так сказать, прямо на жизненном материале.

Этот вид спонтанного художественного творчества не имеет названия и обычно никак не фиксируется. Лишь иногда оно оставляет след в дневниках и мемуарах или в устных преданиях вроде рассказов об удалых гусарских похождениях, об озорных розыгрышах в веселых компаниях и т. д. Искусством подобных импровизаций и владел в совершенстве Гашек. Тут были и мимолетные шутки, своего рода юмористические миниатюры, и целые большие композиции «с продолжением», в которых Гашек чаще всего выступал в роли и инициатора, и режиссера, и по крайней мере одного из актеров. Он, кстати говоря, вообще обладал актерскими способностями и склонностями. Известно, что одно время вместе со своими друзьями – а среди них были и профессиональные артисты, – он даже устраивал представления в кабаре. Наскоро сочинялись смешные пьески и тут же ставились. Получалось нечто вроде русских «капустников» с шутками, пародиями, веселыми остротами на злобу дня или в адрес известных лиц и т. д. Гашек сам охотно играл на сцене, даже женские роли. В одной из таких постановок он исполнял, например, роль библейской Сусанны. Известен слу-

чай, когда в женском одеянии он вышел из кабаре к табачному киоску за сигаретами и вернулся в сопровождении ухаже-ра, который решил приударить за приглянувшейся незнакомкой. Публика в трактире восторженно встретила их веселым смехом. Пражский исследователь А. Кнесл установил, что осенью 1912 года в театре «Декларация» на Жижкове (тогда предместье Праги), насчитывавшем около тысячи мест, Гашек выступал даже в роли одного из режиссеров и сам играл. Им было поставлено шесть оперетт, в том числе «Прекрасная Елена» и «Герцогиня Герольштейнская» Ж. Offenbacha, «Ночь в Венеции» Иоганна Штрауса, в которой он исполнял и роль сенатора Барбуччо. Играл он и в других опереттах и драматических спектаклях (в одном из них представлял шляхтича-генерала)¹².

Близкий друг Гашека, художник Йозеф Лада, впоследствии знаменитый иллюстратор «Швейка», рассказывал, что и в повседневной жизни они иногда разыгрывали с Гашеком некие роли и сценки. «Как-то раз мы договорились, что я буду бедным, а он богатым, но бессердечным крестьянином. У меня будет дочь, а у Гашека – сын, и эти двое так полюбят друг друга, что ни за какие сокровища на свете не захотят расстаться. Мы так вжились в роли, что более естественно, кажется, не могли вести себя в подобной ситуации даже живые герои. До поры до времени <...> жизнь у нас была сносной, но раз как-то Гашек ворвался домой разъяренный, как лев, и чуть было не избил меня. В винном погребке «На уголке» он будто бы услышал, что его сын Вацлав во что бы то ни стало хочет жениться на моей дочери Анежке. Узнав об этом, он, конечно, пулей вылетел оттуда! Гашек орал, что лучше свернет парню шею, чем даст согласие на его брак с такой голью. Он потребовал, чтобы я решительно запретил своей дочери бегать за его сыном. Разумеется, я с негодованием отказался. С тех пор пошли такие ссоры, что явился сам хозяин дома (Гашек жил в это время вместе с Ладой у него на квартире. – С. Н.) и пригрозил выселить нас по суду. Из-за наших детей мы даже несколько раз подрались, чувств своих мы не скрывали – мы ссорились в кафе, да что там, ругались даже в трамвае. И только после того, как однажды кто-то из соседей прислал к нам полицейского, потому что Гашек кричал на улице, что скорее подожжет дом, чем примет в свою семью мою дочь, черствый богач смирился и дал наконец согласие на брак наших детей»¹³. Нетрудно увидеть, что перед нами законченное художественное произведение, в котором есть и об-

разы героев, и конфликт между ними, и движение сюжета, и развязка, а в целом изображается картина определенных отношений. Уже в наши дни для таких сценок, разыгрываемых на людях и выдаваемых за чистую монету, придумано название «хэппенинг».

Но талант Гашека-импровизатора проявлялся и иначе. Он владел искусством создавать комические ситуации в самой жизни. Он умел также придать законченный комический вид отнюдь не разыгранным или намеренно спровоцированным, а вполне натуральным происшествиям, в которые он вторгался словно художник, чтобы досоздать их, пройтись, так сказать, кистью мастера, положить броский, красочный мазок, что-то высветить. Послушаем еще раз Йозефа Ладу. Дело происходило в известном пражском кафе «Унион», которое охотно посещали литераторы и люди искусства.

Случилось, что Лада несколько раз потихоньку уходил из этого кафе, не расплатившись и успокаивая себя тем, что с лихвой погасит долг, как только появятся деньги. Но вскоре он опять не удержался и заглянул в «Унион» выпить кофе. Правда, на этот раз была надежда, что почти наверняка в кафе зайдет кто-нибудь из знакомых и можно будет занять денег. Однако кофе был выпит, время шло, пора уже было спешить в другое место, а никто из знакомых не появлялся. Ко всему прочему, хозяин предусмотрительно крутился у выхода. «Я уже весь изнервничался, — вспоминал Лада, — сидел красный, как рак, пот лил с меня градом и руки у меня дрожали от волнения. В душе я проклинал себя и задавал себе вопрос, зачем вообще мне понадобилось идти на эти муки ради какой-то чашки кофе. Я обещал себе, что никогда больше не переступлю порог кафе без денег. В волнении я не заметил, что из другого угла, прищулив свои маленькие глазки, за мной внимательно наблюдает Гашек. За все время моих мучительных душевных переживаний он не проронил ни слова и только теперь, опасаясь, наверное, что я вот-вот не выдержу и лишусь рассудка, произнес вдруг, словно пробудившись: «У тебя денег нет, Пепик?... Я выручу тебя». Словно ангел-хранитель слетел с неба и опустился рядом. «Боже мой, Яроушек, ты у меня камень с души снял. Будь друг, сделай одолжение, век не забуду! В пять часов мне надо быть у Национального театра. Дай мне займы на кофе, будь добрый!». «Нет, займы-то я не могу тебе дать... У меня у самого ни гроша в кармане, — проговорил Гашек из своего угла. — Но я тебе помогу. Мы сейчас устроим драку, и я тебя в окно выброшу»¹⁴.

Пристроив к происходящему возникшую было надежду и неожиданный финал, еще больше обнаживший трагикомическое положение главного героя, Гашек, как мы видим, придал всему происшествию вид законченной юмористической миниатюры или коротенькой новеллы, если можно так назвать это ненаписанное произведение по аналогии с известным литературным жанром.

Сходна по «поэтике», по неожиданной концовке и история, которую автору этой книги рассказывал лет тридцать тому назад чешский писатель, сверстник Гашека Карел Новый, вспоминавший, как в его молодые годы Гашек, случайно встретившись однажды вечером с одним своим знакомым, напрашивался к нему на ночлег, а тот, в свою очередь, по каким-то обстоятельствам не мог или не хотел его пустить (осталось неизвестным, на самом деле Гашеку некуда было деться или он просто хотел посмотреть, как его знакомый будет выкручиваться из затруднительного положения, — Гашек иногда любил устроить такой эксперимент-розыгрыш). Поскольку никакие доводы не помогали, собеседник Гашека решил просто улизнуть от него и, выбрав момент, пустился наутек по вечерней пражской улице. Гашек, мгновенно оценив ситуацию, стал его преследовать с криком «Держи вора!».

Подобное творчество обладает своими отличительными особенностями по сравнению, например, с сочинением литературных или сценических произведений. Оно во многом подчиняется законам импровизации, причем импровизации, когда автор не является единственным и полновластным творцом, а вынужден считаться с поведением другой стороны, которая тоже выступает в роли своеобразного соавтора (часто невольного). Все это требует не только зоркой наблюдательности, но и мгновенной реакции, молниеносной работы воображения. Необходимо все время моментально учитывать меняющуюся ситуацию, проворно «подправлять» развитие событий, устремляя их в нужное русло и т. д.

Политика в зеркале смеха. Особое место в юмориаде Гашека занимала общественно-политическая жизнь. Социальные отношения и политика вообще были той сферой, где находились главные объекты гашековского осмеяния, далеко при этом не безобидного и часто уже перераставшего границы юмора и сатиры как таковых. Целый ряд историй связан с разоблачениями всевозможных доносчиков и провокаторов. Известен случай, когда Гашек и его друзья, прознав, что в их компанию в пивной втерся шпик, публично обвинили его в неблагонадежных политических

речах и вызвали полицию. Тот вынужден был предъявить документы и был полностью посрамлен в глазах публики и начальства.

Отдельные разоблачительные акции Гашека граничили прямо-таки с отчаянными детективными похождениями. Вместе с тем и в этих случаях Гашек с друзьями не забывали повеселиться. Так, рассказывают, что в бытность его анархистом в редакцию журнала «Коммуна» явился однажды незнакомец и представился как известный тогда итальянский анархист Пьетро Перри, бежавший якобы из России и теперь желавший побольше разузнать о чешских анархистах и сблизиться с ними. Гашек, служивший в редакции, быстро раскусил подлог. На следующий день в газете «Народни политика» будто бы можно было прочесть сообщение: «Вчера в 8 часов вечера перед зданием полицейского управления случилось происшествие, которое нельзя назвать иначе как хулиганством. Перед управлением остановилась карета с тремя пражскими гуляками, из которых один был в женском одеянии. Два другие, находившиеся, судя по всему, в нетрезвом состоянии, выдавали третьего за тяжело больного сыпным тифом. Этот третий, одетый в женское платье, был, однако, настолько пьян, что остался в бесчувственном состоянии лежать на тротуаре. Оба его спутника скрылись затем в пражских улицах, не расплатившись за поездку. Равным образом и кучер до сих пор неизвестен. Полиция предприняла усиленные поиски и уже напала на след»¹⁵. В газетном сообщении умалчивалось, что человеком, найденным у подъезда полицейского управления, оказался полицейский конфидент Александр Машек и что на груди у него была приколотая записка: «Компаньонам тайного политического департамента господам Гельнеру и Славичку (реальные должностные лица. — С. Н.) дарим этого уродя для зоологического сада при императорском дворце в Вене». Под текстом стояла подпись знаменитого немецкого основателя крупнейшей в мире фирмы по торговле дикими животными и владельца цирка зверей Гагенбека.

Добавим, что встреча с этим полицейским агентом была у Гашека не единственной (каждый раз тот гримировался). Другая якобы закончилась тем, что Машека принудили съесть провокационную бумагу, которую он намеревался подбросить в редакцию журнала — с тем, чтобы потом ее обнаружили при обыске (власти искали поводов изолировать неблагонадежных лиц перед приездом в Прагу императора). Позднее, во время Первой мировой войны, Машек оказался в России, был связан с русской

полицией и много вращался среди чешских колонистов и легионеров добровольческих частей, выполняя, видимо, задания австрийской разведки, за что и поплатился жизнью. В разоблачении его вновь особую роль сыграл Гашек, сначала напечатавший сведения о нем как о провокаторе и шпионе в журнале «Чехословакия» (23 апреля 1917 г.), а затем участвовавший в его опознании¹⁶. Эти истории граничат с детективом. Разумеется, их нельзя сводить лишь к художественной юмориаде. Здесь на карту ставились более серьезные вещи. Но вместе с тем даже в этих случаях порой проявлено столько артистизма и юмора.

Шел ноябрь 1914 года. Австро-Венгрия уже четвертый месяц находилась в состоянии войны с Россией. И вот Гашек, остановившись на ночлег в пражской гостинице «У Валшу», записался в бланке, который заполняли прибывшие, в качестве купца под русской фамилией, русским именем и отчеством, указав местом своего рождения Киев, а городом, из которого прибыл, Москву. Не удивительно, что вскоре он очутился в полицейском управлении. Когда комиссар полиции Клима (не первый раз встречавшийся с Гашеком) обрадованно заявил, что он так и предполагал какое-то недоразумение, Гашек некоторое время делал вид, что не понимает чешского языка. В конце концов на вопрос полицейского комиссара, зачем все это было сделано, он ответил, что хотел на собственном опыте удостовериться в бдительности австрийской полиции в условиях военного времени. Гонораром за эту инсценировку был пятидневный арест.

Среди излюбленных «жанров» гашековской комики едва ли не первое место занимают всевозможные розыгрыши и мистификации. Он вообще словно загорался, столкнувшись с ситуацией, допускающей при известной игре воображения разные истолкования.

Еще подростком Гашека привели однажды в полицию, после того как он был задержан в толпе, из которой бросали камни в конных полицейских. В карманах у него были обнаружены камни. Он объяснял, что нес их в школу для минералогической коллекции. Такое объяснение невозможно подтвердить, но оно обладает тем достоинством, что его невозможно и опровергнуть, хотя и остается самый широкий простор для подозрений. Позднее Гашек не раз возвращался к этой истории, словно наслаждаясь заложенными в ней возможностями для комических вариаций. Особой двусмысленностью отличалась версия, которую он развивал в одной из своих юмористических речей

(кто-то из присутствующих догадался застенографировать ее). Он относил теперь этот эпизод уже к другому времени, когда он был далеко не подростком, и рассказывал, что в карманах у него лежали куски гранита и мрамора, которые он по чистой случайности подобрал для своей коллекции на мостовой во время уличных беспорядков. «Но совершенно не искушенный в минералогии полицейский чиновник принял их за камни, какими мостят улицы и бросаются в полицейских». И добавлял: «То обстоятельство, что между этими минералами затесался и кусок кирпича (!), я объяснял ошибкой, потому что в давке, когда я поднимал эти камни, чтобы их не растоптали, я принял кирпич за кусок известкового туфа» (IX, 272). Как все происходило на самом деле и происходило ли вообще, так и остается загадкой.

По правилам игры и мифа. В жизни Гашека вообще существует множество эпизодов и событий, в том числе самых серьезных, которые известны в нескольких версиях. Биографам остается только гадать, какой из них верить и верна ли хоть одна из них. До сих пор не объяснена поездка Гашека в Болгарию в 1903 году, когда там вспыхнуло восстание против турок. Она невольно заставляет вспомнить его намерение отправиться на помощь бурам в их войне против англичан. Но, вернувшись с Балкан, он отделялся чисто юмористическими рассказами, выставляя все в смешном и несерьезном свете. Туманом окутана его попытка перейти границу России – кстати говоря, как раз после поездки в Болгарию. Напрашивается даже вопрос, не искал ли он тогда вообще способа бежать из постылой Австро-Венгерской империи (естественно, такие намерения он не мог не хранить в тайне – далеко уже не из художественных соображений). Случайно ли после этих историй Гашек подался и к анархистам?

Противоречивы истории с его арестом в 1907 году во время первомайской демонстрации. Он утверждал в ходе следствия, что на стража порядка покушался не он, а неизвестный мужчина, который неожиданно вырвал у него трость, использовал ее, а затем проворно сунул ее снова ему в руки и мгновенно скрылся в толпе. В пользу Гашека выступили шесть свидетелей – однако все из числа участников митинга анархистов, предшествовавшего демонстрации. Тем не менее даже в протоколе оказались записанными две версии, что, впрочем, не мешало Гашеку позднее оспирить, что полицейский тогда «нечаянно ударился о его трость».

Не вполне ясными остаются и обстоятельства разрыва Гашека с анархизмом через три года после сближения с ним. Точ-

нее говоря, ясно одно – он разочаровался в этом движении, хотя и не изменил своего неприязненного отношения к существующему социально-политическому строю и политике национального гнета. Известно также, что в некоторых лидерах чешского анархизма он зорко распознал любителей покрасоваться на публике, да и просто провокаторов и темных дельцов (что потом и подтвердилось). Однако сам-то он распространял слух и даже упомянул в печати, будто ушел от анархистов после того, как с ним провели наставительную беседу в тайной полиции.

В правила игры у Гашека входило, как мы видим, и возведение напраслины на себя. Он не имел обыкновения и оправдываться. Если на него нападали или что-то приписывали ему и т. д., он сам начинал наговаривать на себя еще больше, доводя все до абсурда. Даже и задним числом он не стремился как-то подправить возникающий гротесковый образ, предпочитая оставлять публику в недоумении. «Гашека как-то невозможно было понять, – вспоминал писатель Иржи Маген, – слишком часто он скрывался, пропадал, и откровенно вам скажу, приятелем в обычном тогдашнем понимании он никогда, собственно, не был. Гашек был скорее домовым, который исчезал за печной трубой, едва вы заводили с ним разговор. Кроме того, он постоянно был полон всяких выдумок и затей и без промедления отдавался им»¹⁷. Создается впечатление, что Гашек вообще был откровенным в жизни только с одним человеком – Ярмилой Мейеровой. Перед другими он никогда не раскрывался до конца, оставаясь для них во многом загадкой.

Чешский исследователь жизни и творчества Гашека Радко Пытлик проникательно заметил, что Гашек и жизнь свою творил как своего рода миф. В известном смысле это тоже было художественное произведение – с тайнами, с недосказанностью, с комическими развязками...

К числу поступков Гашека, о которых невозможно сказать, совершались они в шутку или всерьез, относится и история 1912 года, попавшая даже в газетную хронику происшествий. Мастер по парикам пражского Национального театра, проходя однажды поздней ночью по одному из городских мостов, увидел мужчину, так низко наклонившегося через перила, что принял его за самоубийцу и попытался спасти. Незнакомец (им оказался Гашек) отчаянно сопротивлялся. Во время схватки подоспела полиция, и Гашек был доставлен в психиатрическую лечебницу, где и провел около двух недель. Радко Пытлик склоняется к тому, что

Гашек на этот раз действительно мог попытаться покончить с собой. Он находился в тот момент в крайне трудном положении. Стало ясно, что ему не удастся найти работу и он не в состоянии будет содержать жену и ожидавшегося ребенка. Произошла крупная ссора с Ярмилой, и он ушел из дому. Так могла возникнуть и мысль свести счеты с жизнью. Лишь потом, по предположению Пытлика, все было обращено в шутку¹⁸. Мнение Пытлика разделяет и Иржи Гаек¹⁹. Однако другие биографы Гашека склонны думать, что и на этот раз был розыгрыш, жертвой которого и оказался парикмахер. Вновь мы сталкиваемся с дразнящим отсутствием окончательного ответа, что и относится к числу особенностей поэтики гашековского «мифа», созданного отчасти им самим, отчасти его окружением, которое охотно поддерживало и развивало возникающий необычный образ. Так или иначе, происшествие на мосту дало Гашеку пищу для юмористического рассказа «Психиатрическая загадка», а впечатления от лечебницы душевнобольных были использованы им годы спустя в веселых главах романа о Швейке. Надо сказать, что в больнице Гашек не столько проходил обследование, сколько занимался по просьбе врача подшивкой историй болезней, получив таким образом доступ к ним.

До сих пор остаются неясности и в дальнейшей биографии Гашека. До наших дней во многом окружены тайной четыре месяца его жизни в 1918 году, когда целое лето и часть осени он скрывался в Самарской губернии после взятия Самары войсками чехословацкого корпуса и лишь позднее вновь появился (уже в районе Симбирска) в расположении Красной Армии*. Служивец Гашека С. М. Бирюков рассказывал автору этой книги, что Гашек проходил тогда даже проверку военного трибунала. Йозеф Поспишил также вспоминает, что Гашек на некоторое время оказался даже за решеткой²⁰. В 1920 году в известном письме Ярославу Петрлику-Салету (председателю Центрального чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б)) Гашек сообщал, что прежде, чем убраться в Симбирск, ему пришлось «в Самарской губернии два месяца разыгрывать печальную роль идиота от рождения, сына немецкого колониста из Туркестана, который в молодости потерял дом и блуждает по

---

* Московский историк Ю. Н. Щербakov недавно обнаружил в архивах документ, содержащий сведения о движении сотрудников, находившихся в распоряжении Политотдела 5-й Красной Армии, где указывается, что Гашек прибыл в Политотдел в Симбирске 10 октября 1918 года.

свету, чему верили и дошлые патрули чешских войск, проходившие теми краями»²¹. Если это так, то роль (как уже отмечалось в литературе о Гашеке) была выбрана очень удачно: с Туркестаном никакой связи тогда не было, и проверить эту версию было невозможно; кроме того, она объясняла погрешности у Гашека и в русском, и в немецком языках. Но даже в этом, в общем-то достаточно официальном, письме остаются неясности. Почему упомянуты два месяца, а не четыре? Возникают и другие вопросы. Откуда, например, взялось и с чем связано появившееся в его документах, видимо, как раз после его самарских скитаний, отчество «Романович»?²² (Отца Гашека звали Йозеф).

Биография Гашека, которая во многом казалась загадкой для современников, такой же перешла и к потомкам. В ней так и осталось множество белых пятен, неразгаданных ситуаций и событий.

Репутация странного чудака и комика в известном смысле и в определенные периоды жизни была и удобна для Гашека. Надо учесть, что в молодости он находился на подозрении у тайной полиции, а одно время в секретных донесениях сообщалось о нем как об «особенно опасном анархисте». И мнение, которое он создал о себе, во многом служило прикрытием, за которым он чувствовал себя гораздо свободнее и в большей безопасности. Ладислав Гаек, по-видимому, был не далек от истины, когда написал, что «любой другой поплатился бы тюрьмой за сотую долю того, что позволял себе Гашек в осмеянии полиции, армии, бюрократии, всего австрийского, а ему все сходило с рук. Если он попадал в полицию, то объяснял все таким образом, что полицейские покатывались со смеху и отпускали его»²³.

Нельзя, однако, думать, будто жизнь Гашека и состояла из веселых приключений. Он знал тяжелые, даже трагические состояния. Ярмила вообще утверждала, что он был скорее серьезным и грустным, чем веселым человеком, что он стремился к людям и искал успеха у них, чтобы «заглушить то, что плакало и стонало в его душе»²⁴. Сам смех его звучал порой надрывно, с подспудной горечью. Тон рассказов иногда граничит с озлобленным, «жестоким» реализмом, с натуралистическим эпатажем читателя. По мере того, как он погружался (примерно с 1904 г.) в жизнь социальных низов, городского дна, в его рассказах все чаще проскальзывают едва ли не приступы пароксизмов и ноты отчаяния. Они прорываются то безысходным социальным сочувствием («Фасоль», «Когда ломали старые стены»), то злыми финалами рассказов, когда выворачивается на поверх-

ность черная изнанка жизни, когда он упрямо показывает, как рушатся иллюзии и зло побеждает добро («Студенческая любовь», «Курица-идеалистка»). Казалось, не было и просвета. Надежды на анархистское движение оказались обманутыми, и «бакунинские» мечты не сбылись. Не сулила успеха, по его мнению, и деятельность других политических партий, включая социал-демократов. Сам он все время пребывал в состоянии неустроенности, познав цену, которую надо платить за нежелание приспособливаться к условностям мещанской среды. Долго согревавшая его любовь к Ярмиле оказалась в конце концов в непримиримом противоречии с его привычкой творить «на людях», и брак, которого они так долго добивались, преодолевая сопротивление ее родителей, вскоре распался. И все же, несмотря ни на что, преобладала и в конечном счете даже нарастала в его литературном творчестве и в его устных импровизациях атмосфера заразительно веселого смеха. Парадокс этот имеет свое объяснение. С годами к Гашеку все больше приходило ощущение силы и даже власти смеха, его магического действия на людей. Гашек умел так осмеять своих противников, что, казалось, они наказаны уже своими пороками и своей неполноценностью. Это и позволяло ему смеяться не злорадным, а веселым смехом. Его юмористические акции привлекали все большее внимание. За дружиной Гашека, кочевавшей из одних заведений в другие, тянулся шлейф постоянных почитателей и любителей остроумного слова и божемных развлечений. Она приобретала известность и популярность, словно театральный коллектив. Приходили новые и новые любопытствующие, чтобы только посмотреть и послушать. Раз якобы пожаловал сам наследник трона Карл, наслышавшийся о пражском короле смеха. Комические розыгрыши Гашека постепенно приобретают все более широкий и шумный характер. Иногда они вырастают в целые истории, о которых говорит вся Прага. Порой слухи о них проникают в печать.

Партия умеренного прогресса в рамках закона. Перед Первой мировой войной Австро-Венгрия являла собой довольно странную картину. Еще в XIX веке русский поэт и дипломат Ф. И. Тютчев назвал лоскутную державу Габсбургов Ахиллесом, у которого везде пята. Почти все народы, населявшие это государство, оказались в его составе не по своей воле и никогда не питали особого почтения ни к августейшему дому Габсбургов, ни к так называемой «общей родине». Страну раздирали центробежные тенденции. Декорум официальной пышности, внушительный полицейско-бюрократический аппарат составляли резкий контраст к настроениям подданных и

вызывали у них скорее иронию и насмешку. Казалось, и сам возраст престарелого монарха, занявшего трон еще в первой половине XIX века (1848), олицетворял дряхлость империи. Часто не блистали искусством политики и лидеры оппозиционных партий. К тому же представители разных наций в парламенте парализовали усилия друг друга. Все это порождало атмосферу абсурдности. В этой обстановке наряду с распространением различных стихийных и сознательных форм протеста, саботажа, бунтарства все громче звучал и непочтительный смех выходящих из повиновения народных низов и радикально настроенной интеллигенции.

Карел Чапек назвал однажды народный юмор непрерывным комментарием к жизни. В годы, о которых идет речь, такой комментарий превращался в способ формирования оппозиционного общественного мнения. Невиданные размеры приняла дискредитация официальной картины мира с помощью смеха. Сатирическая литература представляла собой лишь верхний слой гораздо более широкого явления. В этой обстановке и родилась самая грандиозная пародийно-сатирическая акция Гашека – инсценировка создания партии умеренного прогресса в рамках закона. Это был уже не эпизод, не юмористическая миниатюра, а своего рода пародия-эпопея. В истории мировой комедии, во всемирной истории смеха, пожалуй, трудно найти второе подобное начинание, которое отличалось бы таким же размахом, таким числом участников, такой изобретательностью политического озорства и широтой огласки.

Буффонада назревала постепенно, но вершины своей достигла в 1911 году, во время дополнительных выборов в австрийский парламент по виноградокому избирательному округу в Праге, когда, воспользовавшись свободой слова и собраний, Гашек стал публично разыгрывать создание необычной партии. В импровизированном спектакле участвовали десятки его друзей и знакомых, в том числе поэты и писатели Йозеф Мах, Ладислав Гаек, Иржи Маген, Густав Опоченский, Франтишек Лангер, тонкий ценитель юмора Эдуард Дробилек, журналисты, актеры и т. д. Представление длилось несколько недель, постепенно разрастаясь, вовлекая новых и новых участников и зрителей, обогащаясь все новыми находками и комическими поворотами.

Коллективная пародия затрагивала самые разнообразные стороны общественно-политической жизни: официальную политику австрийских и чешских властей, поведение оппозиции, нравы, царящие среди депутатов парламента.

XX век стал веком политических партий. Они впервые в истории возникали в таком изобилии и становились массовыми. Неизмеримо возросла численность людей, вовлеченных в партийное движение, которое превратилось одновременно в главную форму организации общественно-политической жизни. Внимание Гашека, юмориста и сатирика, и привлек этот феномен, не лишенный наряду с достоинствами своих внутренних противоречий. От пристального взгляда писателя не укрылось нередкое отсутствие гармонии между общими целями, провозглашаемыми каждой партией, и эгоистическими интересами многих участников движения и отдельных групп. Не осталось тайной для него и манипулирование массами (как сказали бы мы в наши дни) со стороны лидеров и депутатов, также нередко ставящих свои частные и групповые выгоды выше идеалов и принципов. Во всяком случае австро-венгерская политическая жизнь поставляла обильную пищу для размышлений подобного рода. Замечательный чешский поэт (в чем-то предшественник современных бардов) Франтишек Гельнер, чьи озорные песенки распевала тогда молодежь в веселых компаниях, писал:

*Политика – вот напасть –
Это сплошь борьба за власть!
Тут уже не до идей –
Это для других людей.*

(«Последние события») ²⁵

К концу 1900 годов Гашек успел разочароваться во всех политических партиях, существовавших тогда в Чехии и в империи в целом, придя к убеждению, что их оппозиционность мелка и несерьезна, а программы и высокие слова о борьбе за свободу остаются праздными фразами, граничащими с обманом народа. Не разделял он и радужных надежд социал-демократов на грядущую парламентскую борьбу, условия которой явно улучшились после 1907 года, когда в стране под напором народных выступлений было введено всеобщее избирательное право. Это стало большой победой социал-демократов, возглавлявших движение. Однако их воображению парламентская демократия рисовалась в «чистом» ее виде, в розовом свете. Гашек, имевший привычку никогда не упускать из виду и вторую сторону медали, был куда более скептичен. Во-первых, события последних десятилетий в ряде стран Европы убедили его, что непослушные пар-

ламенты нередко попросту разгоняют, а депутатов даже отправляют за решетку, где они «получают возможность в полной мере предаваться воспоминаниям о своей парламентской неприкосновенности<...> Надо быть круглым идиотом, чтобы позволить выбрать себя, если после этого у тебя окажется еще меньше прав, чем у избирателей», – писал он в сатирическом эссе «Парламенты» (VIII, 68). Правда, у него не возникало сомнений, что чешским депутатам крайние меры не грозят, так как «самое большее, на что отважатся наиболее смелые из них, – это попросить у правительства льгот для мясников-живодеров в разведении свиней» (там же). С другой стороны, иронию вызывала у него и структура современных парламентов, в которых над нижней, по сути дела совещательной палатой поставлена привилегированная высшая палата с ее решающим голосом. Он считал, что «палата господ – это преграда против демократических элементов» и проектов на случай, если бы они прошли в нижней палате.

Не питал Гашек иллюзий и о корпусе депутатов, не без основания полагая, что истинными побудительными мотивами, заставляющими рваться к парламентским креслам, далеко не всегда бывают те, что провозглашаются на словах. Множество жгучих, как крапива, фельетонов и памфлетов Гашека, в которых он изображал чешских политиков и депутатов парламента, выводя их чаще всего под собственными именами, красноречиво показывают, как далек он был от идеализации избранников народа и как далеки были зачастую сами избранники от идеала. Чередой казнокрадов, карьеристов, честолюбцев, лицемеров, героев фразы встает со страниц его «галереи карикатур». Таково было, впрочем, мнение не только Гашека. Язвительные портреты своего рода приживальщиков рабочего движения рисовали в то же время и другие литераторы, особенно упоминавшийся уже Франтишек Гельнер. Одно из его стихотворений написано, например, в виде беседы разоткровенничавшегося красного лидера с не очень набожным пастором:

*Мы на один мотив играем,
Людские души маним раем,
У вас он – где-то в вечности,
У нас он в бесконечности.
Но веруем – не веруем,
Мы знаем, что мы делаем.*

*Зачем буквально понимать
Всех обещаний благодать?
Ведь, слава богу, что для нас
От них уж польза есть сейчас.
И каждый праведник рукой
Слегка живот похлопал свой
(«Красный и черный»)*

Гашек констатировал также «странную» закономерность: каждый социал-демократический лидер «в борьбе за права пролетариата трогательно тучнеет. Видать, таков уж удел не только социал-демократических вождей, но и вождей всех народных партий вообще» (IX, 118).

Юмористическое название партии умеренного прогресса в рамках закона заключало в себе ироническую мысль о подмене освободительной борьбы чуть ли не сдерживанием ее. В духе этой иронии и разворачивался спектакль, облеченный в форму веселого шутовства бесшабашной богемной компании.

Основные события разыгрывались в одном из пражских трактиров, где регулярно собиралась публика, среди которой задавали тон Гашек и его друзья. Застолья уподоблялись своего рода предвыборным собраниям (сходство усиливалось благодаря тому, что предвыборные центры чешских политических партий вообще обычно помещались в пивных). Был составлен манифест партии, призывавший придерживаться только умеренного прогресса и только в рамках закона. В числе подписей под манифестом стояла и подпись полицейского комиссара Слабого, ходившего в трактир, принимавшего, по-видимому, участие в развлечениях и едва ли осознавшего тот дополнительный оттенок двусмысленности, который придавала шуточному документу его подпись под ним. Точно так же выглядела под манифестом и подпись лидера социал-демократов Богумира Шмерала, также заглянувшего раз-другой на «собрания» партии и оставившего свой автограф под манифестом.

Что касается программы партии, Гашек заявил, что она у него имеется, но будет держаться в тайне до самых выборов, а, может быть, и позже, так как программы часто крадут другие партии. Зато был сочинен гимн. Присутствующие хором исполняли его каждый раз перед началом шутейного действа. Текст гимна (его автором был поэт Йозеф Мах) представлял собой пародию на широко известную тогда боевую песню анархистов «Миллионы рук во тьме поднялись...». Вызывающий смысл песни был заменен

восхвалением приспособленчества. Осмеивалось также корыстолюбие депутатов:

*Мильоны кандидатов встали,
Чтоб был обманут честный люд,
Чтобы им голоса отдали,
Они охотно их возьмут.*

*Пушай сторонники эксцессов
Насильем строй менять хотят.
Умеренного мы прогресса,
Пан Гашек – вот наш кандидат.*

Были в гимне и выпады против лидеров других партий и кандидатов-соперников, от которых следовало ожидать всяких происков и козней. Однако и тут торжественные строки дышали немеркнущим оптимизмом и верой в живучесть приверженцев осмотрительности и хамелеонства:

*Дык, Крамарж, Клофач и Ивонна^{*}
Не доведут нас до тюрьмы.
Лишь в рамках строго закона
Храним прогрессу верность мы.*

*С любым режимом мы поладим,
Хоть ты нас на цепь посади.
Умеренность, как на параде,
Она, конечно, победит! (IX, 294)*

Ритуал совершался с пародийным соблюдением закона о собраниях. Уже на первом, «учредительном съезде» партии председательствующий, в полном соответствии с пунктом закона, запрещавшим скопление вооруженных лиц, предложил всем присутствующим сдать всякое оружие и особенно пистолеты, ножи и кинжалы, если они у кого-либо имеются, и сложить их на стол президиума – «хотя бы уже из тех соображений, что в столь поздний вечерний час вряд ли удалось бы сыскать другого докладчика» (IX, 295).

Гашек играл роль лидера партии и кандидата в депутаты. Главным пунктом программы всегда были его речи, которых с

---

^{*} Ведущие деятели чешских политических партий того времени.

нетерпением ждали все присутствующие. С каждым разом народу прибывало. Из разных концов Праги приезжали новые и новые слушатели. В своих импровизированных выступлениях Гашек призывал усилить строгости по отношению к беднейшим слоям населения, возродить рабство и инквизицию, «обосновывал» преимущества умеренного прогресса и беспрекословного почитания законов. «Прогресс обоюдоострое оружие, так же как пиво. Люди накинутся на него и не знают, когда остановиться...» (IX, 277), – провозглашал он.

В ритуал избирательной кампании, как известно, входит восхваление кандидата в депутаты, Гашек великодушно взял эту задачу на себя, прославившись знаменитой речью «Величайший чешский писатель Ярослав Гашек».

Иногда лидер новоявленной партии выступал с «общеобразовательным лекциями», например, на темы «Святые с экономической точки зрения», «О значении миссионеров для африканских туземцев», «О дрессировке полицейских собак», о борьбе против алкоголизма, о подлинности Краледворской рукописи (давно разоблаченная литературная подделка начала XIX века под древние чешские памятники). Излюбленной была тема национализации дворников. Гневные нападки на дворников, которые не хотят бесплатно открывать ночью подъезды возвращающимся завсегдатаям пивных и кабачков, сопровождалась настойчивым требованием взять дворников на государственное обеспечение (соль заключалась в том, что пражские дворники, державшие у себя ключи от подъездов, часто использовались полицией в качестве осведомителей). Кандидат в депутаты разражался протестами против взимания платы в общественных местах, из-за чего неимущие вынуждены пользоваться «местами еще более общественными»... «Серьезные» темы, как видно и из последнего примера, перемешивались с чисто бытовыми, высокие материи с низкими, но при этом Гашек играл роль трибуна, широко прибегая ко всякого рода ораторским приемам и ухищрениям, демагогическим выпадам, использовал высокопарную лексику и фразеологию, парировал возгласы из зала, апеллировал к публике и т. д. «С деланной серьезностью он касался самых щекотливых тем. С необычайно серьезным видом и вкрадчивой почтительностью высказывался о «всемиловитейшем нашем государе, императоре австрийском и короле чешском Франце-Иосифе I». Это было сплошное осмеяние австрийской бюрократии, однако так замаскированное показной глупостью и отличным юмором

Гашека, что ни один самый строгий шпи́к не мог ни к чему придраться...»²⁶, – вспоминал Гаек. По окончании речи разрешалось задавать вопросы – первые три бесплатно, каждый последующий за кружку пива – «в избирательный фонд партии».

Иногда, расположив публику и создав соответствующее настроение, Гашек позволял себе достаточно дерзкие выпады. «Между нами сидит несколько полицейских конфиденгов, – обратился он однажды к публике, – на которых я могу указать пальцем и которые, злоупотребив законом, гарантирующим свободу избирательных собраний, пришли сюда под видом обыкновенных избирателей. По адресу этих шпи́ков заявляю, что мне хорошо известно, как должен поступать с ними честный гражданин. Не буду распространяться, скажу лишь, что при использовании приема под названием «захват шеи» (а в этом случае не делается различий между полицейскими шпи́ками и обычными гражданами) левая рука противника перехватывается в запястье и одновременно выкручивается за спину, правая нога подсекается ударом под так называемую коленную чашечку, левая же остается нетронутой и совершенно свободной, чтобы при выдворении ею можно было открыть двери помещения, не повредив их, ибо, во-первых, они стеклянные, а, во-вторых, являются собственностью моего старого приверженца, владельца трактира пана Звержины» (IX, 273). Кандидат в парламент щедро раздавал депутатские обещания, не исключая персональных, сулил кого-то повысить в должности, отблагодарить и т. д.

Расклеивались плакаты: «Как один отдайте свои голоса за нашего кандидата партии умеренного прогресса в рамках закона, писателя Ярослава Гашека, который на многочисленных собраниях развернул богатую программу национализации дворников!», «В случае избрания нашего кандидата обещаем выступить против землетрясения в Мексике», «То, что вы не получите от Вены, получите от нас», «Требуем передать ломбарды в ведение духовенства!», «Нам не хватает всего пятнадцать голосов. Денег не экономим», «Отдавший свой голос за нас получит в награду малый карманный аквариум», «Сегодня панихида по провалившимся кандидатам».

Сведения о количестве голосов, полученных Гашеком, расходятся. Во всяком случае, их оказалось около 2-х – 3-х десятков. Все они были вписаны в бюллетени его друзьями и почитателями (официально он не был зарегистрирован в качестве кандидата в депутаты).

Шумный пародийно-сатирический спектакль получил широкий резонанс в Праге. Слухи о партии умеренного прогресса в рамках закона проникли даже в печать.

Если бы Гашек вообще не написал ни одного литературного произведения, то истории с партией умеренного прогресса было бы достаточно, чтобы он остался в памяти соотечественников как незаурядный и колоритный талант. Известный писатель Франтишек Лангер, участвовавший в буффонаде Гашека, считал даже его речи «самым крупным и самым цельным его юмористическим произведением», вплоть до романа о Швейке, полагая, что «и в остальном они не уступают главной его книге»²⁷. Говоря о смысле и поэтике его речей, Лангер особенно выделял гашековское искусство устной пародии: это была «карикатура на фразерство, какое плодили тогда политические ремесленники из числа всевозможных партийных агитаторов, ораторов, журналистов, самозванных представителей и глашатаев чешского народа. Гашек умел оперировать расхожими стереотипными фразами, употребляя их в дословном звучании и одновременно подражая им, пародируя их. Он в полном объеме владел жаргоном собраний, банальной фразеологией листовок и передовиц, громким слогом и сентиментальным сюсюканьем лозунгов и обращений. Он обрушивал на слушателей целые каскады подобного словесного материала, кстати и некстати вплетая его в свою речь. Сверх этого он придумывал мнимые цитаты и высказывания, приписывая их разным авторитетам. Подражая заправским ораторам, он был то патетичен и восторжен, то растроган – однако, не тогда, когда нужно <...> В потоке речей рождались гашековские ораторские гирлянды, нагромождения из бессодержательных и запутанных фраз, которые, благодаря модуляциям голоса, походили на подготовительные тирады, какими ораторы часто предваряют какое-нибудь важное заявление, которое должно прозвучать с особой силой как программное, демонстративное и, разумеется, радикальное. У Гашека такие тирады завершались какой-нибудь смешной, гротескной и неожиданной нелепицей»²⁸.

Речи Гашека – замечательные образцы устной комической импровизации. Снова надо сказать об импровизации как особом виде искусства. В чем-то оно, наверное, даже труднее, нежели литературное творчество. Если писателю требуется дар наблюдателя и сочинителя, то импровизатор сверх этого должен обладать еще и талантом актера и мгновенной реакцией. А Гашек к

тому же выступал не просто с импровизациями, а с импровизациями-пародиями, а это требует уже совсем особого дарования.

С окончанием выборов утратил силу закон о свободе собраний и митингов, однако Гашек и его друзья нашли возможность продолжить свои выступления. Они создали любительское кабаре и стали давать представления в том же трактире на импровизированной сцене. Были привлечены и профессиональные актеры Артур Лонген, Эдуард Басс и другие. Но в основном «труппу» составляли сами учредители партии умеренного прогресса в рамках закона. Сохранена была и преемственная связь с недавней буффонадой. Перед представлениями по-прежнему исполнялся гимн партии умеренного прогресса, афиши зазывали публику послушать «общеобразовательные» лекции Гашека. Что касается пьес, они сочинялись коллективно. Обычно после обеда создавался текст, в шесть вечера проводилась репетиция (сразу генеральная), позднее игралась премьера.

Часть пьес Гашека и его соавторов сохранилась. Несколько лет тому назад они были изданы в Праге отдельной книгой. Все они носят комический характер, зачастую написаны стихом и, пожалуй, больше всего напоминают сценарии и тексты небольших любительских представлений, какие разыгрывают в «капустниках». Наряду с вымышленными персонажами, а также традиционными образами и типажам (библейскими, историческими, литературными) в пьесах фигурировали некоторые известные в Праге лица. Особенно доставалось бесталанному, но плодовитому писателю Квидо Марии Выхсочилу.

Поскольку владелец трактира дважды переселялся со своим заведением на новое место, кочевала вслед за ним и верная ему «труппа». Напоследок трактир помещался рядом с оградой Малостранского кладбища. Вскоре разнесся слух, что в окрестностях по ночам появляется привидение. Гашек, служивший тогда репортером по отделу хроники и происшествий в одной из пражских газет, написал об этом событии большую юмористическую заметку «Привидение в Коширжах и на Смихове», которая вызвала потом даже запрос в парламенте. (Русский перевод этого на редкость остроумного и веселого «репортажа» Гашека опубликован у нас пока что единственно в книге «Ярослав Гашек смеется и обличает». М.: Детгиз., 1983.) По мнению Лангера, привидение также было делом рук кого-то из гашековской компании. Во всяком случае Гашек получил еще одну новую тему для «общеобразовательных» лекций, с которыми он выступал теперь перед публикой на открытом воздухе, где в летние месяцы расставля-

лись столы для посетителей ресторации. Однако кто-то донес, будто он использует свои выступления о призраках для нападок на городские власти, которые не умеют обеспечить покой даже мертвым. Владельцу заведения было запрещено выносить столы на улицу, и он вынужден был закрыть его. Впрочем, Гашек выступал со своими импровизациями и в других местах.

Мастерство пародии и шаржа. Как уже говорилось, стихия устной комики увлекала Гашека не меньше, чем литературное творчество, и сливалась с ним, образуя некое единое целое. Розыгрыш, затеянный где-нибудь в веселой компании, получал затем развитие в литературном произведении, оказывался темой рассказа, юморески. В свою очередь литературные мотивы, найденные во время работы над текстом рассказа или фельетона, использовались потом в устных комических импровизациях и «речах» Гашека. Одно переходило в другое. Многие осуждали Гашека за неусидчивость, упрекали, что он отвлекается от литературы на что-то постороннее, проводя время в пивных и кабаках. А между тем не было ничего более полезного для него как писателя, чем эта постоянная игра ума и воображения. Юмор был его органическим жизненным призванием, и он творил все время. Это был творческий процесс длительностью в жизнь. Это была жизнь, ставшая творческим процессом. В самом поведении Гашека было что-то от художественного творчества.

Из массовой смеховой игры, какой была инсценировка создания партии умеренного прогресса, родилось и самое крупное до романа о Швейке произведение Гашека с громким названием «Политическая и социальная история партии умеренного прогресса в рамках закона». Она состоит более чем из восьмидесяти веселых главок-фрагментов, в которых как бы сообщалась история создания партии, тесно переплетенная с хроникой походов неунывающей гашековской компании. Помещен был манифест партии, часть речей Гашека. И все это сопровождалось десятками юмористических портретов участников и современников «движения».

Произведение насквозь проникнуто духом озорной игры — не только потому, что во многих главах изображались всевозможные проделки, розыгрыши, смешные мистификации. Само соединение глав, их подключение друг к другу и к основной теме часто представляло собой веселые пародийные «ходы». Так беззаботное путешествие Гашека по Австро-Венгрии с двумя его приятелями, изобилующее забавными приключениями

и шумными выпивками за чужой счет, подавалось как апостольская миссия посланцев партии умеренного прогресса в рамках закона, отправившихся проповедовать свое учение. Служба Гашека в редакции журнала «Мир животных», где он мистифицировал читателей, придумывая несуществующих зверей, насекомых и птиц, изображалась как необходимая для депутата школа обмана публики: «Каждый политик должен пройти большую жизненную школу и, главное, научиться обманывать людей <...> Я стал редактором «Мира животных» с надеждой, что из «Мира животных» один шаг и до депутатского сейма <...> Журнал этот произвел в моей душе полный политический переворот. То, что в журнале практиковалось в малых масштабах, в политике делается в больших. Только обманом всего общества и могут жить отдельные лица <...> Я благодарен «Миру животных» за тот опыт, который мы почерпнули для программы партии умеренного прогресса в рамках закона, выраженный в прекрасном девизе: «Делай, что хочешь, но говори о себе только самое хорошее»» (IX, 44–46). В свою очередь кратковременная работа Гашека в редакции газеты национальных социалистов «Ческе слово» подана как разведывательная акция в стане враждебной партии.

Олицетворением самого духа партии умеренного прогресса стали два образа, открывающих в книге галерею «замечательных людей». Это Густав Опоченский и Ян Климеш. В остроумном вступлении к «Истории партии», пародирующем стиль такого рода сочинений, Гашек пишет: «Уместно в первую очередь сказать о двух мужах, которые в памятный год, когда была основана партия, стояли бок о бок со мной вместе с целым рядом других, о которых будет упомянуто позднее, и поддерживали меня в моих начинаниях. Был это воевода Македонский Климеш и поэт Густав Р. Опоченский» (IX, 13). Об Опоченском дальше говорится, что уже в детстве, когда его наказывал отец, – а он происходил из семьи евангелического пастора, – он «никак не противился воле судьбы и, извиваясь на отцовском колене под розгой, вспоминал слова евангелия «Вся власть происходит от бога, а посему, кто власти противится, тот воле божией противится». Отцовское колено и розга были лучшей поэтической школой для Опоченского. Именно эту школу мы и должны благодарить за ту яркую черту, которую история литературы обнаружит в каждом его стихотворении, т. е. бесконечную безнадежность, печали, которые нельзя утолить, огни, которые угасли...» (IX, 14). Рядом обри-

сована могучая фигура «борца за права угнетенного народа» (IX, 15) Климеша: «Он был высокого роста, и его покрытое могучей коричневой порослью лицо, угрожающее выражение, страстные речи заставляли предполагать в нем прирожденного предводителя революционных войск...» (IX, 15). Климеш рвется на Балканы на помощь угнетенным братьям-славянам и даже носит устрашающую форму «македонского воеводы» и огромный кинжал за поясом, но потом оказывается смешным и мелким трусом, а его подвиги выражаются главным образом в обильных хмельных возлияниях. Если Опоченский олицетворяет, так сказать, непротивление и покорность, то Климеш, этот родной брат Тартарена из Тараскона, – хвастовство и трусость. Третий герой, которому посвящен специальный портрет, – «кампрад Станислав Земан», утверждал, что трижды переплыл в бочке Ниагарский водопад. Потом один за другим появляются другие не менее достойные поборники умеренного прогресса. При этом во всех случаях речь идет о реальных лицах. В книге нет вымышленных персонажей. Это сплошь шаржи на реальных людей.

Глубокой иронией проникнута глава «Революционер Зиглозер» – о бывшем участнике радикального движения «Омладина», который предпочел потом вольнолюбивым увлечениям своей молодости рыночную деятельность, а именно торговлю коньяком, и научился ловко использовать былую принадлежность к оппозиционным кругам, вызывающую уважение у людей, в интересах торговой рекламы. Великолепна характеристика, которой Гашек наделил «этических анархистов» Магена и Маха, – этих, по ироническому определению писателя, «чешских якобинцев», – один из которых признался однажды в своих стихах:

*Для будущих подвигов силу и волю
мы черпали больше всего в алкоголе.*

(IX, 41)

Книга обещала прозвучать как веселый, дерзкий и шумный вызов и существующим порядкам, и наивным политическим иллюзиям, и мешанскому самолюбию. Однако случилось так, что она надолго осталась неизвестной читателям. Издатель, взявшийся в 1912 году выпустить ее, в конце концов так и не решился сделать это и продал рукопись частному лицу. А потом наступила война. Гашеку так никогда и не довелось узнать, увидит ли свет его сочинение. Только в середине 20-х годов, уже

после смерти писателя, было напечатано десять разрозненных главок. В 30-е годы Юлиус Фучик, получивший доступ к рукописи и высоко оценивший это произведение, начал печатать его в газете и опубликовал примерно четвертую часть текста. Однако владелец рукописи, состоявший членом партии национальных социалистов, взял свое разрешение на публикацию назад после того как были напечатаны главы, в которых затрагивалась эта партия. Рукопись вновь исчезла из поля зрения. Только чудом она не погибла во время Второй мировой войны. Частная библиотека, в которой она хранилась, была без остатка уничтожена. На счастье оказалось, что владелец рукописи отдал ее на время биографу Гашека Вацлаву Менгеру, благодаря этому она и уцелела. Лишь в 60-е годы, спустя полвека после своего возникновения, книга Гашека увидела свет (не исключено, однако, что три-четыре главки все же затерялись). На русском языке она пока что опубликована только один раз – в шеститомном собрании сочинений Гашека.

Невольно задумываешься, что же произошло бы, если бы эта книга вышла сразу после того, как была написана? Можно не сомневаться, что вся дальнейшая человеческая и писательская судьба Гашека вообще сложилась бы иначе. Нет сомнений, что уже тогда его признали бы одним из крупнейших чешских писателей (в чем пока что ему упорно отказывали). С другой стороны, трудно сказать, какие последствия имел бы тот великий шум, который, несомненно, поднялся бы вокруг этого сочинения и тоже, наверное, так или иначе сказался бы на дальнейшей судьбе писателя. В «Истории» было задето самолюбие слишком многих людей.

Гашек как писатель вообще сформировался по-настоящему именно где-то во время создания этой книги, в самом конце первого, начале второго десятилетия нашего века, когда исполнилось, кстати говоря, как раз десять лет и с момента появления в печати его первых рассказов. Только теперь ощутимо проявилась и одна из самых оригинальных и замечательных черт его творчества, во многом придавшая потом такое очарование его веселому роману о Швейке. Естественно, речь идет о стихии розыгрыша и комической мистификации – стихии, в которую Гашек все больше погружался теперь, находя в ней неисчерпаемые художественные возможности и широкий простор для творчества.

Власть смеха. Очень многое в литературном творчестве Гашека – юмориста, сатирика, мастера фельетона и памфлета уходит корнями за пределы литературы, в стихию смеховой игры. Иног-

да и само произведение превращается у него в средство такой игры. При этом вовлеченными в игру оказываются реальные лица, которые и фигурируют в произведении под собственными именами.

Еще в 1906 году, 29 апреля, Гашек опубликовал «Рассказ о кошке» (VII, 173–182). Напечатан он был в одной из самых известных и распространенных чешских газет – в «Народной политике». Однако автор адресовал его не столько читателям газеты, сколько своей возлюбленной Ярмиле Майеровой, которую он хотел весело подразнить. Нетрудно догадаться, какие чувства испытывала девушка, читая рассказ, в котором Гашек изобразил себя молодым мужем ее подруги Славки (Славка Гайнишова и познакомила Ярмилу с Гашеком). Повествование открывается картиной идиллического счастья молодоженов, которые обзаводятся премиленьким котенком. Шутка была тем более пикантной и тем более должна была пощекотать нервы Ярмиле, что она и Гашек переживали тогда пору пылкого взаимного влечения. Однако последнее, как мы видим, не исключало и озорных подшучиваний со стороны Гашека. Их он позволял себе, кстати говоря, и в непосредственном общении с Ярмилой. Так, во время уроков русского языка, которые она брала тогда у него, он заставлял смущенную девушку повторять фразу «Учитель любит прилежного ученика». Теперь в подобную игру был добавлен обогащающий элемент: интимная шутка была вынесена на страницы общечешской газеты. Можно не сомневаться, что на следующий день между Ярмилой и молодым человеком состоялось объяснение (30 апреля они не могли не видеться, так как у Гашека это был день рождения).

Не менее задетой должна была почувствовать себя и Славка. Гашек подразнил ее в рассказе как бы дважды: во-первых, изобразив ее в роли своей жены, а затем, описав – не без шокирующих подробностей, – как он вынужден был избавиться от кошки, которая заразилась лишаем и запаршивила. На подругу Ярмилы это должно было произвести особое впечатление, потому что та отличалась повышенной сентиментальностью – на это и делался расчет. С другой стороны, некоторая жесткость в обращении со Славкой должна была, по всей видимости, частично успокоить ревность Ярмилы и смягчить в ее глазах вину возлюбленного, облегчив последующее счастливое примирение. Скорее всего, в тех же целях и публикация рассказа была приурочена ко дню рождения Гашека: все было тонко рассчитано.

Как мы видим, литературное произведение включено тут в своего рода игру, является средством и элементом розыгрыша,

шутки. Содержание рассказа вторично: оно порождено замыслом веселой проделки, которая сама по себе представляет нечто вроде юмористического произведения, хотя уже не литературного, а разыгранного в жизни. Рассказ только часть этого произведения, охватывающего вместе с тем факты и обстоятельства, оставшиеся за пределами литературного повествования: в рассказе ничего не говорится ни о Ярмиле, ни о ее взаимоотношениях с Гашкой и Славкой, ни о подлинных отношениях Гашка и Славки и т. д. И вместе с тем все это учитывается и используется в разыгранной Гашкой шутке – это ее исходные условия и составные компоненты.

Восприятие рассказа также не ограничено сопереживанием и соразмышлением читателя, последний оказывается еще и наблюдателем розыгрыша. Правда, для этого он должен быть посвящен в упомянутые обстоятельства (к произведениям подобного типа надо давать комментарий, разъясняющий, какие реальные лица имеются в виду и т. п.). Если эти обстоятельства останутся неизвестными читателю, игровой эффект произведения пропадет для него и рассказ будет восприниматься только в его прямом, непосредственном смысле. Но очень часто весь объем необходимой информации, как мы убедимся дальше, содержится уже в самом тексте произведения.

Конечно, история с «Рассказом о кошке» выглядит сравнительно безобидной шуткой. В других случаях дерзкая игра Гашка приобрела все качества немилосердной сатиры, становилась ее оружием и средством. Современники и знакомые Гашка жили в атмосфере постоянного риска привлечь его внимание и оказаться героями его веселых произведений. Гашек затевал со своими «прототипами» безудержную игру, превращая их в своего рода пленников. Вспомним вновь «Политическую и социальную историю партии умеренного прогресса в рамках закона». Она содержит шаржи на десятки и десятки реальных лиц. Некоторые из будущих героев книги, услышав о замысле нового сочинения и зная, как далеко Гашек может заходить в своих шутках, даже обращались к автору с просьбами не писать о тех или иных вещах, касавшихся их лично. Гашек с неподражаемым озорством рассказал затем в своих юмористических этюдах и об этих их просьбах, используя и этот материал для комических характеристик.

Он писал в своей «Истории»: «И вот люди, известные в чешском обществе, поняв, что они в руках у меня, сделались

настолько любезными, что начали давать мне советы, как их надо описывать. При этом они оказались так непрослительно наивны, что полагали, будто я, живописуя их характеры и поступки, воспользуюсь вымышленными именами <...> Когда же я со всей откровенностью объявил, что самое замечательное в этой книге в том и заключается, что все они будут выведены под своими полными именами и фамилиями, чтобы читатели сразу знали: ага, мол, это такой-то и такой-то, — среди людей, о которых я говорю, начался переполох. Они стали приходить ко мне и просить, чтобы я того-то и того-то о них не писал. Так я узнал и еще кое-что, о чем раньше не подозревал или же успел забыть (пришлось даже кое-что записать). Поэтому я считаю всех их в некотором смысле моими соавторами, за что и приношу им благодарность» (IX, 70–71). Опять-таки произведение включено в своего рода игру.

Далее Гашек переходит к конкретным лицам: «Один из них был как раз Адольф Готвальд (чешский переводчик с западных языков. — С. Н.). Он сам указал мне путеводную нить, которой я должен придерживаться, изображая его особу. Никогда не забуду его слов:

— Пиши обо мне, что тебе вздумается, можешь даже написать, что я выпить люблю, но только, прошу тебя, не приписывай мне каких-нибудь глупых высказываний.

Тем самым он как бы невольно признавался в своей слабости к красноречию, так же как и Опоченский, который просил: «Знаешь, Гашек, а о той Марженке не надо писать», и Гаек, страстно и нежно уговаривавший меня не упоминать об Анежке, и Мах, что просил не говорить о тех книгах и зимнем пальто (видимо, заложенном в ломбард. — С. Н.), и Луи Кршикава, который не хотел, чтобы я писал о черном плаще инженера Куна, и инженер Кун, умолявший не трогать трактирщика Перглера, и прочие и прочие, и среди них Дробилек, убеждавший не упоминать Лидушку и даже ту толстую хозяйку винного заведения. И всю эту длинную череду исповедей венчал протестующий и отчаянный вопль Адольфа Готвальда: «Только не приписывай мне каких-нибудь глупых высказываний!».

Я и впрямь не знаю, как мне поступить с Адольфом Готвальдом. Я действительно не помню, чтобы он сказал какую-нибудь глупость. Сколько ни напрягаю память, не могу припомнить ничего подобного. Дело в том, что Адольф Готвальд своих мыслей вообще никогда не имел и ничего не говорил от собственного имени.

Все, что он произносил, были цитаты из всемирно известных философов <...> Смело берусь подтвердить, что из уст Адольфа Готвальда исходили только чужие мысли, которых он имел возможность в великом множестве наглотаться из книг, потому что зарубежная научная и развлекательная литература – это и есть его хлеб как переводчика. Именно цитатами из переводимых книг он и сыплет во время дебатов во всевозможных питейных заведениях, ибо истинная правда и то, что он любит выпить, о чем он и разрешил мне написать. Остается сказать, что же он любит выпить. Смею заверить, что кроме воды и молока не брезгает никаким напитком <...> (IX, 71–72). И в заключение: «И еще два слова, камрад Готвальд. Ты читаешь эти строки и радуешься, что наконец-то я оставил тебя в покое. Но ты жестоко ошибаешься. В одной из глав я еще расскажу, как ты ведешь себя в обществе» (IX, 72).

За блеск остроумия этот юмористический этюд, наверное, заслуживает быть названным эпиграммой в прозе. По внутренней структуре это смеховое драматическое действо-состязание, в котором участвуют две стороны, обе они попеременно активны, хотя одна все время берет верх над другой.

Перед нами веселая игра, своего рода преследование смехом. Один из партнеров все время пытается скрыть свои слабости и увернуться от поражения, но это ему никак не удастся благодаря находчивости второго партнера, который играет со своей «жертвой», как кошка с мышкой, демонстрируя абсолютное превосходство.

Гашек перенес в литературное произведение ту атмосферу, тот дух и принцип смеховой игры, разыгрывания, состязания в находчивости, которые чаще всего можно почувствовать и наблюдать где-нибудь в веселой компании. Вынеся такую игру на страницы крупного литературного произведения и включив в нее многих известных чешских деятелей, писатель словно удостоил теперь чести все чешское общество превратиться в такую же компанию, в которой он чувствовал себя непревзойденным магом и королем смеха.

Иногда структура произведения определяется у Гашека не развертыванием последовательных моментов игры, а как бы перебором возможных «одноразовых» юмористических ходов, их вариантов. Так построен рассказ «Перемена фамилии». Он был написан уже после войны, в 1921 году, и явился откликом на официальное сообщение в газетах о том, что секретарю чешского

министерства финансов Ярославу Выжралеку земским политическим управлением было разрешено переменить фамилию на Блатенский. Гашек заявил в рассказе, что «нужно серьезно покарать земское политическое управление, чтобы в интересах общественного порядка оно не разрешало менять фамилии людям, которые столь близки министерским креслам и именуются Выжралеком, Выжранда, Выжирка, Выжирач и т. д., ибо впечатление от этого такое, как если бы они в чем-то признавались» (XVI, 213). Потом указывается, что в министерстве есть еще два чиновника с подозрительными именами – Лис и Пресс. Затем брошено несколько шпилек в адрес самого Выжралека. Впрочем все они сводятся к показу того, что замена фамилии только подчеркнула прежнюю. И т. д.

Порой игра с противником выплескивалась за пределы одного выступления в печати, становилась непрерывной. Так, однажды Гашек написал рассказ «Интервью со связанным офицером». Речь шла о реальном происшествии, когда два подростка связали и обобрали в поезде вооруженного офицера. Гашек высмеял в рассказе «храбрость» доблестных вояк. Цензор конфисковал часть рассказа. Тогда Гашек написал сатирический рассказ «Интервью с господином цензором», дав понять уже заглавием, что сделал это в отместку за конфискацию. Цензор был изображен в рассказе в качестве редкостного тупицы, который запрещал даже фразы вроде «размышлял о чем-то», так как размышлять, мол, можно и о государственной измене. Этот обмен выстрелами между Гашеком и цензором был лишь одним из эпизодов в той сатирической войне с цензурой, которую писатель вел непрерывно. Через его творчество тянется целая цепь памфлетов и фельетонов о цензорах: «Сказка о том, как вознаградили цензора» (1908), «Практика конфискаций» (1909), «Добросовестный цензор Свобода» (1911), «Наказуемый смысл слов “однако” и “да”» (август 1911), «Интервью с господином цензором» (декабрь 1911), «Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра» (январь 1912). После мировой войны Гашек вернулся к этой теме в рассказе «Разговор с цензором» (адресованном уже цензуре Чехословацкой республики).

Особую пикантность рассказам Гашека придавало то обстоятельство, что нередко он обнажал перед противником и читателем сами приемы, с помощью которых он наносил наиболее чувствительные уколы и одновременно увертывался от соответствующих параграфов закона о печати. Эффектно обыгрывал

ся, в частности, тот факт, что официально цензуры в Австрийской империи не существовало и проводилась якобы «только» так называемая «практика конфискаций». Цензоры официально также не назывались цензорами, их именовали прокурорами. В памфлете «Наказуемый смысл слов “однако” и “да”», имеющем иронический подзаголовок «К истории австрийской свободы печати», Гашек писал: «Известно, и много раз уже подчеркивалось, что в Австрии не существует никакой цензуры. Она была упразднена еще в 1848 году, и если газетные и журнальные материалы конфискуются, то это отнюдь не по вине нашей свободы печати и тем более цензуры. После того, как шестьдесят три года тому назад цензура была упразднена, в Австрии можно писать все, что угодно, а если написанное не печатают, то виновата в этом не свобода печати или цензура, а так называемая практика конфискаций. Поскольку же очевидна явная разница между цензурой и конфискацией, а цензоров с упомянутого года в Австрии вообще не существует, то, следовательно, цензоров совершенно свободно можно и оскорблять в печати. Если вы упоминаете о цензорах, то на основании свободы печати никто не имеет права эти упоминания изъять. Вы можете смело заявить, что цензор в Аname или Банг-Гонге — осел, и единственно в силу того, что он является цензором, вы не оскорбите тем самым государственного режима ни в Аname, ни в Банг-Гонге. Совсем иное дело говорить о практике конфискаций. Поэтому каждый разумный человек, действительно убежденный в том, что в Австрии существует свобода печати, лучше об этом помолчит» (VIII, 267).

Через полтора месяца сатирическая атака на цензора была возобновлена в «Сказке о трагической судьбе одного порядочного министра». В ней рассказывалось о министре, который оказался настолько порядочным, что понял свою непригодность к исполнению обязанностей министра и добровольно подал королю прошение об отставке. «Сказка» открывалась своего рода мысленным разговором автора с прокурором-цензором. Предвосхищая его реакцию на свое произведение, Гашек как бы заранее ставил заслон его вмешательству и рисовал возможные последствия. Одни доводы автора против такого вмешательства высказаны от его собственного имени, другие как предполагаемые размышления цензора. Но это не меняет «диалогического» в своей основе повествования. Оно вновь напоминает своеобразную игру, когда участники ловят друг друга: обе стороны поочередно делают своего рода «ходы», как бы отвечая каждый

раз на ход противника и стараясь переиграть его. Этот поединок, в котором автор оказывается куда более искусным и ловким, чем его оппонент, и заставляет нас весело смеяться. Вот основные моменты состязания:

- 1) автор сообщает заглавие: «Сказка о трагической судьбе одного порядочного министра»;
- 2) предполагаемая реакция прокурора: «стоит пану прокурору прочесть заглавие сказки, он грозно нахмурится и скажет: – слово “порядочный” надо бы вычеркнуть, а то народ подумает, будто на свете есть и непорядочные министры»;
- 3) ответный ход и угроза автора: «Но если это слово вычеркнуть, жди запроса в парламенте, станут допытываться у министра: разве оскорбительно называть министра порядочным?»;
- 4) прокурор снова вспоминает (и напоминает) о своей обязанности «защищать австрийских министров»;
- 5) ответный ход автора (не без издевки над тем, что противник загнан в угол): «Я прекрасно понимаю: случай весьма соблазнительный, но что поделаешь, самое большее, чем может заниматься наш господин прокурор, – это защищать австрийских министров. Между тем действие моего повествования происходит не в Австрии и вообще не в какой-либо известной стране, речь идет о государстве выдуманном, потому я и назвал его сказкой» (VIII, 302).

Гашек облек в форму литературного произведения принцип и поэтику устного «игрового» диалога-состязания, в котором господствует атмосфера поддразнивания и в котором остроумный и насмешливый комик уверенно берет верх над незадачливым противником и на глазах у публики допекает его. Такая игра не просто изображается в произведении Гашека, она составляет основу его структуры и вместе с тем простирается за его пределы. Само произведение, как уже говорилось, становится средством этой игры: ведь сказку предстояло читать реальному цензору, которому и адресованы вступительные пассажи. Нетрудно представить себе, с какими чувствами он знакомился с ними... Но, между прочим, так и не решался запретить сказку или хотя бы ее начало: она вышла без малейших изъятий, цензору пришлось попросту проглотить все сказанное Гашеком. Это было даже больше, чем победа сатирика и поражение цензора: в процессе «игры» автор сумел буквально на глазах у него дополнительно заострить главную крамольную тему. Как раз та мысль, которой, по ироническому предполо-

жению Гашека, должен опасаться прокурор («народ подумает, будто на свете есть и непорядочные министры»), оказалась с самого начала акцентированной. Таким образом, перед читателем разворачивается своего рода шутейное действо.

Поэтика Гашека рождалась в атмосфере розыгрышей, веселых мистификаций, шумных проделок, озорных выдумок и состязаний в остроумии, которые неотделимы от образа его жизни и той среды, где он вращался, будучи душой непрерывно длящейся «юмориады».

Прежде, чем творить за письменным столом, он творил «на людях». Иногда это выражалось непосредственно в рассказывании всевозможных подлинных или вымышленных историй, «кто-то начинает рассказывать один случай, кто-то другой, — вспоминает современник, — Гашек тихо слушает, потягивает из стакана, покуривает дешевую сигару, улыбается, с удовольствием ощущая себя центром внимания, и, когда момент кажется ему подходящим, вставляет несколько слов или короткую фразу, подправляя или дополняя чужое повествование или сдвигая его шуткой. Если он замечал, что его слова нашли отклик, то тщеславно добавлял еще что-нибудь и наконец сам принимался рассказывать, чтобы все лавры достались ему»²⁹.

Роман о Швейке прежде, чем лег на бумагу, в немалой своей части был сочинен в устном исполнении. Многие его эпизоды были опробованы на слушателях во всевозможных трактирах и пивных. Иван Сук и Франта Сауэр (а у Сауэра Гашек и жил, начиная работу над романом) вспоминали: «Не было главы, не было эпизода, который он предварительно не рассказывал бы — отнюдь не в обществе солидных литераторов и не в кругу своих ревнивых литературных друзей, а в небольших трактирах среди маляров, каменщиков, поденщиков, воров и проституток. И его маленькие глазки быстро перебегали с одного слушателя на другого, всматриваясь, какое впечатление производят его рассказы»³⁰. Написанному слову предшествовало слово произнесенное, сыгранное на публике, в среде простонародья и плебса.

Стихия свободного, открытого смеха вообще порождение демократической среды. Количество смеха, если можно так выразиться, неравномерно распределено в обществе и убывает от низов к верхам. Другой чешский писатель-юморист Карел Чапек как-то заметил, что «трое каменщиков по части шуток способны на большее, чем четырнадцать министров <...> Господин иногда рассказывает анекдоты, народ разыгрывает их в жиз-

ни». Не случайно, «еще со времени латинской комедии в роли шутника выступал бедняк, пролетарий, человек из народа. Господин может быть только смешон – слуге дано чувство юмора. Уленшпигель – человек из народа. Швейк – рядовой солдат <...> Смех в сущности своей демократичен»³¹. Особенно это справедливо по отношению к смеховой игре, непринужденная и вольная стихия которой куда больше пристала неофициальным слоям общества, где она не убита чинопочитанием, социальным регламентом и этикетом отношений. Более того, она по природе своей внутренне враждебна такому регламенту и этикету. Поэтому-то столь дерзко и выглядело неслыханное начинание Гашека, когда он попытался в своей «Политической и социальной истории партии умеренного прогресса в рамках закона» представить в духе озорной игры, под собственными именами десятки и десятки лиц, имевших имя в чешском обществе, и как бы снять тем самым с самого этого общества покров чинной солидности. Создание этой книги и попытка издать ее были одной из вершин той гашековской игры, о которой идет речь.

К числу частых игровых приемов в творчестве Гашека относится также юмористическое или сатирическое отождествление того или иного реального лица с определенным вымышленным комическим персонажем, созданным его фантазией. Вообще сатиру Гашека нередко отличает ее точный адрес. Герои его произведений часто носят имена реальных лиц. Бывает, что писатель попросту рисует сатирические и юмористические портреты тех или иных известных людей, как бы делает своего рода комические зарисовки с натуры. Таковы памфлеты Гашека на известных чешских политических деятелей Крамаржа, Клофаца, Соукупы, Немца и многих других. В иных случаях изображается вымышленный персонаж, но ему дается имя реально существующего человека, благодаря чему и происходит их сатирическое или юмористическое сближение, уподобление. Не останавливаясь на довоенных сочинениях писателя, перекинем сразу мостик к роману о Швейке. Там этот прием приобрел особенно выразительный вид.

Всем, конечно, памятна фигура провинциального жандармского вахмистра, который принимает Швейка за шпиона и подвергает его «перекрестному допросу» по своей собственной «системе», которая казалась ему верхом криминалистического искусства и уменя «утопить» подследственного «в потоке вопросов». Так вот этому вахмистру Гашек приписал имя здравство-

вавшего тогда известного пражского криминалиста-графолога, связанного с судом и прессой, Фландерки. Возникло насмешливое уподобление.

Существуют воспоминания (изданные даже небольшой книжечкой) некоего Бржетислава Людвика, в которых упоминается, как он знакомился с «Похождениями бравого солдата Швейка». С первых строк роман Гашека, которого Людвик лично знал, так захватил его своим веселым юмором, что он не мог оторваться, и вдруг где-то на 10-й странице наткнулся на упоминания о себе самом. Гашек приписал его имя и фамилию тому самому торговцу скотом, которого «проткнули» во время потасовки на базаре в Будейовицах и у сына которого потом никто не хотел покупать свинину, потому что, мол, тоже, поди, порядочный жулик. И такие случаи в романе далеко не единичны. Прием шуточного «наречения имени», ставший для Гашека тоже некоей игрой, служил средством как веселых подшучиваний, так и сатирических бичеваний.

Иногда писатель одновременно применял оба способа изображения, соединял эпиграмматический портрет конкретного человека с озорным примысливанием поступков, эпизодов, черт характера, которые он приписывал ему, достигая одновременно особой выразительности образа. Рождался причудливый сплав реальности и вымысла, но сохранялись подлинные имена. В «Похождениях бравого солдата Швейка» отчасти таким путем создан, например, образ Индржиха Лукаша (реальный прототип Рудольф Лукаш), капитана Сагнера, кадета Биглера и других героев. О действительности подобной практики может дать представление информация в ужгородской газете «Вперед», опубликованная в 1922 году (№ 40) по просьбе служившего в Ужгороде полковника Рудольфа Сагнера, который приходился однофамильцем Ченеку Сагнеру, изображенному в романе Гашека. В газете сообщалось: «Полковнику Р. Сагнеру осложняло жизнь то, что его принимали за Сагнера, о котором говорится в книге Гашека. Можем заявить, что полковник Сагнер в Будейовицком полку и в Будейовицах никогда не служил»³². Однако другой Сагнер не мог сказать этого о себе, так же, как и Лукаш, и Биглер и т. д.

Как мы видим, у Гашека существует особая категория читателей – конкретные лица, на которых персонально направлены его юмористические и сатирические атаки и которых он разыгрывает или вовлекает в игру-состязание и бичует смехом. В других случаях он рисует сатирические и юмористические их порт-

реты, нередко дополняя реальные черты вымышленными и т. д. Остальные читатели оказываются в положении зрителей такой игры, очевидцами смехового действия, разновидности которого простираются от дружеских шуток и розыгрышей до беспощадного преследования смехом (последнее чаще всего наблюдается в отношении враждебных социально-политических сил).

Стихия розыгрыша. Иногда Гашек начинал разыгрывать не отдельных конкретных лиц, а уже всех читателей. Все они, подобно его Ярмиле и Славке, оказывались объектом розыгрыша, веселой мистификации, шутки. Со временем это породило и совершенно особую систему повествования. Свое начало и этот прием берет, по-видимому, в устных юмористических импровизациях, которыми у Гашека особенно богат период создания пародийной партии умеренного прогресса в рамках закона.

В его выступлениях в печати новое качество становится особенно заметным примерно в это же время – в 1909–1911 годах, в пору редактирования им журнала «Мир животных». Издание было рассчитано на сельских хозяев и любителей всякой живности, державших собак, певчих птиц, черепах и т. п. Печатались научно-популярные сведения о домашних и диких животных, советы по уходу за ними. Хозяин журнала Вацлав Фукс владел небольшой зоофермой и торговал собаками и некоторыми другими животными. В журнале печаталась информация о наличных экземплярах и о ценах на них. Редакторов журнала – Гаека и сменившего его на этом посту Гашека – можно было видеть порой помогающими ухаживать за животными или играющими с ними (память об этом сохранил, в частности, прекрасный рассказ Гашека об обезьянке «Моя приятельница Юльча»).

Этому-то заурядному журналу и суждено было оказаться причастным к истории чешской художественной литературы и к предыстории одного из самых крупных произведений мировой сатиры XX века. В январе 1909 года, когда Гашек начал сотрудничать в журнале, ни ему, ни Фукусу, конечно, не приходило в голову, что со временем появится художественное произведение, из которого о владельце журнала «Мир животных» узнают куда больше читателей, чем их было за все годы существования этого периодического издания. С журналом «Мир животных» во многом и связано происхождение одного из самых оригинальных качеств поэтики Гашека, сообщающего такой неподражаемый колорит многим рассказам и самым крупным его литературным произведениям. Именно в журнале Гашек впервые стал

довольно широко прибегать к комической мистификации читателей. словно соскучившись по развлечениям, он начал по немногу подсовывать подписчикам журнала самим им выдуманных животных, а известным представителям животного царства стал приписывать неслыханные дотоле повадки и свойства. Мистификация еще не носила литературно-художественного характера в собственном и полном смысле слова, но обладала многообещающим потенциалом и в этом отношении. Главное новшество состояло в том, что невольными участниками игры-мистификации оказывались уже не отдельные лица, а вся масса читателей.

Механизм игры сводился к тому, что озорной вымысел искусно вплетался в подлинную научную информацию и грань между достоверными и вымышленными сведениями стиралась. Расчет, естественно, делался на недостаточную эрудицию читателей. В самом деле, откуда обывателю знать, правда или нет, что в древнем Риме игольчатую шкуру ежей использовали в качестве сукновальных щеток (XII, 140), что в индийских храмах будто бы содержат священных крокодилов, которых жрецы гладят по голове, а кожу им расписывают масляными красками, нанося на нее рисунки и мудрые надписи-изречения (XII, 119), что на Островах блаженных будто бы живет разновидность прожорливого ящера, нападающего на детей (VII, 209). Едва ли читатели помнили и о том, что Острова блаженных – те самые мифические острова, которые в античных сказаниях изображались как райская земля вечной весны и обиталище душ праведников (Элизиум, Елисейские поля).

На более простодушных и легковверных были рассчитаны сообщения вроде того, что бегемоты любят ласку и становятся кроткими, когда туземцы дуют им в ноздри (XII, 85), или что жена римского императора Тиберия – Юлия Августа по странной прихоти любила носить за пазухой яйцо, пока из него не вылуплялся цыпленок (XII, 143), что обезьяны мандрилы (те самые, у которых шерсть ярко-зеленого и красного цвета, словно они разряжены) часто влюбляются в дочерей зрителей зоопарков (XII, 93). И совсем уж озорной была заметка о волках, в которой Гашек уверял читателей, что в России волки часто создают помехи почтовому сообщению, так как в холодное время года обгрызают с голоду телеграфные столбы, из-за чего «в Кавказской губернии и на Урале» их приходится даже ежегодно заменять. В подобных случаях комическая мистификация как бы приоткрывалась, вымысел почти обнажался...

Бывало, что в мистификациях Гашека под собственными именами упоминались достаточно известные чешские деятели. Так, под фотографией барышни с кошкой в руках (фотография была заимствована из какого-то зарубежного рекламного журнала) был помещен текст, объявлявший, что это дочь широко известного и здравствовавшего тогда чешского писателя Якуба Арбеса с его любимцем-котом. «Наш славный чешский писатель, — рисовал Гашек умильную картину, — так любит своего кота, что нет более верной дружбы, чем эта дружба маэстро с его ангорским, персидским полосатым котом. Прекрасная идиллия открылась бы посетителям его дома, когда на улице сыро и мокро, за окном моросит дождь, тяжелые свинцовые тучи висят над долиной Влтавы, а здесь трещит в камине огонь и прелестный кот сидит и мурлычет на коленях нашего славного писателя. И наш маэстро Арбес, занятый важной литературной работой, гладит роскошного кота, который жметя к нему так ласково, что маэстро забывает обо всем на свете» (XI, 121). За подписью своего друга художника Лады (будущего знаменитого иллюстратора «Швейка») и без его ведома Гашек поместил в журнале наивные стихи, которые начинались словами «Прыгал пес через овес», а в другой раз приписал Ладе переводы статей с венгерского и даже пермьяцкого языка (ни того, ни тем более другого Лада не знал. Коми-пермьяцкий язык вообще едва ли кто-нибудь знал тогда в Чехии).

В одном из номеров журнала читателям было сообщено, что редактор «Мира животных» Гаек вместо утренней гимнастики ежедневно проводит сеанс борьбы с тигром: «В атлетических кругах большой интерес вызывает система гимнастики главного редактора нашего журнала Ладислава Гаека, который каждое утро проводит небольшой сеанс борьбы с взрослым бенгальским тигром. Правда, поначалу он чувствовал после такого сеанса известную усталость, но сейчас, когда сеансы практикуются им ежедневно, они уже не утомляют его. Эта гимнастическая система обостряет также мысль, и, как уверяет Ладислав Гаек, он всегда испытывает приятное чувство облегчения, когда тигр уже с плеч долой. Нам не остается ничего иного, как горячо порекомендовать этот новый вид гимнастики всем тем, кто проявляет интерес к физическому воспитанию и крепкой закалке» (XII, 143).

Было помещено и изображение Гаека, борющегося с тигром. На этот раз номер был первоапрельским. Никто, правда,

этого не заметил. Одна из пражских газет, перепечатав сообщение о гимнастической системе Гаека, сопровождала его заглавием: «И все же правда ли это?». Сообщая в следующем номере журнала, что предыдущий выпуск был первоапрельским, Гашек не прекратил одновременно продолжить розыгрыш, объявив, что атлетический клуб «Прага» успел заказать у Фукса шесть тигров.

Но первоапрельский юмор Гашек культивировал не только в апрельских номерах.

Особую область мифотворчества Гашека составляло сотворение вымышленных животных. «Сезон, когда газеты пишут о встречах с морским змеем, длится всего лишь несколько недель, у меня же в бытность мою редактором «Мира животных» этот сезон стал непрерывным, — писал Гашек позднее. — Годами редакторы этого журнала выколачивали, где удастся, материал о животных, и когда я принял редакцию, я убедился, что не осталось уже ни одного животного, о котором в журнале не писали бы. Таким образом, я вынужден был придумывать новых животных, что требовало от меня и меньших затрат труда, чем писать о животных, давно уже открытых» (VII, 209). Надо сказать, что Гашек знал чувство меры. «Следы невиданных зверей» на «неведомых дорожках» журнала встречались не так часто. Чаще он «усовершенствовал» уже известных человечеству представителей фауны. Среди новых видов прежде всего вспоминают обычно его насекомых: шестикрылую муху (дополнительная пара крыльев понадобилась ей для того, чтобы обмахиваться ими, как веером), а также праблоху, найденную якобы в янтаре и обитавшую в доисторические времена на кротах в Постоенской пещере. Об этой знаменитой пещере, которая находится в Словении, простирается на несколько километров и в гротах которой посетитель чувствует себя словно внутри гигантских раковин, Гашек попутно поведал, что в древние времена она тянулась через всю Венгрию, достигала Чехии и уходила к Балтийскому морю. (Гашек, по всей видимости, побывал в Постоенской пещере во время своего путешествия по Балканам.) Честь открытия праблохи Гашек приписал одному из своих друзей, в связи с чем фигурировало название «блоха инженера Куна». Йозеф Лада уверяет, что на заметку Гашека о праблохе клюнул какой-то зарубежный журнал, перепечатавший это сообщение, и затем отклики (серьезные и иронические) пошли гулять по многим естественно-научным из-

даниям. Впрочем, возможно, что это уже юмористическое развитие темы, какое часто встречается у Гашека, а на этот раз соблазнило и Ладу.

Но как бы ни были занимательны насекомые, выдуманные Гашеком, они все же ни в какое сравнение не идут с его «волкодлаками». Так называется у чехов волк-вурдалак, волк-оборотень, способный якобы превращаться в человека-вампира. Гашек начал распространять слух о наличии волкодлаков в продаже на ферме Фукса. Нашлись будто бы и покупатели, принимавшие, скорее всего, волкодлаков за экзотическую породу собак.

Но Гашек отнюдь не превратил «Мир животных» в юмористический журнал. Большая часть подозрительных заметок, статей, сообщений публиковалась в безупречно серьезном контексте. Очень часто к тому же информация сопровождалась ссылками на имена ученых, научные учреждения, журналы – нередко, по видимому, тоже фиктивные. Мистификации и всевозможные комические «сдвиги» были лишь отдельными включениями в массиве основного серьезного материала. И это серьезное окружение как раз повышало доверие к вымыслу, выполняя по отношению к нему ту прикрывающую и маскирующую функцию, которую в конкретных статьях выполняла наукообразность изложения, профессиональная терминология, ссылки на ученых авторитеты и т. д. С другой стороны, как только та или иная мистификация оказывалась угаданной, раскрытой, она подрывала доверие не только к данному конкретному материалу, а и ко всему журналу. Он весь попадал под подозрение, ибо ведь где гарантия, что и любые иные материалы надежны? Читатель оказывался в положении человека, который рискует попасть впросак, как не поверив той или иной экзотической информации (хотя доверия к ней требовал уже сам характер журнала), так и поверив ей.

Игра велась настолько искусно, что во всем своем объеме мистификации Гашека не раскрыты вплоть до наших дней. Авторы работ о нем обычно оперируют лишь неполным набором фактов – отчасти по традиции и по привычке, а отчасти опять-таки из опасения оказаться в числе запоздалых жертв гашековских мистификаций. Так, например, статью журнала об ископаемом хищнике тираннозавре (ХП, 121–122) очень легко принять за комическую мистификацию (это, кажется, и случилось с составителями чешского четырехтомника избранных произведений Гашека под названием «Декамерон», 1979, включившими эту статью в свое издание), а между тем такой

ящер на самом деле существовал и действительно был самым крупным из всех хищных животных, когда-либо обитавших на земле. Что касается выразительного названия, то художественное воображение, видимо, было тут проявлено не Гашеком, а учеными, которые нарекли так ископаемого ящера, сочтя, по всей видимости, что образец предельной жестокости, к которому можно приравнять повадки самого крупного и кровожадного зверя в истории нашей планеты, должен находиться не иначе как в человеческом мире.

С другой стороны, можно назвать и противоположные примеры, когда за чистую монету до сих пор принимается вымысел. Прошло уже более трех четвертей века с тех пор, как Гашек редактировал журнал «Мир животных», а никто еще ни разу не осмелился предположить, что украинская песня об охоте на волков, напечатанная в журнале, не перевод с оригинала, а собственное сочинение Гашека. Между тем дело обстоит именно так, и Гашек предстает тут в роли вполне достойного последователя чешских поэтов В. Ганки и Й. Линды, создателей знаменитых литературных мистификаций, известных под названием Краледворской и Зеленогорской рукописей (1817, 1818), а также Франтишека Ладислава Челаковского, автора прославленных «Отголосков русских песен» (1829). Гашековская стилизация и размером напоминает былинный стих Челаковского:

*Ой, ты степь моя, степь широкая, родная матушка,
Ой, на волков отправлюсь сегодня, моя золотая,
На волков, что по дорогам рыщут вокруг Тумани,
В степи далекой, в степи неоглядной.
Я собак возьму с собой на волков серых,
За собаками на коне в путь отправлюсь,
В путь далекий, в путь неоглядный.
Псы волков гонят и настигают,
Ой, хватают и дают в степи широкой,
Конь мой скачет в высоких травах.*

(XII, 123)

Гашек работал в журнале «Мир животных» с января 1909 по май 1913 года, однако работал с полуторагодовичным перерывом, вызванным размолвкой с Фуксом, причиной которой стали как раз его художественные вольности. В промежутке он около трех месяцев служил в газете «Ческе слово» (позднее

Гаек, женившись на дочери Фукса и став совладельцем журнала, вновь пригласил Гашека работать в «Мир животных»). В газете Гашек получил место редактора-помощника по отделу хроники и происшествий. В его обязанности входило поставлять материал для этой рубрики. Казалось бы, хроникально-документальный газетный жанр не допускал первоапрельского юмора. Однако Гашек и в рамках миниатюрных документальных заметок (в которых вроде бы и повернуться-то негде) находил способы не только подавать разного рода городские происшествия в комическом свете, но и продолжал розыгрыши. «Если за день нет должного числа увечий, попыток покончить с собой и тому подобных событий, – признавался он потом, – то приходится придумывать разные происшествия, которые способны заинтересовать читателя. Это главным образом метеоры, необычные явления на небе, которые невозможно проверить и нельзя установить, действительно ли они были. Помню я написал такую заметку: «Огромный метеор вспыхнул вчера в северо-западной части неба. Ядро было белой окраски, края фиолетовые, и все это зрелище, продолжавшееся пять минут, сопровождалось гулками взрывами. Есть предположение, что метеор упал где-то в Баварии» (IX, 207). Заметка вызвала якобы даже отклики «очевидцев», наблюдавших что-то подобное (Гашек на этом основании уточнил потом в газете, что метеоров было не один, а два: один летел с востока на запад, другой с запада на восток). «Благородным желанием сделать более красочным содержание текущей хроники» (IX, 208) вызвано было и сообщение о голом мужчине, который будто бы был замечен в лесах близ Лоучена, из-за чего местные девушки боялись ходить в костел. Гашек задавал вопрос, не возрождается ли чешская средневековая секта адамитов.

Естественно, при такой репортерской практике у Гашека не ощущалось недостатка в материалах. Он даже устроил своего рода «биржу» по продаже происшествий коллегам-журналистам. Правда, цены на его истории (как остроумно заметил Р. Пытлик) несколько снижало прочно установившееся мнение, что часть из них он просто выдумывал.

Комическая мистификация как форма повествования. С некоторых пор комическое разыгрывание читателей все чаще дает себя знать и непосредственно в художественных произведениях Гашека. Сначала, пожалуй, чаще всего он подавал в мистифицированном виде свой собственный образ. Во многих

его произведениях, написанных от первого лица (в том числе, в «Политической и социальной истории партии умеренного прогресса в рамках закона»), повествователь вообще не отделен от автора, точнее, образ повествователя и автора то сливаются, то лукаво разъединяются (и это тоже напоминает игру). Проще говоря, Гашек часто оперирует подлинными фактами, событиями, происшествиями из своей жизни, не оставляя сомнений, что пишет он о себе, но факты эти соединяются с вымышленными, часто при этом нелестными для автора и призванными, например, эпатировать читателя. Образуется причудливая смесь правды и вымысла, которой читатель волен верить или не верить. Напомним начало рассказа «Как я спас жизнь одному человеку»: «Самым горячим моим желанием издавна было спасти кому-нибудь жизнь <...> у меня врожденное корыстолюбие (мой дедушка по матери раз пятнадцать был осужден за лихоимство), а я часто читал в газетах, что в награду за спасение утопающего от муниципалитета вручают пятьдесят крон <...> И опять же удовольствие – попасть в газеты. Правда, я попадал в газеты, и весьма часто, но, увы, это нисколько не радует ни моего тестя, ни мою супругу Ярмилу. Однажды обо мне написали в связи с неприятным случаем, когда полицейский по несчастной случайности ударился головой о мою трость. В другой раз обо мне была заметка “Дрался с солдатами”. Насколько помнится, она начиналась довольно многообещающе: “Вчера в пивную “Канонир” зашел...” Заглавия газетных сообщений одно за другим всплывают в моей памяти: “Остановил пароход”, “Приставал к полицейским”, “Выброшен в Турнове” и т. д. и т. д.» (III, 302).

Кроме вполне реального тестя и супруги Ярмилы, да стычки Гашека с полицейским, о которой действительно сообщали в газетах, все прочее здесь – чистейший вымысел. И лихоимец-дедушка, и корыстолюбие, и все остальные заметки в газетах попросту выдуманы. Автор наговаривает на себя, приписывая себе грехи, которых никогда не совершал. Но будучи подключены к заведомо известным фактам его биографии, они тоже как бы приобретают видимость достоверности. В то же время в таких случаях часто делаются «перехлесты», выдающие вымысел и заставляющие читателя почувствовать мистификацию, хотя границы ее остаются дразняще размытыми.

Позднее традиция и поэтика смеховой игры и, в частности, комической мистификации нашли воплощение и получили дальнейшее развитие в главном произведении Гашека – «Похожде-

ниях бравого солдата Швейка». Швейк в некотором отношении совершенно особый комический тип, а роман Гашека – особое произведение, в котором не совсем обычная роль отведена и читателю. При чтении этого романа восприятие не ограничивается привычным сопереживанием и соразмышлением. Читатель втянут еще в один увлекательный и непрерывно длящийся процесс: он все время гадает и не может до конца угадать, где кончается наивность героя и начинается притворство, где усердие (и есть ли оно), а где плутовство и глумление под видом усердия.

В самом деле, слабоумен Швейк, как однажды определила медицинская комиссия, или прикидывается таким? Ведь говорит же один из героев романа, что если тебя «хоть раз признали слабоумным, то от этого тебе будет польза уже на всю жизнь» (5, 246). (Поучения на этот счет даже не раз повторяются в романе.)

Вот после обнародования манифеста императора о войне Швейк появляется на центральных улицах Праги в инвалидной коляске, с букетиком новобранца на груди и, потрясая костылями, выкрикивает верноподданнические и воинственные лозунги. Что это – придурковатость и необыкновенная наивность слабоумного или провокация, которую с готовностью подхватывает и поддерживает дерзкими комментариями набежавшая публика?

Швейк услужливо добывает пса для офицера, у которого служит в денщиках, но потом оказывается, что пес украден и принадлежит полковнику, непосредственному начальнику офицера. Более того, после катастрофы, постигшей Лукаша, Швейк признается, что привел собаку, зная, что она краденая, но он, мол, очень уж хотел услужить пану лейтенанту. Глупость это? медвежья услуга? дань плебейскому представлению, что кража собак вполне естественное дело?

Швейк надевает на себя русскую военную форму, оставленную на берегу озера беглым русским пленным, который решил помыться. И снова читатель гадает, действительно Швейк по простодушию хотел примерить чужое обмундирование или же просто помог русскому переодеться в австрийскую униформу и скрыться? Сам он в русском обмундировании попадает в австрийский плен. И опять-таки, просто это смешное стечение обстоятельств или попытка увильнуть от фронта? И т. д. Придурковат Швейк и влипает в одну историю за другой от избытка непоседливости или намеренно валяет дурака, словно с наслаждением купаясь в бестолковом хаосе, который царит вок-

руг, и с радостью вносит свою лепту в усугубление сумятицы? Читатель все время занят разгадкой подобных загадок.

В то время как мотивы поведения других героев романа полностью открыты для читателя, образ Швейка строится иначе. Объяснение то и дело остается неполным или подается таким образом, что оно не внушает полного доверия, а, наоборот, вызывает подозрение. Вспомним сцену, когда Швейка обвиняют в остановке поезда с помощью тормозного крана. Эпизод начался разговором Швейка с железнодорожником в вагоне: — «Бывал у меня в гостях один знакомый, — начал Швейк, — славный парень по фамилии Гофман. Этот самый Гофман утверждал, что вот эти тормоза в случае тревоги не действуют; короче говоря, если потянуть за рукоятку, ничего не получится. Я такими вещами, правду сказать, никогда не интересовался, но раз уж я сегодня обратил внимание на этот тормоз, то интересно было бы знать, в чем тут суть, а то вдруг понадобится».

Швейк встал и вместе с железнодорожником подошел к тормозу с надписью «В случае опасности».

Железнодорожник счел своим долгом объяснить Швейку устройство всего механизма аварийного аппарата:

— Это он верно сказал, что нужно потянуть за рукоятку, но он соврал, что тормоз не действует. Поезд, безусловно, остановится, так как тормоз через все вагоны соединен с паровозом. Аварийный тормоз должен действовать.

Во время разговора оба держали руки на рукоятке, и поистине остается загадкой, как случилось, что рукоять оттянулась назад и поезд остановился. Оба никак не могли прийти к соглашению, кто, собственно, подал сигнал тревоги. Швейк утверждал, что он не мог этого сделать — дескать, он не уличный мальчишка <...>

— Я сам удивляюсь, — добродушно говорил он подоспевшему кондуктору, — почему это поезд вдруг остановился. Ехал, ехал, и вдруг на тебе — стоп! Мне это еще неприятнее, чем вам.

Какой-то солидный господин встал на защиту железнодорожника и утверждал, что сам слышал, как солдат первым начал разговор об аварийных тормозах.

Но Швейк все время повторял, что абсолютно честен и в задержке поезда совершенно не заинтересован, так как едет на фронт (!)».

И завершение разговора: «Ну, ладно, едем дальше, — сказал Швейк. — Хорошего мало, когда поезд опаздывает. Если бы это произошло в мирное время, тогда, пожалуйста, бог с ним, но раз

война, то нужно знать, что в каждом поезде едут военные чины: генерал-майоры, обер-лейтенанты, денщики. Каждое такое опоздание – паршивая вещь. Наполеон при Ватерлоо опоздал на пять минут и очутился в нужнике со всей своей славой» (6, 12–13).

В тексте хорошо видно, как автор не договаривает и уклоняется от прямого упоминания о том, кто действительно нажал рукоятку тормоза. С другой стороны, объяснение Швейка (он не заинтересован в остановке поезда, так как едет на фронт) не столько убеждает, сколько заставляет подозревать насмешку, хотя его и нельзя безапелляционно обвинить в издевке.

Строго говоря, никто так и не сообщит читателю, нажал все-таки Швейк на рукоятку тормоза или не нажал, по глупости или нарочно он вспомнил Ватерлоо, по наивности или с умыслом упомянул о военных чинах, едущих в поезде, и при этом в один ряд с генерал-майорами и обер-лейтенантами поставил денщиков, каким был и он сам. (У читателя эти слова Швейка немедленно вызывают в памяти и предшествующую сцену, разыгравшуюся в поезде. Участниками ее были, кроме Швейка, обер-лейтенант Лукаш и лысый генерал-майор, который, переодетый в штатский костюм, ехал инкогнито в инспекционную поездку и которого Швейк спросил, не является ли он чиновником Пуркрабеком из банка «Славия», а затем начал рассуждать, сколько волос должно быть на голове у нормального человека, вызвав неописуемую ярость генерала.)

Напомним также фрагмент сюжета, когда Швейк, отставший от поезда, получает приказание идти в свой полк в Будейовице пешком: «Спустя полчаса, после того как Швейка напоили черным кофе и дали на дорогу, кроме краюхи хлеба, еще и осьмушку табаку, он вышел темной ночью из Тора, напевая старую солдатскую песню:

*Шли мы прямо в Яромерь,
Коль не хочешь, так не верь.*

Черт его знает, как это случилось, но brave солдат Швейк, вместо того, чтобы идти на юг, к Будейовицам, шел прямехонько на запад» (6, 25–26). Сказанное автором не только не объясняет, почему Швейк свернул не в ту сторону, но и «уводит» от объяснения. Чуть дальше описывается встреча Швейка со старушкой:

«По дороге из Кветова во Враж, которая ведет все время на запад, со Швейком заговорила старушка, возвращавшаяся из костела домой:

– Добрый день, служивый. Куда путь держите?

– Иду я, матушка, в полк, у Будейовице, на войну эту самую.

– Батюшки, да вы не туда идете, солдатик! – испугалась бабушка. – Вам этак туда ни в жисть не попасть, дорога-то ведет через Враж прямехонько до Клатов.

– Я, полагаю, человек с головой и из Клатов попадет в Будейовице, – почтительно ответил Швейк. – Правда, прогулка не маленькая, особенно для человека, который торопится в свой полк и побаивается, как бы, несмотря на все его старания явиться в срок, у него не вышли неприятности» (6, 27).

В конце концов так и остается без ответа, случайно Швейк перепутал дорогу или у него был умысел дезертировать из армии, а потом он передумал, или же он просто тянул время (его стремление вернуться в полк напоминает бег на месте) и т. д. А обилие дезертиров, которыми кишат все стога сена вокруг, и желание всех встречных помочь Швейку, в котором они тоже признают дезертира, создает еще дополнительный двусмысленный фон.

В романе все время ощущается известная доля двусмысленной недосказанности примерно того типа, что применяется в розыгрышах и шуточных мистификациях. Это и в самом деле что-то вроде непрерывной, дразнящей мистификации читателя, которого Швейк также немножко водит за нос.

Есть в романе Гашека глава «Духовное напутствие». Швейк после переодевания в форму русского солдата сидит под арестом, и ему грозит виселица, а фельдкурат Мартинец, хватив изрядную дозу хмельного, загорается желанием посетить его и обратиться к нему со словами последнего утешения. Швейк встречает священника как нового арестанта, которого посадили к нему в камеру, и с бесцеремонной фамильярностью обрушивает на него целый поток вульгарной болтовни (фельдкурат в конце концов пулей вылетает из камеры в полной уверенности, что имел дело с умалишенным). Но к средствам поэтики относится в данном случае не только то, что есть в тексте, но и то, чего в нем нет. А нет в нем довольно существенной информации. На протяжении всей главы хранится молчание о том, было поведение Швейка вызвано тем, что он на самом деле принял фельдкурата за арестанта, или же только притворялся, что не понял цели его визита и разыграл его. Опять-таки в положении разыгрываемого оказывается и читатель.

Порой поведение Швейка настолько загадочно, что вроде бы даже и концы не сходятся с концами. Иногда оно вне вся-

кого сомнения – хитрая маска. Ярчайший пример – его поединок с чиновником из полицейского управления, которому сообщили, что Швейк, проходя под конвоем мимо толпы, читавшей императорский манифест об объявлении войны, воскликнул «Да здравствует император Франц Иосиф!», вызвав всеобщий смех. «Я не мог оставаться в бездействии, – объяснял Швейк, уставя свои добрые глаза на инквизитора. – Я пришел в волнение, увидя, что все читают этот манифест о войне и не проявляют никаких признаков радости. Ни победных кликов, ни «ура» ... вообще ничего, господин советник. Слово их это никак не касается (сколько издевательства скрыто в этих сообщениях! – С. Н.). Тут уж я, старый солдат девяносто первого полка, не выдержал и прокричал эти слова. Будь вы на моем месте (т. е. на месте арестованного! – С. Н.), вы наверное поступили бы точно так же. Война так война, ничего не поделаешь, – мы должны ее довести до победного конца, должны постоянно провозглашать славу государю-императору. Никто меня в этом не разубедит (полицейский комиссар ставится в положение человека, пытающегося разубедить Швейка в его верноподданнических чувствах! – С. Н.).

Прижатый к стене черно-желтый хищник (черно-желтый – официальные цвета Австрийской империи, австрийского флага. – С. Н.) не вынес взгляда невинного агнца Швейка, опустил глаза в свои бумаги и сказал:

– Я вполне понял бы ваше воодушевление, если бы оно было проявлено при других обстоятельствах. Вы сами отлично знаете, что вас вел полицейский и ваш патриотизм мог и даже должен был скорее рассмешить публику, чем произвести на нее серьезное впечатление.

– Идти под конвоем полицейского это тяжелый момент в жизни каждого человека. Но если человек даже в этот момент не забывает, что ему надлежит делать при объявлении войны, то думаю, такой человек не так уж плох.

Черно-желтый хищник заворчал и еще раз посмотрел Швейку прямо в глаза. Швейк ответил ему своим невинным, нежным, мягким, скромным и теплым взглядом.

С минуту они пристально смотрели друг на друга.

– Идите к черту, – пробормотало, наконец, чиновничье рыло. – Но если вы еще раз сюда попадете, то я вас вообще ни о чем не буду спрашивать, а прямо отправлю в военный суд на Градчаны. Понятно?

И не успел он договорить, как неожиданно-негаданно Швейк подскочил к нему, поцеловал руку и сказал:

– Да вознаградит вас бог! Если вам когда-нибудь понадобится чистокровная собачка, соблаговолите обратиться ко мне. Я торгую собаками» (5, 268–269).

Мы намеренно привели целую сцену. В ней хорошо видно блестяще продемонстрированное Швейком умение выкручиваться, перерастающее одновременно в издевательство, к которому, однако, не придерешься. Очевиден и двусмысленный характер его объяснений. Трудно даже сказать, чего здесь больше – самозащиты или нападения. Трудно сказать, кто больше вынужден обороняться – Швейк или полицейский комиссар.

Однако в других случаях, как справедливо заметил П. Блажичек, Швейк словно сам лезет в петлю³³. Он, например, охотно ставит подпись о своем согласии с обвинением его в государственной измене. В повести «Бравый солдат Швейк в плену», написанной за несколько лет до романа, из общего контекста понятно, что такое поведение объясняется наивным благодушием слабоумного, искренне верящего, будто его оправдают. Он даже горько плачет от неожиданности, когда его потом приговаривают к восьми годам тюрьмы. В романе Швейк, наоборот, вроде бы уже не питает никаких иллюзий относительно доброты судей. (Едва переступив порог тюремной камеры при полицейском управлении, он заявляет: «Наше дело дрянь...», а на причитания одного из заключенных о том, что он невиновен, отвечает: «Иисус Христос был тоже невиновен, а его все же распяли» (5, 241).) И тем не менее в романе повторяется та же история с подписанием обвинительного заключения. У читателя даже возникает подозрение, а может быть, Швейк, с блаженным видом подписывая обвинение против себя, как раз и пытался произвести впечатление слабоумного. Ответа читатель не получает, как не получает он его и во многих других случаях. В известных пределах образ Швейка принципиально строится по принципу юмористической загадки. В самом образе запрограммировано, чтобы читатель (а местами даже и исследователь) зачастую не могли ответить на вопрос, маска это или не маска. Текст «намеренно держит нас в неуверенности, является ли глупость Швейка притворством или же он на самом деле наивный и простодушный кретин» (Р. Пытлик³⁴). «Объединяющее начало всех реакций Швейка заключается не в их однозначности, а как раз наоборот, в их амби-

валентности» (З. Матгаузер). Особенность образа Швейка определяется, по мысли Матгаузера, тем, что это своего рода символ, содержащий в себе множество потенциалов, которые, так сказать, только приоткрыты: «Швейк по принципу символа представляет собой не решение, а задачу, предложенную для решения, если воспользоваться характеристикой символа, данной А. Ф. Лосевым³⁵ ³⁶. Добавим, что такое «приглашение к решению», характерное в принципе для любого символа, в данном случае дополнительно поддержано и усилено широким использованием поэтики комической мистификации, розыгрыша.

Любой розыгрыш предполагает, что кого-то сознательно вводят в заблуждение, когда, например, истинная версия происходящего или происшедшего заменяется вымышленной, причем присутствует элемент артистической демонстрации искусной игры – этим розыгрыш, пожалуй, и отличается от элементарного обмана. Иногда такая демонстрация припасается на конец розыгрыша, а сначала вымысел и игра маскируются. В других случаях с самого начала допускается или даже поощряется подозрение в мистификации. Разыгрываемого все время держат в неуверенности, шутят с ним или, напротив, говорят (и действуют) вполне серьезно. Для этого попеременно вводится информация, то заставляющая подозревать лукавство, то снова возвращающая к серьезному варианту. Именно этому типу комической мистификации ближе всего повествование в романе Гашека. Речь идет именно о системе и структуре повествования, а не просто об изображении всевозможных подшучиваний, которые тоже часто встречаются в «Швейке». Таковы, например, сцены в арестантском вагоне, где вольноопределяющийся Марек со Швейком разыгрывают конвоирующего их капрала. Марек рассказывает ему о достоинствах единственной австро-венгерской «колонии» – Земле Франца-Иосифа, которая расположена в Ледовитом океане и якобы очень важна для империи, так как позволяет в изобилии вывозить на экспорт лед, хотя большие трудности доставляют его перевалка через Полярный круг, а также нападения эскимосов, использующих для этой цели дрессированных белых медведей. (Тупоголовый капрал долго не может понять, что над ним насмеваются.) Того же типа смешной обман, когда Швейк на железнодорожной станции уверяет поручика Дуба, что пил не коньяк, а ржавую воду из заброшенной колонки. В результате Дуб, решивший проверить правдивость объяснений Швейка, выпивает целый стакан грязной и дурно пахнущей воды. В приве-

денных примерах розыгрыш служит темой изображения. Однако в романе в духе розыгрыша и комической мистификации часто выдержана сама подача материала, когда сам автор, а через него Швейк как бы разыгрывают читателя.

Повествование в романе Гашека потому и обладает особой прелестью, что напоминает непрерывную, все время длящуюся и наращиваемую юмористическую загадку. Роман пестрит ситуациями, сценами, эпизодами, которые так и остаются не вполне разъясненными. При этом принцип озорной недосказанности, лукавого умолчания о мотивах поведения героя, двусмысленной информации касается в романе только Швейка и не распространяется на других героев. Но зато по отношению к нему он проводится как на уровне узловых сюжетных ситуаций, так и в частностях. Например, почудилось врачам или на самом деле Швейк дразнился и строил гримасу, когда во время медицинского осмотра его попросили показать язык? Нарочно или по недомыслию он будит только что уснувшего офицера, чтобы спросить, когда его разбудить?

Один из главных источников комизма в романе – столкновение и интерференция разных систем представлений. Безудержная болтовня Швейка на самые разнообразные темы также носит во многом бурлескный характер, когда в непосредственном соседстве и как бы перемешанными оказываются высокие материи и драки на базаре, официальная политика и быт трактиров и подворотен. Причем опять-таки зачастую неясно, случайно или намеренно такое смешение. Вспомним разговор Швейка с сыщиком об императоре. «Какие оскорбления наносятся государю императору спьяна? – переспрашивает Швейк. – Всякие. Напейтесь, велите сыграть вам австрийский гимн и сами увидите, сколько наговорите. Столько насочиняете о государе императоре, что если бы лишь половина была правда, хватило бы ему позору на всю жизнь. А он, старик, по правде сказать, этого не заслужил. Примите во внимание, сына Рудольфа он потерял во цвете лет, полного сил, жену Елизавету у него проткнули напильником, потом не стало его брата Яна Орта, а брата – мексиканского императора – в какой-то крепости поставили к стенке. А теперь на старости лет у него дядю подстрелили. Нужно железные нервы иметь. И после всего этого какой-нибудь забулдыга вспомнит о нем и начнет поносить. Если теперь что-нибудь разразится, пойду добровольцем и буду служить государю императору до последней капли крови» (5, 235–236). Что

это – сочувствие или издевательство? А чуть раньше состоялся такой разговор об убийстве эрцгерцога:

«– Там, говорят, народу было много, сударь.

– Разумеется, пани Мюллерова, – подтвердил Швейк, заканчивая массаж колен. – Если бы вы, например, пожелали убить эрцгерцога или императора, вы бы обязательно с кем-нибудь посоветовались. Ум хорошо – два лучше. Один советует одно, другой другое, “и путь открыт к успехам”, как поется в нашем гимне» (5, 227, перевод уточнен. – С. Н.). И дальше: «Для такого дела я бы купил себе браунинг: на вид игрушка, а из него можно в два счета перестрелять двадцать эрцгерцогов, хоть тощих, хоть толстых» (5, 229).

Поведение Швейка предстает в романе увиденным не «изнутри», а «извне», оно изображается в восприятии наблюдателя, который не знает до конца истинных мотивов его поступков, не знает, случайны или преднамеренны его высказывания, нечаянны или сознательны его аналогии, хотя и подозревает все время плутовство. Такого рода повествование все время интригует читателя. Он вовлечен, как уже говорилось, в нескончаемую игру – розыгрыш, в увлекательный процесс разгадывания.

А загадка, как известно, один из самых эффективных способов поощрения интереса читателя, активизации его мысли и воображения. Не случайно принцип загадки так типичен для развлекательных или близких им жанров – детективного, приключенческого (повествующего, например, о раскрытии тайн природы) и т. д. Читатель таких произведений жадно ищет ответа, нетерпеливо ждет его, ловит информацию, мысленно сопоставляет и перекомпоновывает ее и т. п. Отгадывание тем более увлекает, если вы имеете дело с комической мистификацией. Тут в процессе поисков истины все время открываются новые и новые комические повороты, а отсутствие однозначного ответа интригует все больше и больше. Но при всем сказанном читателю романа Гашека все время дается почувствовать, что в поступках и разговорах героя, в его поведении на грани усердия и провокации вольная или невольная провокация то и дело перевешивает, а иногда проступает и достаточно откровенно и воспринимается как ловкое издевательство.

Роман «Похождения бравого солдата Швейка», может быть, потому так и увлекает читателя, что помимо собственно литературных способов воздействия в него встроен механизм игры. Процесс чтения как бы соединен с формами общения, которые неред-

ко встречаются в различных видах развлечения, увеселения, отдыха. Первоэлементом такого развлечения в данном случае является игра в отгадывание. Это-то соединение возможностей, свойственных литературе и игре, и порождает особую атмосферу романа, которая прекрасно доносит вместе с тем и стихию насмешливого полускрытого неповиновения масс верхам. Читателю дано самому, непосредственно ощутить эту атмосферу, окунуться в нее.

Швейка часто сравнивают со многими героями мировой литературы и фольклора – с образами умных дураков из народных сказок, с плутоватыми пикаро, с Ходжой Насреддином, Тилем Уленшпигелем, Санчо Пансой, Фальстафом, Фигаро, Сэмом Уэллером, Хлестаковым и т. д. И каждый раз находят нечто общее. Напрашивается, однако, вопрос – а есть ли в этом образе своя неповторимая сердцевина, своя доминанта, как есть она в образах Дон Жуана, Обломова, Тартарена из Тараскона, Бай Ганю, во всех только что перечисленных литературных типах? Ведь не так уж и лестно быть вторым Рабле или вторым Сервантесом. Собственно говоря, второй Сервантес или Рабле и не нужны мировой литературе. Дорого, что Гашек есть Гашек, за что его и полюбили читатели всего мира. В чем же самобытность и незаменимость образа Швейка, новизна и оригинальность поэтики комической эпопеи чешского писателя, которую иногда называют библией юмора? Думается, что часть ответа на этот вопрос заключается как раз в том, что никто до Гашека не воплотил с такой художественной силой стихию комической мистификации и юмористического розыгрыша в качестве одного из главных принципов повествования и семантической структуры в масштабах целой эпопеи.

Своеобразие художественной системы Гашека станет особенно очевидным, если сопоставить «Похождения бравого солдата Швейка» с известными сатирико-юмористическими произведениями мировой литературы. И в «Дон Кихоте» Сервантеса, и в «Женитьбе Фигаро» Бомарше, и в «Пиквикском клубе» Диккенса, и в «Тартарене из Тараскона» Доде, и в «Ревизоре» Гоголя можно обнаружить нечто родственное роману Гашека. В одних случаях эти произведения роднит образ веселого и плутоватого слуги, в других – изображение мистификации и ловкого обмана и т. д. Однако все эти произведения строятся таким образом, что читатель оказывается в роли посвященного наблюдателя: другие действующие лица чего-то не знают о происходящем, а читатель знает все.

Гашек же и само повествование, само изображение происходящего построил таким образом, чтобы и читатель вместе с другими героями романа знал не все и зачастую не мог вообще разгадать до конца, где Швейк наивен, а где плутует. Комическая мистификация направлена здесь и на читателя. Он сам стал объектом комического розыгрыша. Можно пояснить это таким сравнением: Хлестаков тоже (хотя это и совершенно иной тип) в некотором смысле разыгрывает городничего и чиновников, которые принимают его за ревизора. Но зрителю с самого начала известно, что это не ревизор, а в конце пьесы в этом убеждаются и герои комедии. Поэтика, в духе которой создан образ Швейка, требовала бы, чтобы и остальные действующие лица и зрители на протяжении всей пьесы и даже после того, как опустится занавес, так и оставались не до конца уверенными, ревизор это был или не ревизор, хотя и сильно подозревали бы, что стали свидетелями (а действующие лица и жертвами) ловкого обмана.

В мировой литературе трудно назвать другое произведение, в котором принцип и механизм смеховой игры, розыгрыша, комической мистификации был бы так широко и органично использован в качестве принципа литературного художественного построения, применен на разных уровнях художественной структуры и стал важнейшим принципом поэтики и повествования. Гашек создал не только новый комический тип, но и во многом новую художественно-повествовательную систему.

По следам прототипа главного героя Гашека

Сенсация, не наделавшая шуму. Основное творческое достижение Гашека – это, конечно, образ Швейка. Имя Швейка мгновенно возникает в памяти при одном упоминании о чешском писателе. Гашек обогатил сокровищницу литературы, создав новый литературный тип, сразу же вошедший в круг самых популярных мировых образов. В этой связи особый интерес представляет творческая история этого персонажа. Естественно не вызывает сомнений, что он многое впитал в себя от самой атмосферы, которая царила в Чехии в начале века и о которой уже была речь. Дух веселой «дискредитации смехом» пронизывал все поры общественной жизни и проникал даже в армию. Эта своеобразная атмосфера не сошла на нет и во время мировой войны, а в чем-то, пожалуй, даже сгустилась. Чехи никак не хотели сражаться за интересы империи. В армейской среде вместе с неприязнью к австрийским правящим верхам сказывалась, конечно, и просто тоска по веселому слову и шутке, потребность в юморе, которую стремились утолить огромные массы собранных вместе и связанных общей судьбой людей, не горевших желанием воевать и превращавших все в повод для пародии и смеха. Выразительные воспоминания о настроениях и поведении чешских солдат оставили многие современники Гашека. Пражский писатель Йозеф Копта рассказывал: «Чешский солдат, которому капитан-немец поручал перевести перед полком свою патриотическую речь (и без того полностью понятную всем чехам), делал это с показным рвением, с необыкновенно серьезным выражением лица и вместе с тем с немалой отвагой, так как подвергал себя риску жестокого наказания. Капитан говорил по-немецки: “Солдаты! Тяжелые тучи нависли над нашей родиной. Не забудьте о вашей славе (Ruhm). Пусть она будет с вами. Но если кто-нибудь покинет знамя, то он неминуемо изопьет потом всю чашу наказания, которую уготовила ему карающая рука Немезиды”. Чех-переводчик не моргнув глазом и с невинным видом переводил: “Ребята, господин капитан говорит, что пойдет дождь и всем надо взять с собой ром.

А если кто убежит далеко от флага, пусть выпьет свою порцию у ефрейтора Немечка". Во время принятия присяги солдаты бормотали текст прямо противоположного смысла»¹.

Но как бы ни влияла атмосфера, не существовало ли все же реального прототипа Йозефа Швейка? Пусть прототипа, давшего только первый толчок работе воображения? Известно, что многие герои Гашека носят имена реально существовавших лиц. И хотя Гашек далеко не склонен был связывать себя живописанием с натуры и имел обыкновение давать полную волю своему неистощимому воображению и темпераменту комика, его персонажи нередко ведут свою историю от конкретных живых людей. Ведь и «Похождения бравого солдата Швейка» буквально пестрят героями с реальными именами. Это и поручик Лукаш, и капитан Сагнер, и кадет Биглер, и старший писарь Ванек, и сапер Водичка и т. д.

Прототипами послужили главным образом однополчане писателя, оказавшиеся вместе с ним в одной воинской части австрийской армии во время Первой мировой войны. Пародийная история этой части — один из главных пластов его сатирического романа.

Все упомянутые лица здравствовали, кстати говоря, и в момент появления этой книги (1921–1923), а некоторые из них были живы еще и после Второй мировой войны. Уже в 50-х годах журналисты впервые побеседовали с бывшим кадетом Биглером, который проживал в это время в Дрездене и сообщил между прочим, что совсем недавно познакомился с романом Гашека и что он ему понравился. О собственной военной службе он самоотверженно заявил, что она правдиво обрисована в романе². В конце 50-х годов был еще жив Йозеф Водичка, довольно вероятный прототип сапера Водички в романе Гашека. Это был солдат, отличавшийся необычайно буйным нравом. За два года службы в австрийской армии, по его словам, он 153 раза подвергался дисциплинарным наказаниям. Русскому читателю, наверное, небезынтересно узнать, что с прототипом сапера Водички Гашек познакомился в России, в Тощих лагерях для военнопленных близ Бузулука. Как и многие другие чешские пленные, он служил потом в чехословацких добровольческих частях в России и проделал путь от Ровно до Владивостока³. На одном из вечеров, посвященном Гашеку и проходившем в Доме советской науки и культуры в Праге весной 1983 года (тогда отмечалось столетие со дня рождения Гашека), присутствовал сын старшего писаря Ванека, унаследовавший от отца и его гражданскую профессию. Он служил в той же лавке москательных и аптекарских товаров в Кра-

луках под Прагой, которую вел его отец, о чем упоминается и в романе Гашека. Существовал якобы даже пастух-дурачок Пепик-Прыгни, которого в романе вербует в осведомители путимский вахмистр⁴. Еще в межвоенный период сведения о прототипах героев веселого произведения Гашека вместе с их фотографиями стали проникать в печать и получили известность на родине писателя. В общих чертах хорошо известны даже биографии некоторых из них. В последние годы чешский историк Аугустин Кнесл, увлеченно собиравший неизвестные материалы о Гашеке, обнаружил, что имена реальных лиц нередко носят и второстепенные, эпизодические персонажи романа Гашека. Фамилии его героев встречаются, например, в списках слушателей Высшей технической школы в Праге (где в юности у Гашека было много друзей и знакомых)⁵. Короче говоря, от романа тянутся многие нити к реальным лицам. Тем более интересно узнать, является ли исключением главный герой Гашека?

Как известно, образ Йозефа Швейка впервые появился в рассказах Гашека в мае 1911 года. Некоторые современники писателя были убеждены, что имя для своего героя он позаимствовал у чешского землевладельца и консервативного политика, депутата имперского парламента от аграрной партии, человека верно-подданнических, проавстрийских настроений Йозефа Швейка⁶. По некоторым слухам этот Швейк был и начальником Гашека во время его недолгого пребывания на действительной военной службе в 1906 году (впрочем, сам факт службы документально пока не подтвержден). Гашек якобы хотел посмеяться над этим политиком, уподобив его своему герою, страдающему навязчивой манией «служить государю императору до последнего вздоха». Как мы уже знаем, Гашек с его веселым нравом довольно часто прибегал к подобному приему, приписывая своим комическим персонажам имена известных лиц и ставя тем самым последних в смешное положение. Вполне правдоподобно, что таким же образом он мог поступить и на этот раз.

Однако около трех десятилетий тому назад появилась другая версия происхождения имени главного героя Гашека. В одном из популярных чешских журналов был напечатан очерк или даже, пожалуй, беллетризованная статья малоизвестного автора Ярослава Веселого, сообщавшего почти сенсационные сведения⁷. Он писал, что на протяжении целых двенадцати лет у Гашека якобы был знакомый или даже друг по имени Йозеф Швейк, о котором он никому не рассказывал (по словам друзей Гашека А. Лонгена

и Й. Магена нечто подобное с Гашеком случалось: он порой водил компании с совершенно разными людьми, не знакомя их друг с другом). Сам Йозеф Швейк после появления рассказов Гашека, а тем более романа с героем, носившим его имя, не хотел якобы привлекать к себе внимание и старался держаться в тени. Дело в том, что со временем он сделался если не преуспевающим, то во всяком случае вполне благополучным ремесленником и добропорядочным семьянином и не желал осложнять себе репутацию, хотя и продолжал дружбу с Гашеком, которого ценил и любил. Если он оказывался при посторонних в обществе Гашека, то обычно выдавал себя за его родственника и не называл своего настоящего имени. Ярослав Веселый, видимо, уважая волю Швейка, также опубликовал свой очерк о нем уже спустя несколько лет после его смерти.

Познакомился Гашек со Швейком будто бы в мае 1911 года. Он случайно встретился и разговорился в трактире «У чаши» с отцом Швейка, и тот привел его к себе домой, где сын жил вместе с родителями. Квартира их находилась на той же улице Боиште, что и трактир «У чаши», ставший позднее знаменитым благодаря роману Гашека. В этом трактире завязывается сюжетное действие романа после убийства эрцгерцога Фердинанда, которое повлекло за собой объявление войны. Здесь же Швейк назначает свидание саперу Водичке «в шесть часов вечера после войны».

Знакомство Гашека с молодым пражским ремесленником якобы и дало толчок возникновению образа Швейка. Только что наслушавшийся в трактире рассказов чешских солдат-пройдох, отбывавших недавно службу в Боснии (она в 1908 году была захвачена Австрийской империей) и похвалявшихся своим искусством саботажа, Гашек якобы и сочинил на квартире у Швейка свой первый рассказ о «бравом солдате», дав ему имя своего нового знакомого, который тоже недавно был на действительной службе и сумел избавиться от нее. По версии Веселого, этот рассказ был даже и записан под диктовку рукой Швейка.

В то же время Веселый не считал образ Швейка просто зарисовкой с натуры. По его словам, и сам Швейк не склонен был обольщаться на этот счет и не покушался на лавры героя Гашека: «Когда в 1914 году меня призвали на службу в австрийскую армию, — вспоминал он, — я тут же оказался в числе саботажников и сачков и стал играть умного дурака по принципу “глупостью против военных глупостей”. На фронте я прослыл титулованным идиотом. Разумеется, я не умел так гладко проскочить через все трудные ситуации и конфликты, как герой в романе Гашека. У меня

не было такого запаса притворства, красноречия и хитрости, хотя и я всегда любил шутку и никогда не посрамил развлечения».

После первого знакомства Гашек и Швейк время от времени якобы встречались. Частично будто бы совпадали и пересекались их пути и в годы Первой мировой войны. Оба они оказались в русском плену и на какое-то время даже в одних и тех же лагерях для военнопленных – в Дарнице под Киевом, где Швейк заделался поваром: во время регистрации пленных он приписал себе эту специальность, здраво рассудив, что справится с немудреными обязанностями лагерного кашевара. Многие чехи-мужчины вообще умеют хорошо готовить. Швейк похвалялся, что со временем ему стали доверять даже приготовление блюд для лагерного начальства, и начальник лагеря в Дарнице полковник Грибоедов будто бы говорил, что никто не умеет делать шашлык лучше, чем Швейк.

Через некоторое время Швейк, как и Гашек, якобы вступил в чехословацкие добровольческие части, сформированные в России, находился в действующей армии. В июне 1917 года он участвовал в боях у Зборовы против австро-венгерских войск и позднее, уже в Чехословакии, дважды был награжден за это – первый раз в 1924 году, второй – в 1947 году.

Однако самое поразительное в рассказе Швейка, переданном Я. Веселым, начиналось дальше. Когда Гашек ушел в Красную Армию, Швейк оставался в чехословацком корпусе. И вот удивительный случай якобы свел их при совершенно исключительных обстоятельствах, какие чаще встречаются в детективных романах. 8-го июня 1918 года войска чехословацкого корпуса заняли Самару. Командование 4-го полка ~~вы~~дало приказ об аресте чехов, служивших в Красной Армии, в том числе и политкомиссара Ярослава Гашека, обвиненного вместе с другими в государственной измене. В случае ареста Гашека ждал неминуемый расстрел, если не виселица. Соотечественники были тогда скоры и круты на расправу. Ко всему прочему в середине дня 8 июня пленный красноармеец будто бы выдал, что Гашек (не ушедший, как известно, с частями Красной Армии) скрывается в последнем доме Слободки, предместья Самары. По случайному совпадению в вооруженную команду, которой было приказано доставить Гашека «живым или мертвым», попал и Швейк. Кроме него на задание были посланы «члены разведки 1-го батальона» Балцар (командир), Троян и Худоба. На окраине Слободки патруль остановился в закуске под кле-

ном вблизи большого дома. Швейк вызвался пойти вперед и разведать ситуацию, с тем чтобы другие остались пока на страже. Балцар согласился. Швейк с карабином в руках прошел через ворота. Во дворе мужик отбивал косу, а в окне Швейку сразу бросилась в глаза фигура Гашека. При виде Швейка он быстрым движением сунул руку в карман, по-видимому, хватаясь за пистолет. Но Швейк сказал ему, что он здесь не один и если Гашек немедленно не скроется, предупредив мужика, чтобы тот запирался и все отрицал, то будет арестован. Гашек успел скрыться. «До сих пор не пойму, – говорил впоследствии Швейк, – я ему спас жизнь или он оставил меня в живых».

Новая встреча Гашека со Швейком произошла якобы уже в Праге, после возвращения писателя на родину, в начале 1921 года. Они вновь сошлись на квартире у Швейка, который, однако, переселился к этому времени на Варшавскую улицу. 6 января 1923 года никому не известный Швейк якобы присутствовал на похоронах Гашека в Липнице – единственный из его пражских друзей (другие поздно узнали о смерти или не смогли приехать). Спустя три десятилетия, в 1955 году, Швейк будто бы побывал на открытии обновленного и ставшего теперь мемориальным трактира «У чаши».

Таково было содержание статьи Веселого. Ко всему прочему ее сопровождал целый набор фотографий Швейка, сделанных в разные периоды его жизни: перед уходом на действительную службу в начале 1911 года, в австрийской армии в 1914 году, перед отправкой на фронт в 1915 году, в чехословацких легионах в России в 1918 году; помещена была также последняя его фотография. Судя по фотоснимкам, в выражении лица Швейка в молодости было что-то вроде намека на двусмысленную и неопределенно дерзкую улыбку.

Известно, что Гашек любил отыскивать диковинные человеческие типы и характеры и водить дружбу с такими людьми, черпая из общения с ними импульсы для своего творчества, получая возможность как бы разрабатывать потенциал, заложенный в том или ином экзотическом индивидуе. Встретив необыкновенный человеческий экземпляр, он уже не упускал его из виду. Ярмила вспоминала: «Найдя колоритный тип, он становился неутомимым муравьем – слушал, расспрашивал, располагал к себе, дразнил и ранил, чтобы узнать, как человек ведет себя в разных ситуациях. У него было мало настоящих друзей, но он знал сотни людей-типов и каждый такой человек считал его своим приятелем»⁸. Нет ничего неправдоподобного, что в гашековской коллекции удивительных людей мог оказаться и некий Йозеф Швейк. И все же

статье Я. Веселого не особенно поверили. Слишком уж она была неожиданной. Чтобы столько лет никто не знал о близком знакомом или даже друге Ярослава Гашека, носившем то же имя, что и его главный герой! Это казалось невероятным! К тому же и автор статьи, судя по всему, пожелал остаться в дальнейшем неизвестным и в последующие годы никак не дал знать о себе (даже во время столетнего юбилея Гашека в 1983 году, который отмечался в Чехословакии очень широко). Словно ожила атмосфера гашековских мистификаций, которых столько было связано с его именем еще при жизни писателя и начало которым положил он сам. Надо также сказать, что в статье встречались куски, которые явно не выдерживали критики и уже с первого взгляда выглядели малоубедительными. Автор, например, пытался представить себе мысли Гашека, которые бродили у него в голове при возникновении замысла рассказа о Швейке, и передавал их, словно они точно известны, даже брал в кавычки. Подобные «вживания в образ», разумеется, имеют мало общего с точной информацией. Столь же малоправдоподобно, будто Швейк при первой же встрече с Гашеком обратил внимание на сходство звуков в их фамилиях. Такое наблюдение скорее можно ожидать от филолога. Оно подозрительно смахивает на журналистскую «изюминку» автора статьи. Да и вообще статья, как уже говорилось, не лишена была беллетризации, появилась в журнале, не претендовавшем на научную строгость. Короче, ее встретили со скепсисом. И тем не менее, если вдуматься, для мистификации она была слишком богата точно указанными сведениями и датами, многие из которых легко поддаются проверке. Если исследователям удалось установить имена и местожительство предков Гашека начиная с XVI столетия, то уж, конечно, не требуется большого труда, чтобы выяснить, действительно ли на пражской улице, которую называет Веселый, несколько лет тому назад проживал человек по имени Йозеф Швейк, а возможно и поныне проживают его родственники. Впрочем, частично это уже было потом и выяснено. Р. Пытлик в своей книге о Гашеке, изданной в 1971 году, глухо упомянув вслед за Веселым, что Гашек, возможно, встречался с каким-то Швейком с улицы Боиште, вспомнил, что и сам Гашек в детстве одно время жил вместе с родителями на углу улиц Боиште и Сокольской, и допустил, что он мог быть знаком со Швейком-отцом⁹. В свою очередь А. Кнесл подтвердил проживание Йозефа Швейка на улице Боиште, д. 453, по записям в метрических книгах¹⁰. Но дальше этого не пошло.

Солдат с личным номером 20899. Автору этой книги показалось заманчивым проверить некоторые факты, сообщенные Я. Веселым и касавшиеся, в частности, пребывания Швейка в России. Начать было лучше всего со списка чехословацких легионеров, получивших, по утверждению Я. Веселого, в 1924 и 1947 гг. награды за участие в битве у Зборова (июнь 1917 года). Во-первых, этот материал казался более доступным, а, во-вторых, в случае удачи он давал возможность сразу получить подтверждение целой суммы фактов.

Ниточку надо было искать в Праге в знаменитой «Инвалидовне». Так называют пражане с размахом построенный еще в первой половине XVIII века огромный дом для инвалидов ратных сражений и их семей. Спустя много лет здесь разместился Военно-исторический архив, который сейчас заслуженно пользуется известностью лучшего хранилища материалов и о чехословацком корпусе в России. Правда, не вызывало сомнений, что материалы о Гашеке в этом архиве не раз уже тщательно обследовались историками и литературоведами. Но догадался ли кто-нибудь поискать и материалы о Швейке? Ведь о нем как о реальном лице до сих пор ничего не было известно.

Естественно, для начала надо было попросить наградные документы 1947 года. И через несколько минут на стол передо мной лег «Персональный вестник министерства национальной обороны» (он издавался типографским способом). В номере от 19 июля 1947 года в официальном сообщении, подписанном министром обороны Людвиком Свободой и озаглавленном «В память битвы у Зборова были награждены», содержался полный алфавитный список лиц, удостоенных награды «Зборовской памятной медалью». Черным по белому здесь была напечатана и фамилия Йозефа Швейка с указанием воинского звания: «ефрей(тор) зап(аса) Швейк Йозеф»¹¹. Этим документом сразу подтверждались и существование в австрийской армии чешского солдата по имени Йозеф Швейк, и его служба на восточном фронте во время Первой мировой войны, и его пребывание в русском плену (а следовательно, и в лагерях военнопленных), и служба в чехословацких добровольческих частях в России, и участие в битве у Зборова, в которой, между прочим, участвовал и Ярослав Гашек, награжденный за эти бои еще в октябре 1917 года серебряной Георгиевской медалью «За храбрость». Дальше выяснилось, что архив располагал и прекрасной «Картотекой легионеров», состоявшей из их личных дел. Среди них оказалось и дело Швейка – выцветшая и потемневшая от времени, некогда розовато-дымчатая папка, кото-

рой еще не касалась рука ни одного исследователя Гашека. А в папке целый набор документов о пребывании Швейка в России: регистрационная карта-анкета, послужные списки Швейка, документы о перемещениях, зачислениях, откомандировании, медицинских освидетельствованиях. С особым чувством читаешь эти листы (некоторые из них даже не успели пожелтеть) и узнаешь, что в России Швейк ходил по улицам Киева, Ташкента, Самары, Челябинска, Тюмени, Иркутска, Владивостока...

Прежде всего, конечно, бросалась в глаза анкета Швейка. Такие карты-анкеты имелись в каждом деле. Они заполнялись в разное время, некоторые уже после Первой мировой войны, и периодически уточнялись. Это видно из отдельных добавлений, вписанных разными почерками и разными чернилами между строк или на обороте. Одна из таких карт-анкет, заполненная каллиграфическим почерком (скорее всего должностного лица), и лежала теперь передо мной. И под ней стояла личная подпись, сделанная черными чернилами, — полное имя и фамилия: Йозеф Швейк. Снова и снова хотелось вчитываться в строчки этой анкеты, вобравшие в себя судьбу человека, который дал имя всемирно известному литературному герою. Текст ее гласил (оригинал на чешском языке):

Личный номер 20899

Фамилия	Швейк
Имя	Йозеф
	✱ — православное
отчество **	— Йозеф
День, месяц и год рождения	22 ноября 1892 Дуби, Кладно
Место приписки	Жижелице н(ад) Ц(идляной)
Полит. администр. район	Новый Быдзов
Место последнего пребывания на родине (родители, родствен(ники))	Прага, 11, Боиште, 463 Катержина Швейкова
Номер полка в австрийской армии	36 п. п. (пехотный полк. — С. Н.)
Звание там же	ефрейтор
Профессия	пекарь
Образование	мещ(анская) школа
Политическая принадлежность на родине (Сокол)	(прочеркнуто. — С. Н.)
Женат или холост	(перечеркнуто косой линией слово «холост». — С. Н.)
Когда и где взят в плен	14.V.15. Сенява

* В России Швейк принял православие. — С. Н.

** Это русское слово воспроизведено латинскими буквами. — С. Н.

Место последнего пребывания в плену *Ташкент*
 Когда зачислен в чешское войско *25.VI.1916*
 Номер полка 3 и роты 5 чешского войска и звание в нем *рядовой*
 Личная подпись *Йозеф Швейк*¹²

Cis. 20899

Příjmení: *Švejk*
 Křestní jméno původní: *Josef* pravosl. *Alexandr*
 Den, měsíc a rok narození: *25. listopadu 1892 Olomouc*
 Domovská obec: *Křovice n/pb.* polit. okres: *Olomouc*
 Místo posledního pobytu doma (rodičů, příbuz.): *Práha 4, Papežská ulice*
 Číslo pluku v rak. armádě: *36 pppl.* hodnost tamtéž: *vojvůdk*
 Zaměstnání: *řekař* Vzdělání: *nižší škola*
 Politická příslušnost ve vlasti (Sokol):
 Ženat či svobodn: *Kdy a kde zajeť: 11.V.1916 Šumava*
 Místo posledního pobytu v zajetí: *Tashkent*
 Kdy zařazen do Českého vojska: *25.VI.1916*
 Číslo pluku: *3* a rotý: *5* českého vojska i hodnost v něm: *řadový*
 Osobní změny viz na druhé straně!

Анкета Йозефа Швейка

Еще более подробные сведения о прохождении Швейком военной службы в чехословацких частях в первый год пребывания в них содержал послужной список, при этом записи в нем были подкреплены отсылками к приказам с указанием номера и параграфа. Из этого списка можно было узнать, что Швейк вступил в добровольческие части в Киеве 24 июня 1916 года и был зачислен сначала «в нестроевой состав запасной роты» первого стрелкового полка, 30 сентября «переведен из нестроевой роты» в третью, а затем 26 октября в одиннадцатую роту. Отмечено также, что 6 декабря 1916 года он принял православную веру и получил второе имя – Александр. Дальше сведения относились уже к 1917 году. В самом конце марта его перевели из первого в третий стрелковый полк и зачислили в пятую роту. Отмечено далее, что в апреле он дважды получил отпуск в Киев –

сначала на две недели (с 11-го по 24), затем на 21 день (с 28 апреля). На записи о возвращении Швейка из второй поездки в Киев 21 мая 1917 года послужной список обрывался. Однако в деле имелся еще один послужной список, как бы продолжавший первый. В нем содержалась запись от 12 августа 1917 года: «Уволен по болезни в 3-х месячный отпуск и исключен из списков полка». Помету об этом же отпуске кто-то сделал и на обороте регистрационной карты: «Отпуск до 11.XI.17 Киев Слободка дач. ул. 154». На память потомкам сохранился, как мы видим, и адрес, по которому Швейк числился в отпуске. При желании кто-то из украинских почитателей Гашека мог бы, пожалуй, установить по архивам и фамилию домовладельца на Дачной улице, привечавшего Швейка. Кто был его знакомым и хозяином этого дома? Хлебосольный украинец? Чех-колонист?

Дальше в личном деле Швейка оказался пробел. Отсутствовали документы за год. Лишь позднее, когда в Военно-историческом архиве занялись систематизацией всех сведений о Швейке, выявили еще одну его анкету, которая заполнена была в России, а обнаружена в фонде генерального квартирмейстера чехословацкого войска. По содержанию она повторяла уже известные сведения и только в частности дополняла их (указано, например, что у Швейка был ребенок, что в 36 пехотном полку в австрийской армии Швейк служил капралом). Особый интерес этой анкете придавало то обстоятельство, что все до единой записи в ней сделаны собственной рукой Швейка. Но самое важное – она содержала примечание: «В ноябре 1917 года в Киеве я был освобожден от военной службы». Директор Военно-исторического архива Иван Штёвичек сообщил также мне: «К сожалению, до сих пор не удалось выявить сведений о передвижениях Швейка в период между декабрем 1917 и 28 октября 1918 года, когда его имя появляется вновь в списке разведчиков так называемой Самарской контрразведки, как раз около этого времени распущенной (можно полагать, что она существовала с момента взятия Самары чехословацкими войсками 8 июня 1918 года). Правда, имя Швейка в этом документе искажено и воспроизводится как Ал. Швейд, но все остальные данные – о времени вступления в чехословацкое войско, о зачислениях, возрасте, как и православное имя Александр, – совпадают. В начале ноября 1918 года была проведена реорганизация тайной разведывательной службы в чехословацком войске, и с 1 ноября 1918 года мы находим имя Швейка (опять-таки в виде «Ал. Швейд») в списках тайного разведывательного

отделения – сначала в функции “младшего наблюдателя” (по традиции употреблялось русское наименование. – С. Н.). Отсюда Швейк был (17 ноября 1918 года) затребован в Челябинск в тайное разведывательное отделение штаба чехословацкого войска, куда и был послан 28 ноября. Можно предполагать, что он действительно выполнял разведывательную службу и только на доводство был зачислен в транспортную роту»¹³.

Дальнейший путь Швейка вновь можно было проследить по его личному делу в картотеке легионеров. Наибольший интерес представлял документ, озаглавленный «Прохождение службы» и составленный в Иркутске на чешском языке. Он состоял из нескольких пунктов. В первом из них можно было прочесть: «Прибыл в штаб чешского войска на Руси от тайного разведывательного отделения в Тюмени, зачислен в постоянный состав транспортной роты с прикомандированием к тайному разведывательному отделению штаба чехословацкого войска на Руси – 8 апреля 1919 года». Следующий пункт, помеченный датой 2 июля 1919 года, информировал, что Йозеф Швейк «медицинской военной комиссией, заседавшей 14–19 июня, признан временно неспособным к полевой службе и определен к эвакуации». Далее сообщалось: «Эвакуирован на родину, исключен из списков транспортной роты при штабе». Стояла дата – 14 июля 1919. Наконец ниже, уже после подписей под документом, сделана приписка: «13 августа 1919 года. Эвакуирован на родину с транспортом № 8 пароходом “Эфрон”». Морские транспорты с чехословацкими легионерами отправлялись, как известно, из Владивостока и следовали в Европу через Индийский океан. ~~Где только не побывал Швейк!~~

В папке вообще хранился целый набор медицинских документов 1919 года, удостоверявших, что «Александр Юсефович Швейк, – как сказано в копии свидетельства о болезни (на русском языке), – “одержим” различными заболеваниями – “резким неврозом сердца”, “упадком питания и малокровием”, головокружениями, сильной тахикардией и “по изложенному увечью, не уступающему лечению”, “признан подлежащим увольнению вовсе со службы как совершенно к ней неспособный. Носить оружие не может. Зачислению в ополчение второго разряда не подлежит. Следовать пешком может. В сопровождающем не нуждается». Трудно сказать, действительно ли Швейк тогда так сильно болел (похоже, что он лежал даже в госпитале) или же, стремясь скорее вернуться на родину, нашел способ преувеличить тяжесть своего

состояния. Во всяком случае остается фактом, что потом он прожил еще без малого полсотни лет и скончался, когда ему шел восьмой десяток.

Nález vojenské lékařské komise 1. divise č. 538.

konané dne 19. 11. 1917 při štábu 1. divise v *Práche*
 která nalezla, že: hodnost *čest. jinglo, jingpo otcovo, příjmení, os. úřad*
 narozený dne *22. 11. 1892* *Dubý* okres *Blatná* samé *česky*
 strádá:
 Diagnosa: *Nervosní onemocnění*
 Příznaky subjektivní: *Příznaky nerv. onemocnění*

Příznaky objektivní: *Trémor, demagogické projevy*
 Komise rozhodla, že *Švejk Alexander* na základě „Seznamu nemocí“ punkt *11. 16*
 schváleného výnosem Vojenské správy M. V. ze dne _____ čísla _____ jest schopen služby řádové _____
 jest schopen služby neřádové v polí _____ vůbec dočasně (na jakou dobu) _____
 jest schopen služby neřádové pouze v tís _____ vůbec dočasně (na jakou dobu) _____
 jest neschopen služby vojenské vůbec *na 1/2 rok*
 jest neschopen i jakékoliv služby občanské _____
 zda má býti evakuován do vlasti *ano*
 léčen _____
 pozorován _____ v nemocnici, které? _____

Vada _____ není v příslušné souvislosti s vykonáváním vojenské služby v československé armádě. Uděluje se dovolená na dobu _____ v pluku _____
 Potřebuje průvodce _____ v „Domě rekonvalescentů“ _____

Členové komise: _____
 Předseda komise: *Dr. Střížek*
 Zdr. l. _____

Медицинское заключение о непригодности Швейка к военной службе
 (на чешском языке)

Больше всего поражало, что основные биографические сведения, зафиксированные в архивных документах, полностью совпадали с тем, что были известны из очерка Веселого. В нем, например, сообщалось, что Швейк умер в возрасте 73-х лет в мае 1965 года. В документах несколько раз приводится дата рождения Швейка – 22 ноября 1892 года. Следовательно, в 1965 году ему шел как раз 73-й год. Автор статьи утверждал, что перед Первой мировой войной Швейк проживал в Праге на улице Боиште. В

анкете из архива указан точно тот же адрес: на вопрос «Место последнего пребывания на родине (родители, родственники)» дан ответ: «Прага, 11, Боиште, 463, Катержина Швейкова». Имя Катержины Швейковой – еще одно совпадение. В статье Веселого упомянуто, причем несколько раз, что мать Швейка звали Катержиной. Помещена даже ее фотография, на которой она снята с внучками Мартой и Индрой (дочери Йозефа Швейка). С другой стороны, в анкете не упомянут отец Швейка. В ответе на вопрос о совместно проживающих родителях и родственниках названа только мать. И это опять-таки хорошо согласуется со статьей. В ней сказано, что отец Швейка умер от гриппа в возрасте шестидесяти шести лет в январе 1914 года, т. е. за полгода до начала Первой мировой войны и мобилизации сына. Вместе с тем, оба источника одинаково указывают имя отца. Я. Веселый специально подчеркивает, что у Швейка-отца было то же имя, что и у сына, – Йозеф. В анкете Швейка-младшего тоже значится: «отчество – Йозеф».

Совпадения прослеживались и дальше. В статье говорилось, что Швейк попал в русский плен и прибыл в лагерь военнопленных в Дарнице под Киевом за четыре месяца до Гашека. Гашек сдался в плен 24 сентября 1915 года. Следовательно, у Швейка соответствующее событие должно было приходиться на май месяц. В графе анкеты с вопросом: «Где и когда взят в плен», записано: «14.V.15. Сенява». Разница с Гашеком четыре месяца десять дней. Я. Веселый упоминал, что Гашек и Швейк в одном и том же, 1916-м году, стали воинами «заграничного чехословацкого войска». Архив подтверждал это. Наконец, статья Веселого показывала (да автор и подчеркивал это), что в отличие от Гашека Швейк не был в Красной Армии, а все время служил в чехословацком корпусе. Это же следовало и из архивных материалов.

Все эти совпадения, конечно, не могли носить случайного характера. Они не оставляли сомнений в том, что в обоих случаях речь идет об одном и том же человеке. При этом в статье Веселого не было ни малейших признаков его знакомства с архивом и обращения к нему. Все говорило о том, что два эти источника совершенно независимы друг от друга. Веселый всецело исходил из воспоминаний самого Швейка, записанных им с его слов (некоторые куски приводятся даже как цитаты и взяты в кавычки), из рассказов его близких, а также из материалов, хранившихся в семье Швейков. В статье упоминаются, например, семейный альбом (из него, скорее всего, заимствованы фотографии),

какие-то «памятные записки» отца Швейка. Вообще, совпадая в основных моментах, оба источника не покрывали, а дополняли друг друга. У Веселого содержался целый ряд сведений, которые отсутствуют в архивном деле Швейка, и наоборот. В архивной папке нет не только ни одной фотографии, но, например, и даты смерти Швейка, которую приводит Я. Веселый, указывая даже день и место панихиды (22 мая 1965 года, малый зал Страшницкого крематория в Праге). С другой стороны, в статье Веселого не сказано, в каких воинских частях служил Швейк, но эти сведения можно почерпнуть из архива. В архивных документах несколько раз встречается второе имя Швейка – Александр и объясняется, что он получил его в России, приняв православное вероисповедание. У Веселого на этот счет нет вообще никакой информации. В его статье отсутствуют сведения о пребывании Швейка во время плена в Ташкенте. Ничего не говорится о болезни Швейка, о времени и маршруте его возвращения на родину. Но обо всем этом мы узнаем из архива.

Архив позволял узнать даже адреса Швейка, по которым он проживал в разное время. Упоминалась, например, Липовая улица, д. 20. В другом случае на обороте карты-анкеты кто-то поместил: «Прага XII, Перунова 12 (1940)».

Сложнее обстояло дело с вопросом о роде занятий Швейка. Ярослав Веселый ничего конкретного об этом не сообщал. Запись в анкете звучит однозначно – пекарь. Но у Гашека ни малейшего намека на подобную специальность Швейка нигде нет. Может быть «пекарь» – это и есть обозначение той «кулинарной профессии», которую Швейк приписал себе и дополнительно освоил в России? Гашек, возможно, потому не упоминает о ней, что ни в повести, ни в романе до этого этапа в жизни Швейка попросту не дошел. С другой стороны, автор, конечно, волен наделить своего героя любой профессией. И то, что в рассказах Гашека Швейк назван столяром, а в повести сапожником, само по себе еще ни о чем не говорит. Однако похоже было, что по крайней мере к сапожному ремеслу Швейк действительно имел отношение. Во-первых, эта специальность упоминается не в одном, а в нескольких источниках. Во-вторых, Аугустин Кнесл нашел в городском пражском архиве запись, что после войны Швейк открыл педикюрный кабинет на Липовой улице в Праге 2¹⁴ (адрес Швейка по Липовой ул., д. 20, указан и в приписке в одной из анкет его личного дела, заполненной, видимо, после войны). Если подумать, педикюр и торговля обувью не так

уж несовместимы. При обувной лавке у предприимчивого хозяина вполне мог появиться и педикюрный салон. В целом разноречивые сведения и мнения о профессии Швейка отчасти примиряло утверждение Веселого о том, что Швейк был мастер на все руки и владел целой «дюжиной ремесел», т. е. специальностей.

Была ли среди них торговля собаками, которая сделана в романе Гашека основным занятием Швейка «на гражданке»? Скорее всего, нет. Не только в рассказах 1911 года, но и в повести «Бравый солдат Швейк в плену» (1917), где впервые появляется эпизод с краденой собакой, ни об этом занятии Швейка, ни о его познаниях в «кинологии» нет ни малейших упоминаний. Все это появилось только в романе, как бы в дополнение к прежнему образу. Правда, фамилия некоего Швейка, разводившего собак или торговавшего ими, попадает и в некоторых воспоминаниях пражских авторов – в беллетризованной книге К. М. Куклы «По ночной Праге»¹⁵, в мемуарных заметках шурина Гашека Йозефа Майера¹⁶, в газетной статье Максимилиана Гупперта (о ней речь впереди) и т. д. Однако доверие к этим воспоминаниям резко снижается тем обстоятельством, что написаны все они не раньше конца 20-х годов и могут содержать вольные или невольные заимствования из самого романа, который к тому времени у всех уже был на устах.

Особую ценность представляло упоминание в картах-анкетах Швейка номера полка, в котором он служил в австро-венгерской армии. Оно давало возможность составить представление о той среде, в которой прототип будущего героя Гашека начинал свой путь по дорогам мировой войны. Тридцать шестой (Младоболеславский) полк слыл одним из самых непослушных в империи Габсбургов. Чешские части австрийской армии вообще не отличались благонадежностью. Но 36-й полк выделялся даже на этом фоне. Он почти не уступал пальму первенства двадцать восьмому пехотному полку, который увенчал свою историю тем, что в апреле 1915 года перешел на сторону русских в полном составе, со всей амуницией и оркестром. Отзвуки этого события есть и в романе Гашека, где упоминается, что 3 апреля 1915 года на Дукельском перевале батальоны 28 полка под звуки полкового оркестра перешли на сторону русских. Командование долго не решалось потом обнародовать в войсках скорбный указ императора по этому поводу, над чем и потешался главный герой романа Гашека (6, 230–231). Что касается тридцать шестого полка, то уже в начале войны, перед отправкой на место дис-

локации, целые его батальоны распевали песню «Гей, славяне!», да еще вставляли в нее новые слова: «Русский с нами, а кто против, тех сметет француз». Если учесть, что Австро-Венгрия воевала против славян – сербов, русских, украинцев, как и против французов, станет очевидной вся степень дерзости такого поведения. Не прошло и трех месяцев с начала войны, как на русском фронте почти без сопротивления сдались в плен шесть рот этого полка¹⁷. Но верхом всего стали майские события 1915 года. По официальному донесению командования 26–27 мая в боях под Сенявой полк потерял 10 человек убитыми, 69 ранеными и 1495 пропавшими без вести¹⁸! Императору ничего не оставалось после этого, как объявить полк расформированным. Однако Швейка среди пропавших не было. Он перебежал к русским еще за двенадцать дней до этого.

Швейк в Праге и в России. В архивном деле Швейка не нашлось прямых свидетельств о знакомстве Гашека со Швейком. Удалось установить лишь тождество Швейка, о котором пишет Веселый и который, по его словам, был знаком с Гашеком, и солдата с личным номером 20899, служившего в чехословацком корпусе в России. Конечно, подтверждение значительной части информации Веселого дублирующими сведениями, имеющими к тому же строго документальный характер, серьезно повышало вероятность достоверности и остальных фактов, сообщенных им. Кроме того оказалось, что из сопоставления статьи и архивных материалов можно извлечь веские косвенные доводы в пользу знакомства Гашека со Швейком.

Если реальный Швейк проживал на улице Боиште в Праге, неподалеку от трактира «У чаши», трудно признать случайностью, что и Гашек связал своего одноименного героя именно с этими местами. К тому же и сам Гашек, как мы помним, жил одно время в детстве вместе с родителями совсем рядом со Швейком-отцом (младшего Швейка тогда еще не было на свете). В 1887–1889 годах Гашеки снимали квартиру в доме 1459 на углу улиц Боиште и Сокольской, а год спустя – в соседнем доме по Сокольской улице¹⁹ (да и позднее проживали неподалеку – например, на Пухмайеровой, Липовой, Штепанской улицах). Семья Швейков жила в доме № 463, отстоящем от угла улицы всего на каких-нибудь двести метров*.

* Русскому читателю покажется странным, как могут оказаться поблизости друг от друга дома с такой большой разницей в порядковых числах, не говоря уже о том, что вы-

Жилища Гашеков и Швейков разделяли всего семь довольно узких домов, к тому же стоящих вплотную друг к другу (так что их лицевая сторона образует нечто вроде сплошного общего фасада). В детстве Гашека каждый день можно было видеть бегающим по этой, довольно тихой тогда (да и до сих пор) и короткой улице. Отец Швейка действительно мог знать его и вспомнить потом при случайной встрече в трактире, о которой пишет Веселый. Больше того, Р. Пытлик сообщил (к сожалению без ссылки на источник), будто, по некоторым слухам, отец Швейка жил в 1888–1889 годах даже в том же самом угловом доме, что и Гашеки, и только потом переселился еще ближе к трактиру «У чаши», поступив туда дворником.

Пražский адрес Швейка оказался чрезвычайно интересным и в другом отношении. Дом 463, где жил Швейк к началу войны, вплотную примыкает к дому, в котором помещается трактир «У чаши». По почтовой нумерации сейчас это дома 10 и 12. Остановившись перед трактиром «У чаши», вы одновременно будете видеть справа от него и соседний пятиэтажный дом, имеющий по фасаду три окна и украшенный на уровне 3-го и 4-го этажей эркером (на карнизе которого видна трафаретная лепнина, изображающая двух медведей, бредущих навстречу друг другу). Вот почему в очерке Веселого Швейк-отец, приглашая Гашека из трактира к себе домой, говорит ему «Это рядом». Куда же, как не в трактир «У чаши», было и ходить Швейку, если этот трактир помещался в соседнем подъезде, до которого было немногим более трех десятков шагов? Гашеку ничего не нужно было тут придумывать.

зовут удивление и сами эти числа. Если бы на московской улице встретился дом с номером 1459, то это означало бы, что улица насчитывает около полутора тысяч домов. Но объясняется все очень просто. До XVIII века в городах империи Габсбургов вообще не существовало нумерации жилищ (как не существовало ее некогда и в России). В чешских городах дома имели своего рода названия: «На перекрестке», «У колодца», «У трех дубов» и т. д. (сходного происхождения и название трактира «У чаши». Так был назван этот дом потому, что при рытье котлована под него в земле была найдена чаша²⁰). В царствование императрицы Марии Терезии впервые была введена нумерация домов, причем единая для каждого населенного пункта. Но номера присваивались не в последовательности расположения зданий, а по мере их регистрации владельцами. Соседними могли оказаться совершенно далекие числа. На улице Боиште, например, за домом 1459 сразу следует дом 1469. Далее мы видим номера 1732, 1733 и вдруг врывается дом 463 и т. д. Правда, позднее была введена так называемая почтовая нумерация – отдельный счет домов для каждой улицы в последовательности расположения зданий (с четным и нечетным исчислением на противоположных сторонах улицы). Но до сих пор на многих пражских зданиях можно видеть две квадратные таблички – темнокрасную с городским номером и синюю с почтовым.

Больше того, оказывается, и в романе названы те же места проживания Швейка, что и в архивных документах. Когда подпоручик в военной комендатуре на железнодорожной станции Табор обзывает Швейка дегенератом и спрашивает, знает ли он, что такое дегенерат, Швейк отвечает: «У нас на углу Боиште и Катержинской улицы, осмелюсь доложить, тоже жил один дегенерат. Отец его был польский граф, а мать повивальная бабка» (6, 24) *. В романе даже сказано, что и с Водичкой Швейк познакомился на улице Боиште; по поводу нечаянной встречи Швейка и Водички в армии говорится: «Несколько лет тому назад Водичка жил в Праге, на Боиште, и по случаю такой встречи не оставалось ничего иного, как зайти в трактир» (6, 144). Недаром, видно, Швейк и Водичка и свидание «в шесть часов вечера после войны» тоже назначают в трактире «У чаши».

Правда, в повести «Бравый солдат Швейк в плену» (1917) автор несколько раз назвал своего героя Швейком «с Краловских Виноград» (XIII–XIV, 5, 73). Улица «Боиште», строго говоря, относится к району Праги, который называется «Нове Место», но она находится на пограничье с Виноградями. (Иногда происходила путаница даже в официальных обозначениях, следы которой можно видеть и до наших дней. Так, если все дома на улице Боиште имеют номерные таблички с обозначением «Нове Место. Прага 2», то на доме 616 и сейчас висит табличка с надписью «616. Винограды. Прага 2»^{***}.)

Итак, совпали не только имя и фамилия героя Гашека с именем и фамилией реального Швейка, но и их местожительство: Прага, Боиште. Комментарии, по-видимому, излишни. Информация Веселого о знакомстве Гашека и Швейка получила более чем надежное подтверждение.

Данные архивов о маршруте передвижений Швейка в России, сначала в составе военнопленных, а затем чехословацких добровольческих частей, подтверждали и возможность его встреч с Гашеком в России, о которых говорится в статье Веселого, – в Дарнице, у Зборова и (якобы при столь необычных обстоятельствах) в Самаре. Оказалось очень вероятным и не упомянутое Веселым общение Гашека со Швейком в добровольческих час-

* Улица Катержинска сходится под углом с улицей Боиште напротив дома 1459, где в детстве жил одно время Гашек. Сейчас, правда, новая застройка по улице Боиште несколько изменила вид перекрестка.

*** В 1911 году этот дом имел номер 1516. см.: Kralovské hlavní mesto. Ukazatel domů v Praze. Praha 1911.

тях на Украине летом и зимой 1916–1917 годов. В послужном списке Швейка указано, что он вступил в чехословацкие добровольческие части 24 июня 1916 года и был зачислен в нестроевой состав запасной роты первого полка. Спустя всего пять дней там же в Киеве проходил медицинскую комиссию и был зачислен в ту же роту и тоже (к его великому неудовольствию) в нестроевой состав Ярослав Гашек. «Все добровольцы в количестве 81 человека были 29 июня 1916 года определены в запасную роту, однако Гашек – в ее нестроевую часть»²¹, – сообщает автор книги «Ярослав Гашек в революционной России» Я. Кржижек, основываясь на документах. Правда, в отличие от большинства добровольцев этой роты, оставленных на какое-то время в Киеве для прохождения военной подготовки, Гашек был направлен писарем в Штаб первого полка, располагавшийся в местечке Бережно (севернее станции Сарны). Но встречи его со Швейком могли происходить и позднее. Напомним, что с 30 сентября 1916 года до апреля 1917 года Швейк служил в строевых подразделениях своего полка. В том же полку этой осенью и зимой большую часть времени находился и Ярослав Гашек (хотя и с периодическими выездами в Киев – в редакцию журнала «Чехослован»): «Период с сентября 1916 года по февраль 1917 года Гашек по большей части проводил на фронте в 1-м полку, подразделения которого воевали в Пинских болотах в Белоруссии, в районе реки Стоход. О его пребывании там свидетельствует уже тот факт, что подавляющую часть его статей этого периода составляют корреспонденции с фронта.»²² – сообщает Я. Кржижек. То же самое мы читаем и в книге Пытлика: «Большую часть времени он находился среди состава 1 полка, размещенного недалеко от станции Сарны»²³. Вероятность встреч Гашека и Швейка, оказавшихся однополчанами, по-видимому, достаточно велика. И кто знает, случайно ли именно в это время писатель возвратился к образу Швейка и стал работать над повестью «Бравый солдат Швейк в плену». Не напомнили ли о Швейке новые встречи с ним? В середине февраля 1917 года автор читал рукопись повести в редакции «Чехослована» в Киеве. Любопытно, что и начал он повесть с обращения к Швейку, оказавшемуся в России: «До чего же ты дошел, мой brave солдат Швейк! В “Народной политике” и других официальных газетах твое имя появилось в соседстве с параграфами уголовного кодекса. Все, кто знал тебя, с удивлением прочитали: “В соответствии с §§ 183–194, статьей 1334, пункт “с”, и § 327 Во-

енного уголовного кодекса Императорский королевский уголовный земский суд в Праге, отделение IV, постановил конфисковать имущество Йозефа Швейка, сапожника, последнее место проживания на Краловских Виноградах, за преступление в виде перехода на сторону врага, государственной измены и подрыва военной мощи государства» (XIII–XIV, 5).

Не лишено интереса, что формулировки состава преступлений даются Гашеком в точном соответствии с тем, как они зафиксированы в Военном уголовном кодексе Австрийской империи. Точно указаны и сами параграфы. Так, параграфы 183–194 этого кодекса касаются дезертирства, параграф 327 – сговора с военным противником. При сличении не удалось найти в кодексе только статью 1334. Учитывая, что в кодексе вообще нет четырехзначной нумерации, можно предположить в данном случае ошибку памяти, опisku или типографскую опечатку. Скорее всего имелся в виду § 334, касающийся государственной измены, и соответственно пункт «с» этого параграфа.

Интересны сами тексты параграфов. Например, параграф 183 гласит: «Тот, кто в нарушение воинской присяги полк, корпус или служебное подразделение, к которому он принадлежит, или определенное ему место пребывания самовольно и с намерением навсегда уклониться от воинской службы покинет или с такими же намерениями прочь удалится, виновен в дезертирстве»²⁴. В свою очередь, параграф 191 предписывал: «Дезертир, который принимает у противника военную службу или с таким намерением дезертирует, будучи задержан перед его переходом к противнику или доставлен позднее, приговаривается к смерти через повешение»²⁵. Оба параграфа полностью относились и к самому Гашеку и к Швейку: тот и другой «приняли военную службу» у противника. Гашек, по-видимому, наизусть знал эти параграфы Военного уголовного кодекса Австрийской империи, касавшиеся его лично и не сулившие ему ничего хорошего. Может быть, как раз зловецкий смысл параграфов и удерживал его от того, чтобы в повести назвать более точный пражский адрес Швейка, и побуждал говорить просто о Швейке с Краловских Виноград. (Во время войны австро-венгерские органы безопасности следили даже за «изменниками», действовавшими по ту сторону фронта. На Гашека за его антигабсбургские фельетоны в киевском журнале «Чехослован» завели даже в Вене целое дело.) А вот в романе, созданном уже после войны, Гашек, говоря о Швейке, упоминает, хотя и вскользь, и непосредственно улицу Боиште.

Теперь о самарском эпизоде, когда Швейк, по его словам, был послан в составе вооруженного патруля арестовывать Гашека. Установленный по архивам маршрут передвижений Швейка в России отнюдь не исключал и этой встречи. Через Самару как раз и двигались все чехословацкие воинские части, перемещавшиеся с Украины в Сибирь. Однако Швейк, судя по статье Веселого, не только побывал в Самаре проездом, но и находился там во время боев за этот город. Одна из фотографий, помещенных в статье Веселого, так и подписана: «Й. Швейк в России в 1918 году в период боев за Самару». Трудно гадать, сделана эта надпись просто со слов Швейка или на карточке имелось клеймо фирмы с названием города или же существовала рукописная пометка на обороте фотографии, оставленная ее владельцем. Так или иначе, надпись звучит вполне уверенно. Не должно, по-видимому, смущать и то обстоятельство, что Швейк снят на этой фотографии в зимнем головном уборе – скорее это может свидетельствовать о длительности его пребывания в районе Самары, которая была взята чехословацкими частями 8 июня и оставлена 7 октября. Примерно в тех же временных границах существовала, как уже было сказано, и самарская разведка, в которой он служил.

Конечно, проверить в полном объеме рассказ Швейка об эпизоде с попыткой ареста Гашека в настоящее время вряд ли возможно (если, впрочем, не будет новых архивных находок). Однако образцовая картотека легионеров позволяла по крайней мере установить, находились ли тогда под Самарой упомянутые лица. Самару брал у красных 4-й полк при участии отдельных подразделений 1-го полка²⁶. Арестовывать Гашека, по словам Швейка, были посланы «члены разведки первого батальона» Балцар, Троян, Худоба и сам Швейк. Балцар был назначен начальником патруля. Сплошной просмотр карт-анкет на эти фамилии по всем полкам показал, что в 4-м полку действительно служили один Балцар, один Худоба и даже два Трояна. Но один из них (Рудольф) погиб еще в мае 1918 года, т. е. до взятия Самары. Второго постигла та же участь несколько месяцев спустя. В августе 1918 года он не вернулся из разведки близ деревни с красивым названием Таволжанка, напоминающим о лете и о зарослях таволги с ее пахучими белыми цветами-метелками. Но во взятии Самары (июнь) он участвовал. Таким образом, братья Гашека «живым или мертвым» могли быть отряжены, кроме Швейка, Вацлав Балцар (1892 г. рождения, из Ртыне под Трутновом), Йозеф Троян (1894 г. рождения,

из Высокой над Лабем) и Ярослав Худоба (1887 г. рождения, из Храста под Кутной Горой). Достаточно правдоподобно, что именно Балцар был назначен начальником патруля – он самый интеллигентный из всей четверки, по профессии художник, кроме того был контролером пограничной финансово-таможенной службы (Троян – рабочий, Худоба из крестьян). Может быть, и вправду Швейк ходил арестовывать Гашека и спас ему жизнь? Если это так, то он спас ему и бессмертие. Ведь роман еще не был написан, и одна единственная пуля могла сразить сразу всех его героев.

Неувязки с годом рождения. Итак, статья Веселого в целом оказалась достоверной. Однако возникали и вопросы. Автор словно что-то недоговаривал о действительной службе Швейка в 1911 году. Одна из фотографий в его статье сопровождается надписью: «Йозеф Швейк в начале 1911 года перед уходом на действительную службу, от которой спустя два месяца он собственными стараниями (букв.: собственными заслугами. – С. Н.) сумел избавиться». Однако в самом тексте статьи автор полностью обходит этот вопрос и о военной службе Швейка в 1911 году вообще молчит, хотя, казалось бы, она имеет самое прямое отношение к возникновению образа Швейка. Подробно рассказано о том, как Гашек встретился со Швейком-отцом, а потом познакомился и с сыном, как ночевал у него и прямо у него на квартире сочинил рассказ, как перед этим он наслушался в трактире «У чаши» разговоров искушенных вояк, хваставшихся своим искусством саботажа, но о военной службе Швейка и избавлении от нее – ни звука. Ко всему прочему, несколько позднее выяснилось, что в Австрийской империи призывным возрастом считался 21 год. Швейку же в 1911 году было всего девятнадцать лет. Получалось, что его тогда и не могли призвать. К тому же и в «Демобилизационном листке» Швейка, хранящемся в архиве и заполненном в 1921 году, в графе с вопросом «Когда призван (когда признан годным призывной комиссией)» указан 1913 год. И тем не менее под фотографией черным по белому написано: «Швейк в начале 1911 года перед уходом на действительную службу». Да и в повести Гашека «Бравый солдат Швейк в плену» упомянуто, что «война застала Швейка в постели (у него был ревматизм. – С. Н.) после четырех лет штатской жизни» (VIII, 9). Иными словами за четыре года до этого, т. е. в 1911 году, он был на военной службе. Конечно, повесть не документ, но все же... Гашек многое знал о Швейке.

И тут невольно пришлось вспомнить об одной мелочи в статье Веселого, мелочи, которая до этого казалась сущим пустяком. Веселый дважды упоминал о возрасте Швейка. В конце статьи можно было прочесть: «Йозеф Швейк умер 22 мая 1965 года в возрасте 73-х лет». Однако в начале статьи сказано другое: «Йозеф Швейк умер в мае 1965 года в возрасте 75 лет». Эта фраза в свете всего известного по архивному делу воспринималась вначале просто как опечатка или описка. Но теперь закрадывалось сомнение – а описка ли? Аугустин Кнеспл на основании «метрических записей» (судя по всему, он смотрел метрические книги) также назвал годом рождения Швейка 1890-й год²⁷. И это тоже казалось опиской, но теперь тоже настораживало. Может быть, Швейк, будучи призван на действительную службу, сумел затем каким-то образом занизить на два года свой возраст и получить освобождение? (И с тех пор в его личном воинском деле в качестве года рождения все время проходил уже 1892 год, хотя в метрических книгах оставался 1890-й?) Веселый, видимо, был посвящен в какую-то тайну, но не хотел ее выдать и лишь намекнул на нее противоречивыми сведениями и умолчаниями в своей статье. И хотя такое предположение остается всего лишь предположением (его надо бы еще раз проверить по метрическим записям в книгах регистраций), оно хорошо согласуется и с инфантильным образом Швейка в начальном рассказе гашековского цикла, где впервые появляется этот герой. Но об этом чуть позже.

Другая неувязка касалась самой истории возникновения первого рассказа о Швейке. Версия Веселого противоречила воспоминаниям вдовы писателя Ярмилы. Та утверждала, что созданию этого рассказа предшествовала запись темы, сделанная Гашеком однажды вечером. Придя как-то домой, он перед сном набросал на клочке бумаги несколько слов. Запись эта сохранилась до наших дней. Она гласит: «Идиот на действительной. Сам попросил, чтобы его освидетельствовали и признали, что он годен быть достойным солдатом...»²⁸. Между тем, Веселый утверждал, опираясь на воспоминания Швейка, что начальный рассказ цикла был сочинен при первой встрече Гашека со Швейком на квартире у него. Казалось бы, после этого уже не было нужды записывать замысел... Однако это воспоминание Майеровой безупречно в смысле точности. Запись на обрывке бумаги и появление первого рассказа о Швейке она даже относила к осени 1911 года, и только публикатор ее записок Здена Анчик, а также сын Ярмилы Рихард Гашек, пересказавший ее воспоминания, уточнили, что

речь должна идти о мае 1911 года²⁹. Но и майская дата не очень подходит. Ничего общего с записью на клочке бумаги в первом рассказе Гашека, опубликованном в мае 1911 года, нет. Сама тема медицинского освидетельствования появляется только в конце второго рассказа, написанного месяц спустя, а по-настоящему она зазвучала лишь в третьей новелле, где несколько иным стал и сам образ Швейка. Правда, уже и в первом рассказе присутствует тема «идиот на действительной» и Швейк выводит из терпения начальство: то он потерял штык, то нечаянно чуть не застрелил на полигоне полковника и т. п. Но все же пока это еще улыбочиво-меланхолический солдат, насильно взятый в армию и совершенно не приспособленный к военной службе (или притворяющийся таким). С простодушием инфантильного недоросля или слабоумного он тихо заявляет: «Я ведь не собирался идти в армию и даже не знаю, что такое солдат» (2, 345). В остальных трех рассказах, наоборот, это скорее холерический тип, наделенный неумной энергией и подвижностью. С одержимостью дурня и шута он рвется служить «государю императору до последнего вздоха». И во что бы то ни стало стремится остаться в армии. Для этого он и просит признать его «годным».

Гашек, видимо, не сразу нашел оптимальный рисунок образа и обогащал его от рассказа к рассказу, открывая новые и новые возможности. Если это так, то мысль, записанная на клочке бумаги, могла родиться не в момент возникновения замысла, а в процессе его развития. Гашек мог взять на заметку пришедший ему в голову новый поворот темы, который и был затем реализован, хотя и в несколько ином виде (возможно, с учетом вероятных цензурных трудностей). В прямом и точном согласии с записью замысла образ был воплощен только в повести «Бравый солдат Швейк в плену», написанной Гашеком через несколько лет в России. В этом, уже бесцензурном, издании откровенно раскрыт и сам замысел: «Его преданность государю-императору была расценена как тяжкий психический недуг», «Здравомыслящим не дано было понять, почему они должны были жертвовать своей жизнью во имя империи», «не могло начальство взять в толк, как можно быть в здравом уме и желать такого во имя императора» (XIII–XIV, 6, 29, 6).

Таким образом, если сдвинуть дату записи темы, все встает на свои места, и расхождение между сведениями Веселого и Ярмилы устраняется. Устраняется и другое противоречие. Швейк утверждал, что первый рассказ цикла был и записан его рукой

под диктовку Гашека. Но то же самое говорила о себе и Ярмила³⁰. Если следовать предположению, что Ярмиле изменила память и на самом деле речь должна идти не о первом, а о последующих рассказах, то опять-таки все получает объяснение. К сожалению, не сохранились рукописи рассказов Гашека о Швейке. Это не позволяет проверить оба утверждения по почерку. Конечно, неточности в воспоминаниях довольно обычная вещь. И та или иная ошибка памяти, будь то у Ярмилы или у Веселого, еще не означает, что недостоверно и все остальное.

Однако, если даже версия Я. Веселого верна не только в общих чертах, но и в деталях и подробностях, было бы наивно думать, будто Швейк в рассказах Гашека, не говоря уже о повести и романе, просто и есть зарисовка реального Швейка. Предпосылки возникновения этого образа существовали в творчестве Гашека уже давно – существовали в виде особого интереса писателя к стихии пародии, розыгрыша, мистификации, шутовства (рассказы о Швейке не случайно и родились в атмосфере буффонной комической мистификации, – создания партии умеренного прогресса в рамках закона). Существовали предвестники Швейка и в виде образов плутоватых плебеев, находящих новые и новые способы дурачить и обманывать господ и их прихвостней и ставить власти в смешное положение. Правда, пока что Гашек ни разу не связывал образы таких героев с антивоенной темой, не изображал их в обстановке австрийской армии.

С другой стороны, и позже, уже после появления рассказов о Швейке его образ развивался, видоизменялся, обогащался, в том числе за счет новых впечатлений, накопившихся у автора.

Денщик поручика Лукаша. По единодушному мнению исследователей³¹, в творческой истории образа Швейка несомненно сыграло роль и знакомство Гашека с денщиком поручика Лукаша Франтишком Страшлипкой (1890–1949), с которым Гашека свела судьба во время мировой войны. Они служили в одном, девяносто первом полку. Вместе со Страшлипкой Гашек и сдался в плен на русском фронте 24 сентября 1915 года, близ селения Хорупаны – в полуторастах километрах к северо-востоку от Львова, в районе Луцка и Дубно. При этом Страшлипка прихватил с собой и чемодан с провиантом поручика Лукаша. Может быть, как раз этот эпизод и подсказал Гашеку строки в его романе: «Если случалось, что офицер, чтобы не попасть в плен, спасался бегством, а денщик попадал в плен, то последний никогда не забывал захватить с собой и офицерские ве-

щи, которые отныне становились его собственностью и которые он берег как зеницу ока» (6, 389).

Лукаш, избежавший плена, написал вскоре родственникам Страшлипки, жившим в Гостивицах под Прагой, письмо, в котором сообщал об исчезновении денщика, вещей и провизии. Родственники Страшлипки оказались настолько совестливыми, что сочли себя обязанными возместить ущерб, причиненный пану лейтенанту, и стали носить родителям Лукаша в Прагу молоко, которое в голодное военное время ценилось на вес золота³².

Дальнейшая судьба Страшлипки сложилась иначе, чем у Гашека, и пути их разошлись. Страшлипка не служил подобно Гашеку в чехословацких добровольческих частях. Из лагерей военнопленных он попал на работы в деревню, состоял машинистом при молотилке, косил сено, заготавливал дрова. В апреле 1918 года он оказался среди тех австрийских солдат, которых обменяли на русских пленных (к лету 1918 г. в Австро-Венгрии насчитывалось свыше полумиллиона бывших военнопленных, вернувшихся домой в соответствии с условиями Брестского мира). Однако насладиться домашним уютом ему не пришлось: его вновь мобилизовали и отправили на фронт — теперь уже итальянский, где военные действия продолжались и после того, как Россия вышла из войны и заключила мир. Некоторое время он продержался истопником на «вшебойке», как называли тогда санитарные пункты, но затем после случайной ссоры с неким кадетом, которому он дал оплеуху, дезертировал и с немалыми приключениями, когда нужно было проявлять смекалку и изворотливость, добрался до Праги (раз он, например, прятался в уборной на станции, пока поезд не ушел, а затем сказал, что отстал от поезда и т. д.). Дома вместе с братом Яном они обзавелись фальшивыми документами и приняли поистине швейковское решение — пробираться на русскую границу, чтобы снова вернуться в плен. Им удалось благополучно достичь района Львова; там их задержали, но они сумели бежать, устроив пролом в помещении, куда их посадили. В конце концов братья действительно очутились где-то в пограничье и нанялись батрачить у местных крестьян (Франтишек Страшлипка помогал по хозяйству некоей вдове, у которой была куча ребятишек). Так они дождались окончания войны. Только в ноябре 1918 года, после того, как Австро-Венгрия распалась и возникло самостоятельное чехословацкое государство, они возвратились домой. Позднее бывший однополчанин Гашека работал каменщиком (отец его тоже был рабочим

в каменоломне), кочегаром паровоза, одно время содержал маленький трактир, но прогорел. В Гостивицах его до сих пор вспоминают добрым словом как одного из организаторов строительства Дома рабочих, открытого в 1927 году.

Все приведенные сведения почерпнуты от ближайших родственников Страшлипки и друзей его семьи, прежде всего от его сестры Барбары, которая в шутку называла себя «сестрой Швейка». Их рассказы были записаны Зденеком Матоушеком в июне 1966 года.

Родственники Страшлипки уверяли, что после Первой мировой войны он встречался в Праге с Лукашем, а в Кралупах под Прагой со старшим писарем Ванеком, который вернулся к своей прежней работе аптекаря. Встречался якобы и с Гашеком. Но насколько последнее достоверно, судить трудно.

Внешне Страшлипка отличался от того облика Швейка, к какому мы привыкли по роману Гашека и иллюстрациям Йозефа Лады. Он был высокого роста. У него отнюдь не лунообразная физиономия, но те же невинные синие глаза. Он не лишен был чувства юмора и замашек комика (после войны он даже играл в любительских спектаклях, в одном из представлений исполнял, например, роль немого кузнеца). Бросается в глаза проворство, с каким он умел выходить из трудных положений. Иными словами, кое в чем он был похож на Швейка. Сильным доводом в пользу того, что Гашек взял что-то от Страшлипки для образа своего главного героя, может служить то обстоятельство, что Страшлипка не фигурирует в романе, хотя изображено (по большей части с сохранением подлинных имен) все окружение Лукаша, включая не только офицеров, но и денщиков, и писаря, и телеграфиста, и повара и т. д. Создается впечатление, что какие-то черточки Страшлипки действительно вобрал в себя образ Швейка, благодаря чему и не было надобности изображать еще и самого Страшлипку (под его собственным или другим именем).

И все же образ Швейка не был слепком и с денщика Лукаша. Ведь Швейк и появился в творчестве Гашека еще задолго до его знакомства со Страшлипкой. Впечатления от Страшлипки могли лишь добавить какие-то мазки, пополнить и обогатить этот образ. Впрочем, есть одна особенность не только образа Швейка, но и романа в целом, которая почти наверняка восходит именно к Страшлипке. Речь идет о рассказах Швейка «к слову», которыми изобилует роман. Лукаш вспоминал, что

Страшлипка имел обыкновение по всякому поводу рассказывать анекдоты, которые обычно он начинал словами: «Знал я одного...». У Гашека есть даже фронтовое стихотворение, в котором он также упоминает об этих анекдотах:

*Но самый страшный бич резервной роты
Страшлипковы седые анекдоты*

(пер. О. Малевича)
(XIII–XIV, 138)

Как мы видим, побасенки Страшлипки не вызывали восторга у Гашека. По воспоминаниям современников, он вообще не любил анекдотов. Его интересовали прежде всего не «готовые» формы народной комики, бытующие в традиции и отлившиеся в клише, а само живое творчество, сама живая реакция на происходящее. В произведениях Гашека практически нет заимствований из расхожего фольклорного репертуара. Если он и использует «подслушанные» комические истории и остроты, то, как правило, свежие и незатертые, в которых бьется живая жилка творчества, которые представляют собой новые находки, а не повторение стереотипов. Но если ему и не нравились анекдоты Страшлипки, то сам тип солдата-балагура, который все время разглагольствует и комментирует происходящее рассказами о всевозможных историях, впоследствии очень пригодился ему. Очевидно, знакомство с таким типом не только помогло Гашеку найти один из принципов построения образа Швейка, но и подсказало одновременно способ введения в роман материала, не связанного с основным действием. Благодаря этому в роман хлынула целая полноводная река комики, неисчерпаемые запасы которой хранились в памяти Гашека. Характерно, что раньше этот способ не применялся Гашеком не только в его рассказах о Швейке, но и в повести «Бравый солдат Швейк в плену», несмотря на то, что она была написана им уже после знакомства со Страшлипкой. По-видимому, воспоминания о Страшлипке «сработали» позднее, когда Гашек взялся за роман. Не помогла ли тут и новая встреча со Страшлипкой, которая по утверждению родственников состоялась в Праге в январе или феврале 1921 года, т. е. как раз перед самым началом работы Гашека над «Похождениями бравого солдата Швейка»? (Конечно, и в данном случае речь идет об импульсе, а не о том, что Гашек рисовал с натуры.)

Роль Страшлипки в формировании образа Швейка лишний раз подтверждает синтетичность этого образа, а одновременно и правдоподобность того, что в нем могли сказаться импульсы, полученные и от общения с другими реальными людьми и прежде всего с Йозефом Швейком с улицы Боиште в Праге.

Еще один Швейк? Были закончены уже все поиски, связанные со статьей Веселого и документами Швейка в пражском архиве легионеров. Все вроде прояснилось. И вдруг на глаза попало упоминание еще об одной совершенно неизвестной статье о прототипе Швейка. Она практически выпала из поля зрения исследователей Гашека и не значилась даже в подробной библиографии, изданной в Праге в 1983 году к столетию со дня его рождения. К счастью, еще в 1930 году на нее обратил внимание и коротко пересказал ее в одном из наших журналов известный критик Михаил Скачков³⁴. Принадлежала статья, на которую ссылался Скачков, Максимилиану Гупперту и была напечатана в 1929 году в газете «Прагер Прессе», выходявшей в столице Чехословакии на немецком языке (у нас газета нашлась в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге. Она есть также во Львове).

Заглавие звучало многообещающе: «Исторически достоверно о Швейке. Человек, который знал braveго солдата Швейка»³⁵. Гупперт опирался на рассказ бывшего владельца трактира «У чаши» Фердинанда Юриса (реальное лицо)³⁶, который тихо доживал свой век в Праге, после того как прогорел и продал свое заведение некоему Грегору. Новый владелец приспособил помещение под склад муки для мацы, и трактир надолго прекратил свое существование.

В статье Гупперта, как и в очерке Я. Веселого, утверждалось, что существовал реальный Швейк, послуживший прототипом героя Гашека. Но увы, это не был уже знакомый нам Швейк. И звали его не Йозеф, а Франтишек. По рассказам Юриса это был сапожник-выпивоха, промышлявший также продажей краденых собак, но чаще всего проводивший время в трактире «У чаши», где он развлекал посетителей всевозможными рассказами, а также военными песнями, за что ему перепадало хмельное угощение и от слушателей и от хозяина пивной. Родился он будто бы 24 июля 1875 года и детство про-

* В романе Гашека немало не только образов персонажей, восходящих к подлинным лицам, но и мотивов, навеянных конкретными реалиями и фактами, хотя последние обычно и преобразованы (этого вопроса касается А. Мештиш в статье о реалиях и псевдореалиях в романе Гашека³⁸).

В некоторых источниках иначе воспроизводится имя Юриса.

вел в деревне близ Хрудима. Действительную службу проходил в 11-м пехотном полку в городе Писек. Во время мировой войны оказался в русском плену, а по возвращении был послан служить в 102-й полк в Южный Тироль, но затем каким-то образом снова отправился в Россию и оттуда будто бы уже не вернулся.

Что это – до неузнаваемости измененный и искаженный образ того самого Швейка, с которым беседовал Веселый, или кто-то другой? По мере размышлений над этим вопросом начало таять доверие к самой статье из «Прагер прессе». Во-первых, Юрис, а вслед за ним и Гупперт, без тени сомнения называли в качестве одного из своих главных источников сам роман Гашека и оперировали эпизодами из него как достоверными фактами. Во-вторых, смущал уже возраст Швейка. Получалось, что на войну он был мобилизован в 40 лет – с героем Гашека это как-то не вязалось (да и в рассказах, написанных за три года до войны, он был изображен новобранцем, то есть молодым). Постепенно стало вырисовываться, что Франтишек Швейк вообще слеплен в статье из разных лиц. Служба на итальянском фронте после возвращения из русского плена и попытка снова вернуться в Россию подозрительно напоминали факты из биографии Франтишека Страшлипки. Совпадало к тому же и имя (сведения о том, что Страшлипка был прототипом Швейка, уже просочились к концу 20-х годов в печать – газета «Ческе слово» поведала об этом еще в 1924 году³⁶). С другой стороны, возраст больше подходил, скажем, для отца Швейка с улицы Боиште, хотя не совпадал полностью и в этом случае. И совсем уж повергало в смятение «вещественное доказательство», которое описывал Гупперт в подтверждение правдивости рассказа Юриса: «Человек, который знал Швейка (т. е. Ф. Юрис. – С. Н.), обладал также одной бесценной памятной вещью. Это картина на стальном листе с изображением braveго солдата Швейка, держащего ружье, словно зонтик, под мышкой и сосущего короткий черенок курительной трубки, какие курят каменщики. Картина, по свидетельству владельца, нарисована художником по имени Людвиг, который будто бы был собутыльником Швейка. Размеры ее метр на восемьдесят сантиметров. И висела она над постоянным местом Швейка» (потом реликвия якобы перешла в собственность Грегора). По иронии обстоятельств это «вещественное доказательство» не только не подтверждало рассказа Юриса, но и опровергало его. Дело в том, что приведенный отрывок – точное описание рисунка на обложке первого издания «Похождений braveго солдата Швейка», когда роман выходил еще отдельными тетрадями-выпусками. Рисунок этот был выполнен другом Гашека Йозефом Ладой. Если и существовала «картина

на стальном листе» (гравюра?), то она была копией рисунка Лады, — и повешена была в трактире, конечно, в рекламных целях, для привлечения посетителей. Что касается самого Йозефа Швейка, то, судя по статье Веселого, после появления романа Гашека он в трактире «У чаши» уже не появлялся или по меньшей мере не раскрывал там своего имени. Да и жил он теперь уже в другом месте — на Варшавской или Липовой улице.

ДН II.
Sešit 7.8. JAROSLAV HAŠEK: Cena
4 Kč

OSUDY DOBRÉHO VOJÁKA ŠVEJKA ZA SVĚTOVÉ VÁLKY.

Vydává J. Hašek. Expeduje nakl. A. Synek, Praha VII.

Обложка первого издания «Похождений бравого солдата Швейка»
(художник Й. Лада)

Происхождение «гибридной» версии Юриса объясняется, по-видимому, довольно просто — после выхода романа, действие которого начинается в трактире «У чаши», там, конечно,

не было недостатка в разговорах о Швейке и его прототипах. При этом слухи и реминисценции из романа, несомненно, обрастали легендами и вымыслами, перемешивались, переплетались. Все это, вероятно, и вобрал в себя рассказ Юриса, тем более, что его общение со Швейком (если оно на самом деле было) относилось еще к довоенной поре и потом успело стереться в памяти. Ведь до войны и особого повода напоминать Швейка не было. Главы романа Гашека стали появляться только в 1921 году, а рассказы о Швейке 1911 года такой известностью не пользовались, да и к трактиру «У чаши» не имели никакого отношения – он впервые упомянут в романе. Весьма сомнительно, чтобы кто-то помнил и место, где сживал Швейк. Оно скорее всего опять-таки было выдуманно позднее ради рекламы. Таким образом, «вещественное доказательство» снова возвращало к Йозефу Швейку, известному по статье Веселого и по личному делу в картотеке легионеров.

Надо добавить, что сама фамилия «Швейк» относится к числу очень редких. В пражском телефонном справочнике последнего времени числятся только две такие фамилии – обе принадлежат женщинам. Исследователи смогли обнаружить всего пять-шесть человек с этой фамилией и во времена Гашека. К тому же, кажется, все они связаны с двумя упомянутыми семьями (Швейка-землевладельца и Швейка с улицы Боиште), да и родословные этих семей приводят в конце концов к общим предкам. Единственным Швейком, обстоятельства жизни которого во многом напоминают судьбу героя Гашека, остается как раз Йозеф Швейк, живший рядом с трактиром «У чаши». Он и дал основной импульс для возникновения знаменитого образа. Но только импульс, хотя и очень важный. Дальше уже простиралась необозримая и бурная работа гениального творческого воображения Гашека.

Три стадии в развитии образа. На первый взгляд структура образа Швейка удивительно проста. На самом деле она вобрала в себя множество весьма своеобразных элементов. Образ Швейка в его конечном виде – плод длительной эволюции и постепенного обогащения его новыми и новыми художественными подходами и находками. Отчетливо прослеживаются по крайней мере три стадии в его развитии. Первая из них связана с неоднократно уже упоминавшимся циклом, состоящим из пяти рассказов и увидевшим свет в 1911 году. Решающее значение для его возникновения имели антимилитаристские настроения Га-

шека, во многом отражавшие и общее состояние умов в Чехии того времени и атмосферу в непосредственном окружении писателя. Некоторые из его друзей (Властимил Борек) были даже посажены в тюрьму за участие в антивоенном движении, да и самого Гашека допрашивали в этой связи. Конкретный импульс к созданию рассказов дала встреча со Швейком.

Ирония, лежащая в основе этих рассказов, заключается главным образом в том, что за естественную и как бы само собой разумеющуюся норму молчаливо принимается нежелание чехов служить в армии Австро-Венгерской империи, а читателю демонстрируется психическая аномалия – идиотское рвение наивного солдата «служить государю-императору до последнего вздоха». При этом его усердие постоянно оборачивается медвежьими услугами, и в то же время от него невозможно отделаться и избавиться. Его признают непригодным к военной службе, а он «дезертирует», чтобы отбывать за это наказание и остаться таким образом в армии (наказание за уклонение от службы отбывали в армии же). Его лечат в госпитале от кретинизма, завертывая в течение нескольких дней в мокрые простыни и обкладывая льдом, посылают нести службу на пироксилиновый склад, где происходит гигантский взрыв, приписывают в воздушный флот, где он неизменно попадает в катастрофы. Но удачливый солдат каждый раз остается цел и невредим и вновь рвется служить государю-императору. Он одержим «экзальтацией мученичества», как определяет автор. До абсурда доведенный верноподданнический экстаз героя позволяет писателю создать веселую гротесковую пародию на официальный идеал солдата.

После выхода в свет рассказов Гашека о Швейке найденный типаж продолжал жить в его сознании, его образ мелькнул раз-другой в кабарежных юмористических пьесах, которые Гашек сочинял и ставил вместе со своими друзьями перед Первой мировой войной. Однако нельзя сказать, чтобы пьесы в чем-то дополнили и обогатили его.

Вторая фаза в творческой истории образа Швейка относится уже к периоду создания повести «Бравый солдат Швейк в плену», написанной в феврале 1917 года на Украине и там же выпущенной (практически в незавершенном виде) отдельным изданием на чешском языке. Сюжет и образ главного героя имеют теперь уже гораздо больше общего с возникшим позднее романом. Это своего рода эскиз к нему. Образ Швейка освобожден уже от явных сказочно-гиперболических черт, какими он был наделен в новеллах, где удач-

ливость героя доходила до того, что он оставался жив при совершенно невероятных обстоятельствах (взрыв пироксилинового склада, падение самолета). Образ Швейка уже соединился с темой мировой войны и историей 91-го полка, что впоследствии позволило автору ввести в роман своего рода комическую историю этой воинской части. В повести уже наметились многие узловые мотивы, которые потом станут важнейшими звеньями сюжета в романе: появление Швейка в инвалидной коляске на пражских улицах в день объявления войны, психиатрическая лечебница, военный суд, история с вручением любовного письма мадам Каконь, эпизод с кражей собаки и др. В повести появились некоторые персонажи, которых мы встретим затем в романе: капитан Сагнер, майор Венцель, обер-лейтенант Лукаш, кадет Биглер, хотя пока что это чисто эпизодические герои и Швейк еще служит в денщиках не у Лукаша, а у прапорщика Дауэрлинга (своеобразный эквивалент будущему образу поручика Дуба).

Однако в художественном отношении повесть значительно уступает роману. Она во многом носит обнаженно агитационный характер. Думается, есть просчеты и в общем ее построении. В ней не вполне органично сочетаются жанр публицистического памфлета и повествование о Швейке. Выдержанный в стиле публицистического эссе, памфлет на полицейский режим Австро-Венгерской империи, на военщину и политику национального гнета местами оттесняет сюжет, отвлекая внимание от него. В романе тоже есть элементы подобного памфлета, но там они больше связаны с общим развитием действия и соразмерны с ним, органично переливаются в события романа.

В повести еще не столь «отработаны» и сами образы, отдельные сцены. Если в романе, например, рассказ каждого заключенного в тюрьме при полицейском управлении об истории своего ареста представляет собой яркую находку автора и выглядит как острая комическая миниатюра, то в повести подобные истории далеко не так остроумны. Правда, и тут встречаются отдельные колоритные эпизоды, которых нет в романе. До некоторых из них Гашек, видимо, попросту не дошел по ходу действия в написанных частях романа (оно обрывается несколько раньше, чем в повести). Это прежде всего сцена на фронте, когда перетрусивший Дауэрлинг отводит Швейка в сторону и просит его выстрелить ему в предплечье, чтобы можно было симулировать боевое ранение и избавиться от фронта. Швейк решительно отказывается, ссылаясь на дисциплину, тогда прапорщик отдает приказ произвести выст-

рел, что Швейк и делает, зажмурив от страха глаза, после чего Дауэрлинг остается неподвижно лежать на месте (по всей видимости, в романе этот выстрел предназначался бы поручику Дубу).

В целом повесть отражает более раннюю стадию работы над темой, отдельными эпизодами и образами, чем роман. Есть существенные отличия по сравнению с романом и в самом образе Швейка. Во-первых, он пока что как бы конспективен, и мотивы сюжета не развернуты. Во-вторых, он обрисован по преимуществу через действия, поступки – вроде кражи собаки, выстрела в прапорщика и т. д. В повести, как и в рассказах, Швейк далеко еще не так словоохотлив. Только в романе, как уже было сказано, Гашек развязал ему язык, и он становится рассказывающим героем, вербальным типом. Он без конца теперь говорит и вспоминает всевозможные истории. М. Янкович полагает даже, что в романе «творческая активность Швейка проявляется гораздо полнее в его речи, чем в его действиях. Внешняя гротескная маска в «Похождениях бравого солдата Швейка» настолько обогащена активностью речи, что она выглядит уже только как фон для этого средства»³⁷. Помимо безудержных рассуждений необыкновенно говорливого теперь Швейка в романе множество его сюжетных рассказов. Наряду с пародийной историей воинской части и похождениями самого Швейка теперь это важнейший пласт романа. Изымите его, и роман приобретет совсем иной вид. Обилие таких «вставных новелл», как уже говорилось, даже придает ему сходство с народными или полународными повествованиями типа сказаний о Ходже Насреддине, Тиле Уленшпигеле, «Тысячи и одной ночи», «Декамерона» Боккаччо и т. п. Образно говоря, Швейк в чем-то уподобился теперь Шахерезаде... Более того, в монологах и диалогах Швейка часто нанизаны теперь друг на друга, иногда прямо-таки целыми гирляндами, еще более короткие истории, случаи, происшествия, нередко переданные всего двумя-тремя фразами. Все это образует перспективу бесконечного эпического пространства. При этом бесчисленные «включения» такого рода, казалось бы, часто нагроможденные Швейком без ладу и складу, тесно связаны со всем массивом романа функциональной связью. В разных плоскостях они пронизаны взаимоотношениями, порождающими гротесково-комический эффект (некоторые из таких взаимоотношений проанализированы М. Янковичем, Р. Пытником, З. Матгаузером, Л. Мергаутом). Вместе взятые, они впитали в себя тот неприкрашенный жиз-

ненный опыт простонародья и плебса, который и противостоит в комической эпопее Гашека идеальной и «чистой», во многом официальной картине мира. Столкновение и интерференция двух этих начал и является одним из основных источников комического эффекта в романе, его бурлескной атмосферы.

Ну и, наконец в романе, последовательно усилена двусмысленность поведения Швейка. В рассказах и повести она выражена гораздо слабее. В первом случае, возможно, мешали цензурные соображения, во втором – установка на прямое обличение отнюдь еще не побежденной австрийской военщины и полицейского режима. Так или иначе, в рассказах и повести на первый план выступала верноподданническая одержимость героя: «...речь идет о гротескной фигуре, об обыкновенном идиоте, о слабоумном... Чем серьезнее он воспринимает свои обязанности, тем последовательнее высмеивает и дискредитирует армию»³⁸. В романе сама эта одержимость гораздо больше, чем прежде, начинает смахивать на мистификацию. Образ еще раз «перевернут». Да, психологическая аномалия, но и аномалия-то поддельная, притворная, своего рода спектакль. Приобрело законченный вид построение образа по принципу комической загадки, мистификации читателя. Но об этом уже подробно было рассказано.

О чем Гашек не успел написать

Русские дороги Швейка. Роман Гашека остался, как известно, незавершенным. Законченный текст — только часть задуманного автором гораздо более обширного повествования. Судя по всему, Гашек собирался написать еще довольно много. Кто не помнит того острого чувства сожаления, которое каждому довелось испытать при знакомстве с романом, когда в самый разгар действия оно вдруг обрывается и вам приходится расстаться с героями произведения, так и не узнав об их дальнейшей судьбе и новых похождениях Швейка?

Желание видеть роман завершенным было так велико, что соотечественник Гашека писатель Карел Ванек предпринял даже попытку заменить автора и дописать недостающую часть. Возникшая книга лишний раз подтвердила всю наивность и утопичность самой затеи. Был даже случай, когда некая дамочка, уверовавшая в магическую силу спиритизма, специально приезжала в Липнице, где Гашек провел последние полтора года своей жизни, и в присутствии директора одного из издательств пыталась вызвать дух писателя, чтобы он продиктовал недостающие части романа. О результатах, по-видимому, нет необходимости говорить.

И все-таки нельзя ли хотя бы в самых общих чертах восстановить замысел романа? Правда, Гашек не имел обыкновения записывать планы своих произведений — он предпочитал держать их в голове, всецело доверяясь своей феноменальной памяти. Как уже говорилось, не признавал он и черновики или наброски — он все писал сразу набело. Карел Ванек, занявшись завершением романа, недаром сетовал, что не осталось никаких следов замысла ненаписанных частей¹. И все же сейчас можно утверждать, что некоторые сведения о них существуют. Они, правда, разрознены, и их надо собирать по крупицам. Но если их свести воедино, попытка восстановить общий план произведения выльется не такой уж безнадежной.

Прежде всего напомним, что помимо завершенной части романа известно последнее звено в развитии действия. Гашек предпослал своей книге короткое предисловие, из которого видно, что Швейк вернулся в конце концов целым и невредимым в Прагу.

Все ценители Гашека, конечно же, помнят это начало: «Великой эпохе нужны великие люди. Но на свете существуют и непризнанные, скромные герои, не завоевавшие себе славы Наполеона. История ничего не говорит о них. Но при внимательном анализе их слава затмила бы даже славу Александра Македонского. В наше время вы можете встретить на пражских улицах бедно одетого человека, который и сам не подозревает, каково его значение в истории новой, великой эпохи. Он скромно идет своей дорогой, ни к кому не пристает, и к нему не пристают журналисты с просьбой об интервью. Если бы вы спросили, как его фамилия, он ответил бы просто и скромно: “Швейк”» (5, 225). Образ героя поднят здесь до уровня символа. Но это и судьба реального персонажа романа.

Какие же события должны были произойти, по мысли автора, после того, как мы расстались со Швейком в прифронтовой полосе, в окрестностях станции Золтанец, и до того, как Швейк снова появился на пражских улицах?

В общем виде ответ на этот вопрос оставил сам автор. Замысел романа зафиксирован в рекламных плакатах, которыми Гашек вместе со своими друзьями оповещал публику весной 1921 года о предстоящем появлении первых выпусков романа. Из рекламных афиш видно, что действие его должно было происходить не только в Австро-Венгрии, но и в России.

Тональность и тексты плакатов были разными, но повторялось одно и то же название книги. «Непревзойденный чешский юморист Ярослав Гашек, – читаем мы в одной из афиш, – вновь счастливо появляется на сцене после своего возвращения из России, чтобы доказать, что настоящий юмор живет и здравствует, но что он может быть также и добротным бичом. Гашек снова подтверждает это своим сенсационным сочинением:

“Похождения бравого солдата Швейка во время мировой и гражданской войны у нас и в России”.

Первый выпуск только что вышел. Цена одного выпуска объемом в 32 страницы 2 кроны. Всего будет приблизительно 15 выпусков. Предварительная подписка с оплатой пересылки по почте – 3.50 <...> Распространителям делается скидка»².

Как мы видим, изображение событий, происходящих в России, должно было занимать в романе такое место, что автор счел нужным уделить им в афишах столько же внимания, как и действию, которое разворачивается на родине писателя и в Австро-Венгрии.

Другая афиша выдержана в духе озорной шуточной рекламы. Но и в ней мы встречаем то же заглавие романа:

«— Да здравствует император Франц Иосиф II —

воскликнул

бравый солдат Швейк,

похождения которого во время мировой войны изображает

Ярослав Гашек

в своей новой книге

“Похождения braveго солдата Швейка во время мировой и гражданской войны у нас и в России”.

Одновременно с чешским изданием перевод книги

на правах оригинала выходит

во Франции, Англии, Америке.

Первая чешская книга, переведенная на

мировые языки!»³ и т. д.

Итак, Гашек намеревался перенести действие своего произведения из Австро-Венгрии в Россию. Обратившись к роману, легко убедиться, что автор и выполнял объявленный план. В послесловии к первой части своей книги он писал: «Заканчивая первую часть “Пождений braveго солдата Швейка” (“В тылу”), сообщая читателям, что вскоре появятся две следующие части — “На фронте” и “В плену”» (5, 440). Таким образом, и Швейк, и многие другие герои романа должны были очутиться в русском плену.

Отметим, между прочим, — это нам пригодится в дальнейшем, — что Гашек извещал о предстоящем появлении не окончания книги, не завершающих, т. е. последних, а только «следующих» частей. Таким образом, мыслилось и дальнейшее продолжение романа. Но к этому мы еще вернемся. Пока что писателю предстояло изобразить события на фронте и в плену. Собственно говоря, однажды он уже и запечатлел такое развитие действия — запечатлел в повести «Бравый солдат Швейк в плену», которая была написана в первой половине 1917 года в России и во многом предвосхищала «Похождения braveго солдата Швейка». В некотором смысле это эскиз романа. Повесть предвзяла его и основными очертаниями сюжета, и многими мотивами. Не вызывает сомнений, что уже тогда, в момент создания этой повести, у Гашека существовал и более обширный план. Сам изданный текст оставляет впечатление незаконченности: заглавие не соответствует содержанию. О пребывании Швейка в плену в книге, по сути, ничего не говорится. Автор обрывает повествование как раз в тот мо-

мент, когда Швейк только сдается в плен. Да и этому событию посвящена всего лишь одна, последняя страница. Тема, названная в заглавии, практически не освещена, а следовательно, должна была иметь продолжение. Впрочем, Гашек и сам говорил, что не успел дописать книгу. Брат жены писателя Йозеф Майер, находившийся еще с 1913 года в России, а во время войны также служивший в добровольческих частях, вспоминал, как ранней весной 1917 года ездил из Харькова в Киев, чтобы повидаться с Гашеком. Тот только что вышел из тюрьмы в военной крепости в Борисполе, где сидел за случайную ссору с русским офицером (по другим сведениям чехи поместили его туда, чтобы избавить и его и себя от неприятностей, связанных с публичной критикой им действий русского генерального штаба). В крепости Гашек и написал «Бравого солдата Швейка в плену». В разговоре с шурином он шутил: «Жаль, что там в Борисполе меня не продержали дольше, пока я дописал бы “Швейка”. Я еще в Праге писал о нем. Называлось это “Идиот на действительной”. И сейчас он сидит у меня в голове. Но теперь я сделаю иначе. Я его проведу в Россию. Помещу его к вам в Харьков. Вы там что-то сногсшибательное вытворяете. А вообще-то я, кажется, так и не допишу его. Австрия, когда мы вернемся, уже перестанет существовать, а наши ребята не дадут меня посадить»⁴.

Повесть была адресована солдатам и офицерам чехословацких добровольческих частей. Автор явно преследовал определенные агитационные цели, стремясь пробудить у читателей патриотические чувства и ненависть к австро-венгерской монархии и военщине. Отсюда сильный публицистический акцент. Зденек Горжени говорит об этом: «Гашек написал “Бравого солдата Швейка в плену” по социальному заказу <...> во имя успеха вооруженного антиавстрийского сопротивления. Австрийская империя еще существовала, война еще не была ею проиграна, и среди вчерашних солдат чешской и словацкой национальности надо было вести большую разъяснительную работу. Нужно было рассеять какие бы то ни было проавстрийские иллюзии, привлечь в интересах войны с Австрией как можно больше добровольцев из рядов военнопленных. По этим политическим мотивам Гашек и взялся за свое самое острое оружие – антиавстрийскую сатиру. Поэтому и мобилизовал Швейка. Поэтому он сознательно строит свое произведение как осмеяние, как суд над ненавистной милитаризованной монархией, которая угнетала его родной народ и вовлекала его в несправедливую войну. Это был суд над бюрократическим Молохом, те-

перь уже пораженным тяжелым недугом, деградировавшим и находящимся в агонии»⁵.

После Февральской революции и падения русского царизма крах австро-венгерской монархии стал казаться особенно реальным и близким. Гашек всеми силами стремился способствовать борьбе с ней. В этой связи и могла возникнуть потребность скорее выпустить готовую часть книги.

Сосредоточенность автора на образе Швейка оказалась на этот раз даже более продолжительной и пристальной, чем в 1911 году, когда создавались рассказы. Если повесть значительно уступает по своим размерам роману, написанному позднее, то одновременно она почти в четыре раза превосходит по объему цикл рассказов о Швейке. Да и вообще это самое крупное произведение из всего написанного Гашеком в России (по крайней мере до нас не дошло более крупных произведений). Естественно, что, работая над большой повестью о Швейке, Гашек не мог не заглядывать вперед и не думать о его дальнейшей судьбе. Это подтверждают и новые замечания, возникшие вскоре у него.

В августе 1917 года, всего через месяц-другой после выхода из печати повести «Бравый солдат Швейк в плену», Гашек прибыл в полк, размещавшийся в украинском селе Березна. Здесь он много общался со своим пражским другом, тоже писателем, Франтишком Лангером. Еще до войны вместе с Лангером и другими друзьями Гашек сочинял пьесы для кабаре, которые потом ими же исполнялись. Лангер вспоминает, что и в полку устраивали музыкальные вечера и любительские театральные представления (для этой цели был даже приспособлен и оборудован амбар). В Березне Гашек предложил Лангеру написать сообща для любительской постановки в полку «пьесу о Швейке, как он готовится вступить в чехословацкое войско. Он (Гашек. — С. Н.) будет, мол, обдумывать ее»⁶.

Любопытно, что с этим замыслом хорошо согласуется и даже, пожалуй, перекликается одна подробность, мелькнувшая еще в концовке повести «Бравый солдат Швейк в плену». Там упомянуто, что, едва сдавшись в плен, Швейк встречается с чехословацкими добровольцами. Уже второй день своего пребывания в плену он проводит в добровольческой роте своих земляков. Почти наверняка уже и тогда будущая судьба Швейка была связана в сознании автора с этими воинскими соединениями.

Итак, очередным звеном и фрагментом в творческой истории интересующей нас темы была мысль изобразить Швейка в добро-

вольческих чехословацких частях в России. Из военнопленного Швейк должен был превратиться в солдата этих частей.

Замысел произведения (или произведений) о Швейке разрастался по мере развития исторических событий. Автор как бы шел по их стопам. Гашек ставил своего героя в новые и новые исторические условия: мировая война и австрийская армия, плен, добровольческие части...

Одновременно в сознании Гашека жили творческие планы, связанные с намерением изобразить какие-то стороны истории чехословацких добровольческих частей в России. Еще в лагере для военнопленных в Тощком он заявлял, что собирается написать историю Первого чехословацкого полка имени Гуса⁷. Ему хотелось показать (что он делал потом и в своих корреспонденциях с фронта), как чешский и словацкий народ «сохранил твердый и непреклонный характер и не склонился перед Австрией» (XIII–XIV, 244), перейдя к вооруженной борьбе против нее. Позднее стали вырисовываться и юмористические ответвления таких замыслов, порожденные неудовлетворенностью писателя политикой руководства чехословацких общественно-политических и военных объединений в России. Особенно интересно в этом смысле построение памфлета Гашека «Клуб чешских Пиквигов» (конец апреля 1917 года), который облечен им в форму рассказа о намерении создать сатирический роман: «Решил я написать роман о Клубе сотрудников Союза^{*}, чтобы научить читателей если не постичь загадку чешской политики, то по крайней мере почувствовать ее. Роман этот выйдет уже после войны, дабы на родине у нас каждый имел возможность насладиться зрелищем, как эти невинные души из застольного общества на Подвальной улице, Киев I, вознамерились вдруг ни с того, ни с сего взять власть в свои руки, чтобы руководить чешскими делами, и <...> начали действовать, проявляя прямо-таки изысканные умственные способности.

Пока познакомлю здешних читателей с отдельными действующими лицами романа, начиная фигуркой председателя Клуба чешских Пиквигов паном Халупой» (XIII–XIV, 167).

Восемь раз в фельетоне упоминается о будущем романе. Каждое новое действующее лицо вводится подобным упоминанием, на-

пример: „Выдает также секрет, что одна из нав. „Клуба Гашек“

* Союз чешских (позднее – чехословацких) обществ в России создан в начале Первой мировой войны. При Союзе существовал Клуб сотрудников из рядов военнопленных.

ских Пиквиков" будет иметь название "Председатель клуба Халу-па на совещаниях в Петрограде у господина Б. Павлу, приятеля известного немецко-австрийского шпиона Шелкинга" (Там же, 169). Или: "Очень интересным героем романа является доктор Кудела" (170). Закljučая фельетон, Гашек сообщает: "Я кончаю пока серию портретов из нового романа и подчеркиваю, что история Клуба чешских Пиквиков по охваченному материалу будет доведена до самого последнего времени и будет содержать самый богатый набор имен и течений всех оттенков..." (XIII-XIV, 174).

Все это очень напоминает «Историю партии умеренного прогресса в рамках закона», написанную Гашеком еще в 1912 году и построенную в виде ансамбля юмористических шаржей на реальных лиц. Одновременно памфлет перекликается как с изначальным замыслом романа «Похождения бравого солдата Швейка» («Посмеюсь над всеми глупцами...» – говорил он, приступая к работе над романом⁹), так и с определенным потоком сатирического повествования в написанных частях романа, представляющим собой своего рода пародийную историю воинской части, в которой Гашек служил. Продолжением этой истории могла бы стать и «история» чехословацких добровольческих частей в России, точнее, изображение некоторых ее сторон, потому что в принципе отношение к этим частям, самой их идее, назначению, миссии, было у Гашека не только положительным, но даже восторженным.

«Клуб чешских Пиквиков» написан примерно в то же время, что и «Бравый солдат Швейк в плену». Таким образом разрабатывались одновременно две темы или два аспекта одной темы. Развивающийся замысел «швейкианы» и планы нового сатирического сочинения, возможно, существовали еще порознь, отдельно, но, если и так, то очень скоро они сомкнулись.

Мы установили, что, побывав в австрийской армии и в плену, Швейк должен был оказаться затем в чехословацких добровольческих частях. А что должно было произойти дальше? Оказывается, и на этот вопрос можно ответить с достаточной определенностью. На помощь опять приходят рекламные плакаты, о которых уже была речь. Как мы помним, заглавие книги было сформулировано Гашеком в афишах следующим образом: «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой и гражданской войны у нас и в России». Разумеется, намерение показать Швейка в обстановке гражданской войны могло появиться у Гашека не раньше, чем началась эта война. Но этот план был продолжением уже су-

ществовавшего в сознании автора и постепенно развивавшегося замысла большого произведения или цепочки произведений о Швейке. Произошло дальнейшее «наращивание» замысла.

На чьей же стороне оказался бы Швейк в гражданской войне? Тут мы, к сожалению, можем опереться главным образом на воспоминания современников, а этот источник, как известно, не всегда надежен. Память нередко подводит. Однако в данном случае полностью совпадают свидетельства совершенно разных людей, никак не связанных между собой. Все они в один голос утверждают, что дальнейший путь Швейка лежал в Красную Армию. Неоднократно об этом заявлял сослуживец Гашека по политотделу Пятой армии Арношт Кольман, много общавшийся с ним в Сибири – в Красноярске, Иркутске. Важно к тому же, что делился он своими воспоминаниями по свежим следам, еще в 20-е годы. По словам Кольмана, «Гашек часто говорил о плане большого военного романа, который должен описывать развитие австрийского солдата от “яблочка”^{*} до красноармейца»¹⁰. Но особенно авторитетно свидетельство чешского писателя Ивана Ольбрахта. Он встречался с Гашеком в Праге в 1921 году – в разгар его работы над романом о Швейке. Однако об этом есть смысл сказать чуть позже.

Существуют интригующие слухи, будто Гашек уже в Сибири даже начал что-то писать о пребывании Швейка «в стране большевиков». Такими сведениями поделился в свое время известный русский художник Ярослав Сергеевич Николаев, не раз выступавший в 60-е годы в ленинградском Доме художника с устными воспоминаниями о своих встречах с Гашеком. В 1967 году его воспоминания были записаны на магнитофонную пленку чешским корреспондентом Иржи Сейдлером и напечатаны в журнале «Свет совету».

Я. С. Николаев родился в 1899 году (как и Гашек – 30 апреля). Его детские и юношеские годы прошли в Сибири. Он учился в Томском художественном училище. Дальнейшая его судьба была связана с Восточносибирскими художественными мастерскими и с Иркутским университетом, где он поступил на исторический факультет. Он посещал «иркутское Общество художников», изучал в местных коллекциях «полотна Поленова, Левитана, Касаткина, Лансере, Сомова, Мане, Ренуара, сбли-

---

^{*} «Яблочком» чешские солдаты называли жестяную пуговицу с инициалами императора, которую в австро-венгерской армии носили на фуражке вместо кокарды. В солдатском жаргоне это слово употреблялось как синоним слова «солдат».

зился с несколькими профессорами Мюнхенской академии художеств, заброшенными волей военной судьбы в далекий Иркутск. Эти военнопленные помогли Ярославу Николаеву в понимании западного изобразительного искусства, начиная академизмом и кончая импрессионизмом»¹¹. После прихода в Иркутск Красной Армии он преподавал в художественной студии Пятой армии, а затем стал сотрудником агитационного отдела армии, где и познакомился с Гашеком. Общение их длилось несколько месяцев (лето–осень 1920 года). Гашек был в это время, как известно, начальником интернационального отделения политотдела Пятой армии и вел большую организационную и пропагандистскую работу. По словам Николаева, они и жили рядом.

Самое интересное в воспоминаниях Николаева – его утверждение, что в Иркутске он читал неизвестное в наши дни сочинение Гашека «Швейк в стране большевиков». Но, может быть, об этом лучше рассказать в виде своего рода отчета автора этой книги о поездке в Иркутск и о том, что удалось там узнать.

Иркутский дневник. В 1989 году мне впервые в жизни довелось побывать на Байкале, хотя манило в эти края давно – хотелось собственными глазами увидеть это озеро, с которым связано столько необыкновенного*. Даже в Иркутске, на расстоянии шестидесяти

---

* Байкал – самое крупное хранилище пресной воды на нашей планете. В нем содержится пятая часть ее мировых запасов. Только за триста дней непрерывного стока могли бы заполнить чашу этого озера все вместе взятые реки мира, не включая таких исполинов, как Амазонка, Нил и Лена (которая, кстати, также берет свои истоки в окрестностях Байкала). Байкал и самое глубокое озеро мира. Толща воды, заполнявшей обширный тектонический разлом, превышает местами 1600 метров, а средняя глубина его около 700 метров. Некоторые ученые считают Байкал зарождающимся океаном. Он лежит в рифтовой впадине, и здесь происходят те же процессы, что и в рифтовых разломах Атлантического океана или Мертвого и Красного морей: берега Байкала непрерывно раздвигаются – на два метра в столетие. Байкал – один из мировых центров интенсивного биологического видообразования. Здесь две с половиной тысячи видов животных и растений. И две трети из них не встречаются нигде больше в мире. Это так называемые эндемики. Сибирское озеро богаче ими, чем Новая Зеландия или Галапагосские острова. Слово какая-то неведомая сила действует здесь, пробуждая необыкновенную жизненную энергию. Возможно, сказываются особенности байкальской воды. Она самая чистая в мире, с самым высоким содержанием кислорода и самым низким минеральных солей. Полусухты говорят, что эту воду можно заливать в автомобильные аккумуляторы вместо дистиллированной. По прозрачности она не уступает воде Саргассова моря, рекордной в этом отношении (там и тут погруженный в пучину белый диск виден до глубины 65 метров). Под стать воде и воздух: в прибайкальских кедровых лесах он порой не менее стерилен (в буквальном смысле), чем в операционных залах. Добавьте к этому необыкновенную красоту этих мест – взломанной береговой линии, причудливых скал, заливов, все время меня-

километров от Байкала приезжий постоянно думает о нем. Чем бы вы ни занимались, Байкал все время притягивает ваши мысли, словно магнит, и непрерывно присутствует в вашем сознании вместе с могучей Ангарой, которая вытекает из озера и на которой стоит этот город.

Но сведущего человека в Иркутске не покидают и мысли о Ярославе Гашеке. Многие места здесь хранят память о знаменитом чешском писателе, который провел когда-то в этом городе несколько месяцев. Бывал он и в окрестностях Байкала – например, на западном его побережье в городе Верхоленске (в верхнем течении реки Лены) и в Забайкалье – в городе Баргузине (на одноименной реке, давшей также название лучшему в мире соболю и воспетому в песнях знаменитому байкальскому ветру). Бывал в Верхнеудинске (нынешний Улан-Уде – центр Бурятской республики) и даже на границах Монголии, к югу от Байкала в районе Кяхты. Поездка состоялась, видимо, в сентябре или в первой половине октября 1920 года. З. Штястны в своей книге сообщает, что, вернувшись в Иркутск, Гашек «с восторгом рассказывал» в штабе «о Бурят-Монголии. В этот край его сопровождала Александра Гавриловна. Они познакомились с местами возле озера Байкал <...> добрались до границ Монголии. В здешних степях узнали простых людей, ведущих кочевой образ жизни. Уже раньше он слышал в редакции (газеты “Ур”. – С. Н.) от Тунуханова об этой удивительной земле, богатой различными травами и цветами, из которых местные жители готовят превосходные растительные лекарства против всех людских недугов. Так Гашек узнал степные места возле Улан-Уде, Баргузина и Кяхты. Но больше всего ему понравилась езда на диких степных лошадях»¹². Судя по тому, что длительных отлучек из Иркутска в сентябре–октябре у Гашека не было, по крайней мере часть пути они проделали поездом. Можно представить себе, как они ехали по железной дороге, огибающей с юга Байкал. В те времена она была чудом техники. Железнодорожный путь вился над озером по карнизу скал, поезд шел, то проносясь над пропастями, то срезая мысы в тоннелях и арках. Б. С. Санжиев упоминает, что Гашек выезжал также в Балабанск – город на Ангаре, на западном побережье Байкала, приблизительно на полпути между Иркутском и Братском¹³.

коющихся красок воды, представьте себе волны, высота которых в бурю достигает пяти метров и более, – и станет понятным ни с чем несравнимое впечатление от этого чуда природы.

На какое-то время с Иркутском оказалась связанной судьба не только Гашека, но и человека, ставшего прототипом его главного героя. За год до Гашека, в 1919 году, здесь находился Йозеф Швейк. Он числился здесь в обозной роте при штабе чехословацкого войска, а на самом деле служил в разведке. В Иркутске же он был признан медицинской комиссией непригодным к несению военной службы, что и было изложено в соответствующих документах (в том числе на русском языке), которые хранятся теперь в пражском Военно-историческом архиве, в Картотеке легионеров, в папке «Йозеф Швейк». Летом 1919 года Швейк был демобилизован и отправлен из Иркутска во Владивосток, а оттуда морским транспортом «Эфрон» в Европу.

Все это невольно всплывает в памяти, когда бродишь по улицам Иркутска и по берегу Байкала. Особенно не выходили из головы воспоминания Николаева и его утверждение о том, что Гашек давал ему в Иркутске читать свое сочинение «Швейк в стране большевиков». Вот как выглядит фрагмент беседы чешского корреспондента с Николаевым (в обратном переводе с чешского):

Н и к о л а е в. В Иркутске он также написал своего «Швейка в стране большевиков».

С е й д л е р. «Швейка в стране большевиков»? У нас не известно, что Гашек написал такое сочинение.

Н и к о л а е в. Это было уже так давно, что я сам не помню подробностей. Но одно знаю точно – это был от руки написанный и с помощью примитивной техники размноженный текст, который я потом нигде больше не читал*. Жаль, что я не спрятал его тогда. Один экземпляр был у меня. Особенно интересны были «Приключения кадета Биглера», которые я несколько раз с чувством перечитал.

С е й д л е р. Это было написано по-русски?

Н и к о л а е в. По-русски.

С е й д л е р. Писал это по-русски Гашек сам, или кто-то перевел ему?

Н и к о л а е в. Это я не берусь сказать. Но говорил он по-русски очень хорошо. Мы обо всем говорили с ним без труда. Запомнил я также, что кадет Биглер употреблял в этой книге некоторые очень

---

* Присутствовавший во время беседы ленинградский богемист О. М. Малевич уточнял, что речь шла о копии, изготовленной на гектографе или жирографе (гектограф, кстати говоря, имелся в распоряжении интернационального отделения, которое возглавлял Гашек).

неприличные выражения. Настолько неприличные, что меня это местами даже смущало.

С е й д л е р. Как вы расстались с этим экземпляром? Куда он мог подеваться?

Н и к о л а е в. Трудно сказать. Откровенно говоря, я совершенно не помню, взял ли его Гашек назад или же он остался в доме, где мы жили. Тогда уж время было такое. Мы переезжали с места на место и все оставляли. В 1917–1930 годах я несколько раз лишился всего, что у меня было»¹⁴.

Речь шла, таким образом, о неизвестном до сих пор сочинении Ярослава Гашека. Подтвердится ли когда-нибудь его существование? Находки в архивах по прошествии семидесяти лет, по всей видимости, уже маловероятны, хотя и не исключены полностью. Оставалось лишь всесторонне обдумать сообщение Николаева, сопоставив его с другими фактами. Можно было также попытаться проверить, насколько достоверны и не лишены ли ошибок памяти его воспоминания в остальной их части.

Николаев помимо всего прочего назвал адрес Гашека в Иркутске, не известный до тех пор. Он рассказывал: «Сотрудники агитационного отделения, так же, как и командование, были размещены в гостинице “Модерн” или по соседству с ней. Гашек и я жили в домике пастора на углу Амурской и Большой улицы. Жили мы и работали в соседних комнатах. Это нас, естественно, еще больше сблизило. Я участвовал в пропаганде и агитации средствами изобразительного искусства. Гашек – прежде всего искусством слова, печатного и устного. Двери между нашими комнатами были постоянно открыты, так что мы часто разговаривали и во время работы».

Здание гостиницы «Модерн», превращенное позднее в «Дворец Труда», стоит в Иркутске и по сей день. Сейчас в нем размещены детский театр, некоторые учреждения и магазины. Своей фасадной стороной оно выходит на бывшую Большую, боковой – бывшую Амурскую. На фасаде после Второй мировой войны установлена мемориальная доска Гашека (улыбку вызывает, что она оказалась по соседству с вывеской парфюмерного магазина «Ландыш»). Если перевести взгляд с памятной доски на верхнюю часть трехэтажной центральной части здания, то на белом фронтоне и сейчас можно прочесть надпись «Дворец труда», сделанную характерным для 20-х годов шрифтом. Однако никакой церкви нигде поблизости не было и в помине. Между тем Я. С. Николаев набросал по

памяти даже рисунок храма и жилища пастора рядом с ним, пометив стрелками окна комнат – своей и Гапека.

Еще предстояло заглянуть в библиотеку иркутского краеведческого музея и посмотреть старые планы города. Но едва оказавшись на углу бывшей Большой и Амурской, я не утерпел и стал спрашивать прохожих, выбирая тех, что постарше, не помнят ли они церковь, которая якобы стояла где-то здесь. Уже вторая или третья из женщин, ответила: «Как же, вот тут, где сквер, стояла лютеранская церковь. Как сейчас помню. Я еще девчонкой была...» Ага, значит, не православная церковь, а кирка... Вот почему Николаев и говорит о домике пастора, а не священника.

Мы беседовали неподалеку от «Дворца Труда», близ двухэтажного особняка с башенкой, увенчанной вытянутым вверх фигурным куполом. Судя по вывеске, сейчас этот дом занимала 2-я поликлиника Кировского района города Иркутска. Мне пришло в голову, что в регистратуре, наверное, сидит какая-нибудь пожилая женщина и у нее тоже можно что-то узнать. Так оно и оказалось. Чтобы завязать разговор, я обратился для начала с вопросом, как раньше назывались ближние улицы. Женщина ответила и добавила: «Вон посмотрите у нас фотографии над лестницей». Красивая, широкая мраморная лестница вела на площадку, а затем раздваивалась и симметричными маршами поднималась вдоль стен на второй этаж. По стенам висели крупные застекленные фотографии – виды центральных улиц Иркутска, и, как оказалось, не современные. Уже на второй фотографии я вдруг узнал церковь, нарисованную Николаевым. Вот он и домик пастора на небольшом удалении от церковного здания. При этом фотография сделана практически с той же точки, с которой по памяти рисовал кирку Николаев.

Не оставалось ничего другого, как тут же кинуться к заведующей поликлиникой за разрешением переснять фотографию. Но рабочий день уже кончился, и все, кто мог дать такое разрешение, ушли. Происходило это в пятницу, и теперь нужно было ждать до понедельника. К сожалению, это был уже последний день моего пребывания в Иркутске, а тем временем стало ясно, что и в библиотеку краеведческого музея, где также могли оказаться старые виды Иркутска, мне не удастся попасть: стояло лето, и фонды оказались временно закрытыми. Единственно, что удалось сделать за выходные дни, – заранее договориться в фотосалоне по соседству с поликлиникой о том, что у них для меня срочно изготовят копию фотографии, которую я принесу.

В понедельник рано утром я уже сидел в кабинете заведующей поликлиникой. Она с полным пониманием отнеслась к моей просьбе и тотчас попросила старшую сестру помочь мне. Но тут возникло совершенно непредвиденное препятствие. «А как вы ее снимете?» – спросила сестра. Я попытался заверить, что у меня полная договоренность с фотосалоном. Оказалось, однако, она имела в виду совсем другое. Мы поднялись на лестницу, и я убедился, что застекленные фотографии таинственным способом (по-видимому, с обратной стороны) были напременно прикреплены – сразу по нескольку штук – к большим деревянным щитам, а те, в свою очередь, наглухо привинчены или приколочены к стене. Снять фотографии без риска повредить и снимки, и стены оказалось совершенно невозможным.

Снова пришлось отправиться в фотосалон, чтобы попросить мастера сделать пересъемку на месте. Однако, едва переступив порог ателье, я понял, что мастер никак не сможет отлучиться: его осаждала целая толпа бурятов, главным образом девушек. Они пришли сниматься на цветную пленку и по этому поводу были разряжены в ярких тонов зеленые и красные платья, которые очень шли к их черным до блеска волосам и бровям. Когда-то Ярослав Гашек для дедов и бабушек этих девчат печатал в армейской типографии на берегу Ангары бурятский букварь и грамматику, первую бурятскую газету. До этого своей письменности у них не существовало. Правда, уже в XIX веке православные миссионеры издавали на родном языке бурятов религиозные сочинения, используя русскую азбуку. Еще не так давно многие буряты вели кочевой образ жизни. Сейчас приятно было видеть, что девушки явно с образованием, скорее всего, студентки. Вспоминалась и первая картина Николаева, который в молодости был вдохновлен идеей развития народов Сибири. Она называлась «Бурят-Монголия». На ней были изображены и Байкал, и рыбаки, и овечьи отары, белеющие на склонах гор, и таежные охотники, промышляющие зверя, – целая живописная энциклопедия, не лишенная юношеской наивности и стремления изобразить все сразу.

Через некоторое время мне все же удалось прорваться к фотографу, и, стоя в полутемной комнате у штатива аппарата, накрытого черным покрывалом и освещенного нижним светом, я объяснил ситуацию. «Да, эти фотографии были отпечатаны к трехсотлетию Иркутска. Их делал мой сменщик, – задумчиво проговорил он и, помолчав, добавил: – Вот, кстати, одна из них». Я поднял глаза и увидел на стене ту самую церковь. Рано утром

на следующий день, улетая в Москву, я увозил с собой негатив. Но до этого произошли еще два события.

Осматривая в очередной раз сквер и пытаясь представить себе, как была расположена кирка, я не мог отделаться от ощущения, что у меня все-таки не сходятся концы с концами. День был солнечный. Легко было определить страны света, но никак не получалось, чтобы церковное здание соответствовало фотографии и в то же время было ориентировано с запада на восток. А ведь храмы строятся именно так. Не оставалось ничего другого, как снова расспрашивать прохожих. И тут мне снова повезло. На соседней улице я повстречал интеллигентную женщину, которая оказалась реставратором по специальности и знатоком Иркутска. Надежда Георгиевна Леус любезно прошла со мной на сквер и показала, что вход в ограду и в храм находился на самом углу сквера, на пересечении Большой и Амурской напротив башенной части здания поликлиники – через улицу от этого здания. Моя собеседница рассказала также, что вдоль храма в свое время были посажены ели и отдельные из них еще сохранились, хотя и затерялись среди позднее высаженных, но обогнавших их в росте лиственниц. Одна из этих елей, росшая влево от входа в храм (если стоять к нему лицом), до сих пор зеленеет в углу сквера и даже запечатлена, как я обнаружил позже, на некоторых фотографиях этого уголка Иркутска (на них видна и часть здания гостиницы «Модерн» с красивыми балконами в стиле сецессиона)¹⁵. Симметрично ей, справа от входа росла будто бы другая ель. Они и «сторожили» вход в ограду. Две-три ели сохранились и в другом конце сквера. Правда, при Гашеке этих елей не было. Их посадили позднее, но по ним еще и сейчас можно восстановить по крайней мере часть контурных очертаний храма. В ответ на мой вопрос о странах света Надежда Георгиевна пояснила, что у лютеран допускается и иная ориентировка церковного здания.

От моей иркутской собеседницы я узнал также, что домик пастора стоял на месте торцевой части современного жилого дома-коробки № 20 по бывшей Большой улице, в первом этаже которого сейчас находится книжный магазин. Во дворе этого дома сохранилось небольшое каменное строение с закругленными в верхней части окнами и аркатурным поясом над ними (свисающие концы полукружий образуют в местах соединений нечто вроде крестообразного рисунка). По мнению Надежды Георгиевны, это было здание, связанное с погребальным обрядом. Она добавила, что строение некоторыми чертами напоминает архитектуру

самого храма, выдержанного в стиле ранней готики. Красива была якобы и ограда из камня и металла, обрамлявшая кирку. Со временем евангелическая церковь была закрыта, а в здании храма разместили санэпидемстанцию. В середине 60-х годов, как удалось установить позднее, храм был снесен, так же, как на другой площади еще раньше были безжалостно снесены кафедральный собор и Тихвинская церковь, составлявшие вместе со Спасской церковью, Богоявленским собором и католическим костелом (к счастью уцелевшими) неповторимый силуэт центральной исторической части города. Между прочим, расположение и католического костела, и лютеранской церкви на самых видных местах в центре города (недаром на месте кирки был сооружен памятник Ленину, для чего она и была снесена) наводило на мысль, что неправославные религии не так уж притеснялись в старой России.

Некоторое время спустя по адресным книгам Иркутска удалось установить, что в 1915 году обитателем дома № 12 по Большой улице был пастор Георг Вольдемарович Сиббуль. Его сын Вольдемар Георгиевич Сиббуль также был священнослужителем (указан тот же адрес). Проживали ли они в доме при храме после прихода Красной Армии и находились ли вообще в это время в Иркутске, остались ли живы или погибли в урагане революции либо позднее, в годы репрессий против духовенства, сейчас уже трудно гадать. Н. Г. Леус сообщила мне позднее в письме, что домик возле кирки известен как жилище привратника церкви. Возможно, и в конце гражданской войны он назывался домиком пастора только по традиции.

Так удалось выяснить, где стоял дом, в котором жил в 1920 году Ярослав Гашек, занимая комнату по соседству с Николаевым. Отсюда он ходил в политотдел – в гостиницу «Модерн», до которой было две минуты ходьбы. Отсюда отправлялся на митинги на Александровский сквер (переименованный тогда в сквер Парижской коммуны) на берегу Ангары (пять минут ходьбы неторопливым шагом от домика пастора) и в типографию (семь минут ходьбы; сейчас дом 36 на берегу Ангары – на углу набережной и Тихвинской улицы). В этой типографии издавались газеты, которые редактировал Гашек, печатались листовки и воззвания. Здесь, по воспоминаниям сослуживцев, Гашек вел оживленные беседы с писателем Зазубриным. В этой же типографии, вероятно, было размножено на гектографе и сочинение Гашека «Швейк в стране большевиков», если оно действительно существовало.

Все вроде бы сходилась и совпадало. Смущало, однако, что был известен другой адрес Гашека в Иркутске. Еще в 1961 году его нашел сибирский историк В. П. Скороходов. В иркутском архиве им был обнаружен список чехов и словаков, в котором значилось: «Гашек Ярослав И. – Поарм 5 (т. е. Политотдел пятой армии. – С. Н.) – Дегтевская ул., № 4»¹⁶. Скороходов сообщал также в своей публикации, что фотография дома по Дегтевской 4 (позднее она стала называться Российской улицей) была послана Александре Львовой в Чехословакию, и та подтвердила, что они жили с Гашеком в этом доме. Признаться, в рассказе Я. С. Николаева вообще несколько настораживало, что он ни словом не обмолвился о жене Гашека. Между тем в Иркутске она была с ним и даже, кажется, не одна, а вместе со своей матерью. (Во всяком случае И. Частка, опубликовавший воспоминания А. Г. Львовой, записал с ее слов: «В августе (1919 г. – С. Н.) мы с типографией переезжаем (из Уфы – С. Н.) в только что взятый Челябинск. Мамашу берем с собой, весь сибирский путь она проделала с нами. С ней нам обоим было хорошо»¹⁷.) Почему Николаев не упоминает об этом? Случайный пробел в памяти? Запомнилась ему только рабочая комната Гашека, которая находилась рядом с его комнатой? Или в доме пастора у Гашека было только что-то вроде рабочего кабинета, где он мог также отдыхать и в случае необходимости ночевать, а жена и теща жили постоянно в другом месте – там была семейная квартира? А может быть, Гашек вообще в разное время проживал в Иркутске по разным адресам? Глухое упоминание об этом есть вроде бы в книге Штястного: «В половине двадцатого года в Иркутске при губкоме РКП(б) во главе с Гашеком был создан Чешско-словацкий комитет пропаганды и агитации. Разместился он на одной из улиц в небольшом, впоследствии снесенном домике. Некоторое время проживал здесь и Гашек»¹⁸. Явно имелся в виду не дом на Дегтевской улице, ибо тот – как раз «большой» (Скороходов употребляет именно это слово), двухэтажный в отличие от одноэтажного домика пастора¹⁹.

Рыбалка на Чертовом озере. Но так или иначе зарисовка Николаева и его воспоминания о домике пастора получили подтверждение. Вскоре затем подтвердились некоторые другие обстоятельства и реалии, связанные с общением Гашека и Николаева. Художник рассказывал: «Одним из наших общих развлечений была рыбалка. Удочки мы держали снаружи дома за наличниками – в доме они не умещались. Мы накапывали в садике у церкви червей, брали с собой старый чайник, варили вкрутую яйца, накладыва-

ли каши из пшенной крупы, которую выдавали тогда в любом количестве, а если представлялась счастливая возможность, то захватывали и “китайские” калачи, которые были очень дороги. Мы выменивали их на “Манчжурке” (т. е. на станции железной дороги. – С. Н.) на рубашки или кофе – в зависимости от того, что удавалось достать. С этими запасами около двух часов ночи мы отправлялись к Чертову озеру. В нем, правда, водились только караси, но нам здесь нравилось. Придя на место, – а к этому времени уже начинало светать, – мы раскладывали маленький костер и закидывали удочки. Гашек был малоразговорчив, только иногда мурлыкал чешские песни. (Теперь на минутку прерву рассказ – вставляет корреспондент. – Это было волнующее мгновение: ненадолго замолчав, чтобы припомнить, Ярослав Сергеевич вдруг извлек из своей памяти мотив и слова – это было как чудо: растроганным голосом, русифицируя слова и напев, он начал петь мелодичную чешскую песню “Летела гусынька, летела высоко...” и первые слова давно забытой песни “Голубые очи, что ж вы плачете”...). Песню “Летела гусынька” Гашек напевал, когда у него было хорошее настроение, “Голубые очи”, которая звучала как-то трагично, наоборот, если у него что-то не ладилось, особенно в личной жизни (? – С. Н.)».

«Чертовое озеро» было второй моей заботой в Иркутске. С одной стороны, было интересно познакомиться со всеми местами, где Гашек бывал, а с другой, хотелось проверить память Николаева и на этом «сюжете». Сразу по приезде в город я стал расспрашивать о Чертовом озере старожилов, начиная с дежурных в гостинице. Но никто из встретившихся мне ничего о нем не знал. Иркутский знаток Гашека Б. С. Санжиев также не помнил. Да и на туристском плане, который удалось достать, озеро не было обозначено. Надежды на подробные карты города и его окрестностей, – а они, конечно, имелись в краеведческом музее, – рухнули после того, как стало ясно, что библиотечный фонд музея временно закрыт. И тут мне повезло в третий раз. Буквально в последний день, в самый последний момент удалось заглянуть в Научную библиотеку Иркутского университета, расположенную в так называемом Белом доме – бывшем дворце генерал-губернатора Восточной Сибири, украшающем набережную Ангары. Симпатичная заведующая Отделом редких книг и рукописей Надежда Васильевна Куликаускене предупредила меня, что едва ли я что-нибудь успею прочесть, так как через полчаса библиотека закрывается, но услышав, с каким вопросом я пришел, вдруг воскликнула: «Так

ведь я живу у Чертова озера!» Мы разговорились, выяснилось, что Надежда Васильевна также интересуется Чехословакией, писала статьи о чешских книгах в Иркутской библиотеке и публиковала их в пражском журнале «Чтенарж» («Читатель») и в «Федоровских чтениях»²⁰. Довелось ей бывать и в Чехословакии – отдыхать в Карловых Варах. В домашней библиотеке у нее оказался даже русский четырехтомник Гашека, который я готовил к печати. Надежда Васильевна не только охотно рассказала все, что знала о Чертовом озере, но и пообещала в тот же день проверить свои сведения, побеседовав с краеведом Раисой Андреевной Архиповой (р. 1905), иркутской старожительницей, автором двух книг по ботанике Восточной Сибири и незавершенных еще мемуаров. И сдержала слово.

Что же удалось узнать? Чертовое озеро расположено на левобережье Ангары, между рекой Иркут и впадающей в нее речкой Кая, у подножия лесистого холма, который носит название Синюшина гора. В давние времена с этими местами были связаны легенды о разбойниках. Но название озера происходит отнюдь не от слова «черт», а от слова «черта». Здесь проходила пограничная черта, разделявшая владения деревень Мельниково и Смоленщино. Позднее я обнаружил, что озеро все же обозначено и на некоторых туристических планах Иркутска – рядом с железнодорожной станцией Кая. Но сейчас оно обмелело и по-настоящему наполняется водой главным образом в сырую погоду.

Путь к озеру из центра города во времена Гашека мог быть только один. Чтобы попасть туда, надо было выйти к понтонному мосту (он находился почти на том же месте, где сейчас находится так называемый Старый мост), перейти по нему через полноводную Ангару и затем двигаться налево к речке Кая и дальше за нее. Дорога могла занимать, в зависимости от маршрута, приблизительно час времени или несколько больше. Значит, приходили они на место где-то после трех часов. Чуть позднее в летние месяцы как раз светает. Таким образом, Николаев довольно точно определил расстояние до озера от центра города.

Во времена Гашека левобережье Ангары еще не было застроено, кроме узкой кромки вдоль могучей реки, и район этот был излюбленным местом отдыха иркутян. Особенно живописны были как раз окрестности речки Кая, покрытые богатой и разнообразной растительностью. Много здесь было черемухи. Иркутские гимназисты еще в пушкинские времена писали сочинения об экскурсиях на речку Кая (в фонде редких книг научной библиотеки Иркутского университета хранится целый сборник

гимназических сочинений тех лет ²¹, изданных ни больше ни меньше как в столице – в Санкт-Петербурге!).

Возвратившись в Москву, я вскоре убедился, что подробности о Чертовом озере можно было узнать и не выезжая в Иркутск. Достаточно было полнее познакомиться с литературой о Николаеве. Выяснилось, что рассказ художника о его общении с Гашеком, о чтении им сибирского «Швейка» был частично воспроизведен в одной из статей о Николаеве еще за семь лет до его интервью пражскому корреспонденту. Вот как описывались там походы на рыбалку: «Они поднимались в предрассветный час, захватив с собой чайник, яйца, калачи, переходили по понтонному мосту Ангара, поднимались в гору, поросшую мохнатым лесом (местность за Ангарой постепенно повышается. – С. Н.). Там лежало озеро, густо заросшее лилиями. Рыболовы забрасывали в темные «окна» удильница, разводили костер, варили уху, наслаждались общением с природой» ²².

Вот в этом-то уголке и раскладывал Гашек свой костерок, который горел на расстоянии семи тысяч километров от Праги. Если такое же расстояние отмерить в противоположную сторону от чешской столицы и протянуть мысленно линию на запад, она пересечет всю Западную Европу, весь Атлантический океан, и ее конечная точка окажется на американском континенте, на территории Канады, где-то западнее Оттавы и севернее Великих озер...

Бывал ли Гашек нахмуренным? Самой уязвимой в воспоминаниях Николаева была совершенно неожиданная психологическая характеристика Гашека, далеко не совпадавшая с тем, что было привычно слышать о нем. Венгерский писатель Мате Залка, встречавшийся с Гашеком в Пятой армии в Красноярске, вспоминал, как и многие другие, что вокруг Гашека всегда царил смех: «в присутствии Гашека мрачным оставаться было просто невозможно. Он рассказывал, а мы, кругом стоявшие, улыбались, смеялись, хохотали или просто ржали, надрываясь от смеха. Разговор Гашека – сплошной поток остроумных высказываний» ²³. У Николаева осталось совсем другое впечатление: «По большей части утверждают, что Гашек был необыкновенно веселым человеком. Не хочу этого оспаривать, но я его таким не знал. На протяжении тех нескольких месяцев, когда я жил рядом с ним, он был прямой противоположностью такому представлению, ходил по большей части задумчивый, даже нахмуренный. Он был небрежен в одежде, как, впрочем, и большинство людей вокруг нас <...>

Никто в то время, разумеется, не обращал на это никакого внимания. Важнее были другие достоинства, прежде всего достоинства духа и воли. А ими Гашек бесспорно обладал. Он был неутомим в своей деятельности, писал воззвания, статьи, часто ездил выступать за пределы города. На собраниях и на митингах я его, правда, ни разу не слышал, потому что не любил их. Но от других знаю, что он всегда имел большой успех».

Таким образом, в памяти Николаева Гашек остался очень деятельным, однако чуть ли не мрачным человеком. Такая характеристика озадачивала. Но потом выяснилось, что в Иркутске он и был именно таким. Об этом сказано в воспоминаниях жены писателя Шуры Львовой. Она буквально в тех же выражениях, что и Николаев, поведала о настроении Гашека в то время: «В Иркутске Ярослав впервые за много месяцев ходил нахмуренный. Вызвано это было сообщением, что он должен возвращаться домой»²⁴.

Гашек решал тогда для себя очень нелегкую дилемму. Он должен был сделать выбор — либо возвращаться на родину, либо навсегда остаться в России. И решение нельзя было откладывать. Война кончилась. Стало также известно, что определенные партийные круги в Чехословакии настаивают на его приезде для партийной работы дома. Естественно, что перед своим соседом, который ко всему прочему был на шестнадцать лет моложе его, Гашек далеко не раскрывал ни всех своих дум и забот, ни своего прошлого, в котором была и богемная молодость, и связь с анархистским движением, и первый, распавшийся потом брак, от которого в Праге остался малолетний сын. Едва ли Гашек делился и опасениями за свое будущее — и на родине, и в России. Он отдавал себе отчет, что в случае возвращения его ждет весьма сложная ситуация, что потом и подтвердилось. Не просто было и остаться в России. Конечно, здесь его ценили. Конечно, он не мог предвидеть всех беззаконий, которые обрушились вскоре на страну. Он не мог предполагать, что пройдет некоторое время и жертвами кровавых репрессий станут и командующий Пятой армией М. Н. Тухачевский (который и сам окажется далеко не без греха), и люди непосредственно из собственного близкого окружения Гашека: в 30-е годы в числе погибших будут и лучшие его друзья. Среди них Николай Кочкуров (Артем Веселый), которого он знал еще по Самаре и мать которого ходила к Гашеку на тайную квартиру, когда он скрывался под Самарой. Погибнет писатель В. Я. Зазубрин, сменивший Гашека на посту редактора «Красного

стрелка». Это с ним Гашек «дискутировал о литературном творчестве»²⁵ в типографии на углу набережной и Тихвинской улицы, переименованной тогда в улицу Красной Звезды – потом переулочек Гашека. (Между прочим в архиве Зазубрина могли отыскаться и материалы, имеющие отношение к Гашеку. Но где этот архив, если сам писатель был расстрелян?) Пал жертвой сталинского террора и бурят Ардан Маркизов, инструктор интернационального отделения, которого Гашек привлек для работы по созданию первой бурятской газеты. Это дочка Маркизова Энгельсина сидит на руках у Сталина на известной фотографии, сделанной в Кремле в 1936 году во время приема делегации трудящихся Бурят-Монголии. В ответ на вручение букета цветов Сталин подарил ей тогда патефон и ~~часы~~ часы с надписью, выгравированной на крышке «От вождя партии». Эта фотография, увеличенная до саженных размеров, еще висела на здании ТЮЗа в центре Москвы, иллюстрируя любовь великого кормчего к детям, когда отец девочки уже шел по этапу, а от вождя партии не последовало ни малейшей реакции на письмо несчастной девчурки из далекой степи, в котором она писала о несправедливом аресте отца и напоминала о встрече в Кремле. Отца расстреляли, а мать погибла в ссылке, где с ней находилась и дочь²⁶. Но все это было позже, когда и Гашека уже не было в живых. Однако тревожные симптомы, особенно в деятельности советских карательных органов, уже давали знать о себе, и Гашек их чувствовал, начиная с 1918 года. Вспомним его рассказ «Перед революционным трибуналом Восточного фронта», в котором, несомненно, отразились его собственные впечатления. После четырехмесячного отсутствия в Красной Армии в 1918 году он сам, как уже упоминалось, прошел проверку ревтрибунала. Все обошлось в тот раз благополучно, но след в душе остался. Особенно выразителен в рассказе Гашека образ члена трибунала Агапова, который борется с «тенями прошлого», «видя в каждом возможного предателя», и считает, что в свидетелях и судебном разбирательстве вообще нет необходимости, а вполне достаточно обвинения, на основании которого можно и выносить приговор, вплоть до смертного. Гашеку он дважды бросает в лицо фразу: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит. Гляди, брат, а то голова прочь» (4, 119–122). Было отчего задумываться.

И все же для Гашека в 1920 году даже труднее было вернуться на родину, чем остаться в России (хотя останься он здесь, финал был бы, скорее всего, печальным, как и у многих других иностранцев, оставшихся в России и погибших в годы репресс-

сий). И решившись в конце концов на отъезд, он так и не был до конца убежден, что поступает правильно, а позднее иногда и сожалел о возвращении. Отсюда и колебания, и раздумья в Иркутске, и нахмуренность, о которой в один голос и совершенно независимо друг от друга говорят и Николаев, и Шура Львова.

Уверенная и совершенно определенная характеристика психологического состояния Гашека в Иркутске, высказанная Николаевым наперекор существующим представлениям и неожиданно совпавшая со свидетельством жены писателя, конечно, не могла сложиться у него без тесного общения с Гашеком.

Таким образом, все, что удалось проверить в воспоминаниях русского художника, получило подтверждение. Это повышало вероятность достоверности и его свидетельства о существовании сочинения Гашека «Швейк в стране большевиков». Гашек, будучи в России, вообще ведь вынашивал планы сочинений о Швейке, а частично и осуществлял их. Была написана повесть «Бравый солдат Швейк в плену», замышлялась пьеса о вступлении Швейка в добровольческие части. Первая жена Гашека Ярмила Майерова вспоминала, что по возвращении на родину он делился с ней: «Пишу Швейка. Все эти годы эта тема не отпускала меня. На фронте. В России. Всюду»²⁷. Известно также, что вернувшись в Прагу, он пообещал некоторым издателям будущие свои сочинения вроде: «Швейк в русском плену», «Бравый солдат Швейк в плену у большевиков», «Швейк в Бугульме» и даже якобы «Швейк в денщиках у Ленина»²⁸. Обещания эти оказались розыгрышем, но уже заглавия говорят сами за себя. Да и начало работы Гашека над романом совпало по времени с возникновением так называемого бугульминского цикла его рассказов, в которых он с юмором рисует некоторые эпизоды своей службы в Красной Армии. Тематика этих рассказов и замысел романа не могли не соприкасаться в сознании автора, тем более, что речь идет далеко не о проходных произведениях. И по художественному уровню они не уступают его роману.

Кстати говоря, бугульминские рассказы позволяют предполагать, что и в романе Гашек, видимо, не склонен был бы идеализировать гражданскую войну, обстановку в Красной Армии и т. д. Скорее они свидетельствуют о его достаточно трезвом и критическом восприятии всего происходившего на его глазах – восприятии, чуждом какой бы то ни было патетики и приукрашивания. Вспомним не только образы членов революционного трибунала в упоминавшемся рассказе, но и образ красного

командира Ерохимова, бесчинствующего и упрекающего Гашека в недостаточной жестокости. Казни и расстрелы в глазах Ерохимова своего рода положенная норма, отступление от которой карается и сверху. Если не расстрелять, то хотя бы сделать вид, что расстрелял! Перед приездом инспекции он сооружает ложные могилы якобы расстрелянных врагов революции (рассказ «Потемкинские деревни»). Столь типичный для творчества Гашека мотив розыгрыша и мистификации приобретает, несмотря на юмористический тон рассказа, зловеще inferнальный оттенок. Невольно возникают в памяти строки В. Хлебникова из его поэмы «Председатель чеки»:

*Приговорен я был к расстрелу
За то, что смертных приговоров
В моей работе не нашли.*

Герой Хлебникова признается, что чувствует себя «склеенным из Иисуса и Нерона»^{*}.

Сближение идеалов коммунизма с идеалами чешских таборитов, пытавшихся создать общины-коммуны и провозгласивших социальное равенство, уживались у Гашека с отвращением к жестокости (сходным было восприятие гражданской войны и у его русских друзей – писателей Артема Веселого, автора романа «Россия, кровью умытая», и В. Я. Зазубрина, написавшего роман «Два мира»). Между прочим, в литературе о Гашеке стало уже общим местом утверждение, что за всю гражданскую войну он не произвел ни одного выстрела. С другой стороны, публицистические статьи и фельетоны Гашека, которые он печатал одновременно с романом, не позволяют полагать, что он и разочаровался в социалистических идеалах как таковых.

Любопытно, что намерение Гашека изобразить своего героя в обстановке гражданской войны в России, было известно и в Советском Союзе. Создается даже впечатление, что в 20-е годы об этом замысле знали больше, а потом он забылся. Вот что писал, например, в 1929 году обычно хорошо информированный о чешской литературной жизни критик Михаил Скачков (первую

---

^{*} Прототипом героя поэмы послужил Хлебникову молодой следователь Реввоентрибунала 14 армии в Харькове А. Н. Андрияевский (1899–1983), впоследствии известный кинорежиссер (создавший, в частности, в 1935 году вместе с другими фильм о роботах «Гибель сенсации» – по мотивам пьесы К. Чапека «R.U.R.»).

половину 20-х годов он жил в Чехословакии). Отметив в одной из своих статей, что тема участия чехов и словаков в боях Красной Армии очень мало разработана в литературе, он продолжал: «Единственный писатель Ярослав Гашек, принимавший участие в гражданской войне на нашей стороне и обещавший описать ее в продолжении своей эпопеи, которое должно было носить подзаголовок “Швейк при советах”, умер, не успев выполнить своего намерения»²⁹. В другой статье М. Скачкова мы читаем о Гашеке: «Если раньше он писал мелкие рассказы, то сейчас он берется за монументальную эпопею, которая должна была охватить огромный период: мировую войну, русский плен, самодержавие, наши Февральскую и Октябрьскую революции и гражданскую войну в Сибири. Ранняя смерть помешала ему выполнить все эти планы»³⁰. Каждый, наверное, обратит внимание на то, что само название соответствующей части книги, которое приводит М. Скачков, так же, как и упомянутые названия предполагаемых рассказов, поразительно напоминает и по смыслу и по тону заглавие, названное Николаевым.

Добавим, вместе с тем, что не существует ни одного воспоминания, в котором сообщалось бы об иных вариантах развития темы Швейка и сюжета романа в творческих планах Гашека.

Нет ничего удивительного, что в контексте подобных замыслов могло родиться и сочинение или набросок сочинения «Швейк в стране большевиков». Тем не менее полностью прояснить этот вопрос позволили бы только новые архивные находки. Если их не будет, сообщение Николаева, по-видимому, так и останется еще одной вечной загадкой в биографии Гашека.

Чтобы завершить историю знакомства Николаева с Гашеком, напомним, что осенью 1920 года Гашек выехал на родину. Где-то в сентябре–октябре этого года он навсегда расстался и с Николаевым. В Чехословакии он написал свой знаменитый роман, хотя и не успел закончить его полностью. В начале 1923 года Гашек умер, не дожив каких-нибудь четырех–пяти лет до своей всемирной славы. Николаеву было суждено стать профессиональным художником, пережить Вторую мировую войну, перенести блокаду Ленинграда, во время которой он едва не погиб (был случай, когда его, обессиленного от голода и теряющего сознание, подобрали на невском льду), а затем оставить и воспоминания о Гашеке.

Но и сказанным замысел романа Гашека, по-видимому, не исчерпывался.

Гашек и Китай. Последнее звено в реконструкции контурного плана романа Гашека может показаться уже совсем фантастическим. Однако приходится считаться с фактами, а они заставляют коснуться еще одного предания, имеющего прямое отношение к творческой истории романа. Для этого надо снова вернуться к информации Ивана Ольбрахта. Ее обнародовал в свое время известный чешский собиратель материалов о Гашке и инициатор издания большого собрания его сочинений, ныне уже покойный Здена Анчик. В 1951 году в предисловии к «Похождениям braveго солдата Швейка» он сообщил: «По свидетельству Ивана Ольбрахта, Швейк как боец из народа должен был в русском плену после Великой Октябрьской социалистической революции перейти на сторону народа и с народом участвовать также в освободительной борьбе в Китае (Гашек встречался с китайскими прогрессивными военными, когда служил в славной Пятой армии)»³¹.

Несомненно, эти сведения были получены З. Анчиком непосредственно от Ивана Ольбрахта, с которым на протяжении многих лет его связывали дружеские отношения. Еще в 1928 году Ольбрахт привлек Анчика к сотрудничеству в газете «Руде право» в качестве автора судебных очерков. В 30-е годы вместе с Ольбрахтом и В. Ванчурой Анчик даже ездил в Закарпатье. Они постоянно общались и после второй мировой войны, в частности, на работе. В 1945–1952 гг. оба они работали в Министерстве информации – Ольбрахт руководителем отдела радио, затем издательств, Анчик – в секретариате министра.

И еще одно немаловажное обстоятельство: Анчик несомненно был уверен, что передает сведения, полученные от Ольбрахта, с необходимой точностью: он опубликовал их еще при жизни своего друга. Ольбрахт умер 30 декабря 1952 года, роман Гашека со вступительной статьей Анчика вышел осенью 1951 г. В выходных данных указано: «набор – 21.IV, печать – 15.IX.1951»³². Таким образом, предисловие Анчика написано еще до апреля 1951 года – практически за два года до смерти Ольбрахта. Прижизненная публикация сведений, полученных от Ольбрахта, – довольно надежная гарантия точности их передачи.

Как замысел романа Гашека стал известен Ольбрахту? В научной литературе о Гашке, изданной в Чехии, не существует упоминаний о каких-либо личных встречах Ольбрахта с Гашеком. Однако это чистейшая случайность. Еще более 30 лет тому назад чешский журналист Зденек Штястны установил факт такой встречи и описал ее в своей книге о Гашке, вышедшей на рус-

ском языке в Башкирском издательстве в Уфе, отметив заодно и то обстоятельство, что о посещении Гашеком Ольбрахта еще «не знает общественность». Целая главка в книге Штястного так и называется «О визите Гашека Ивану Ольбрахту». Он состоялся в конце июля 1921 года. Гашек тогда жил у Франты Сауэра на Яронимской улице в Праге. «После выхода в июле полностью первого тома "Швейка" Сауэр, придя как-то домой, сообщил Гашеку интересную и отрадную новость: "Ты должен пойти в Крч (один из районов на окраине Праги. — С. Н.) к Ивану Ольбрахту. Он приглашает тебя на обед». Быть позванным на обед в Крч событие немалое. Ольбрахт жил там со своим отцом Анталом Сташеком (также писателем. — С. Н.) в полном уединении. Когда Гашек пришел в Крч, то был немало удивлен, что Ольбрахт встретил его как старого друга, хотя знал о нем лишь по рассказам Сауэра и Сука (с которыми разговаривал о Гашеке и накануне. — С. Н.) и Софьи Самойловны Гончарской (политработник Пятой армии, встречавшаяся в 1920 г. с Ольбрахтом в Москве и рассказавшая ему о работе Гашека в Красной Армии. — С. Н.). После обеда в домике на окраине Праги Гашек чувствовал себя в обществе Гелены Малиржовой (жена Ольбрахта, писательница. — С. Н.) и Антала Сташека настоящим писателем (в высших литературных кругах Гашека все еще недооценивали. — С. Н.). Наряду с другими вопросами обсуждался также состав гашековского «предприятия» (деятельность Гашека, Сауэра и Сука по изданию и распространению «Похождений бравого солдата Швейка». — С. Н.)»³³.

Естественно, не могла не зайти речь и о продолжении романа, тем более, что в послесловии к первому тому Гашек, как уже говорилось, затрагивал эту тему, оповестив читателей о предстоящем выходе очередных частей романа «На фронте» и «В плену». Ольбрахт вообще живо интересовался судьбой и творчеством Гашека. Еще в 1920 году во время своей поездки в Советскую Россию он усиленно расспрашивал о нем в Москве и привез в Прагу сведения о его политической работе в Красной Армии. Он был первым, кто высоко оценил роман Гашека в печати (в ноябре 1921 года). Естественно, он не мог не проявлять интереса и к замыслу продолжения романа. Таким образом, цепочка информации, идущей от Анчика и Ольбрахта, вновь нас привела к самому Гашеку. Круг замкнулся.

Конечно, версия о том, что Гашек собирался связать судьбу Швейка с освободительной борьбой китайского народа, может показаться непосвященным достаточно экзотичной. Однако на-

до реально представлять себе атмосферу и среду, в которой Гашек вращался в Сибири. Китай был рядом. Множество китайцев постоянно находилось и в традиционной столице Восточной Сибири – Иркутске. Отношения с Китаем, особенно с учетом перспектив освободительной борьбы там, вообще занимали тогда очень большое место в русском сознании и в революционных ожиданиях – тем более у сибиряков. Важное значение им придавало и руководство Советской России.

Специалисты, обстоятельно изучавшие биографию Гашека, знают, что он и сам питал огромный интерес к жизни и борьбе народов Востока, а в качестве начальника интернационального отделения политотдела Пятой армии и по долгу службу руководил работой как с иностранцами и бывшими военнопленными (сотни тысяч которых скопились на пути следования Пятой армии), так и с национальными меньшинствами – бурятами, монголами, китайцами и корейцами, служившими в армии или жившими в зоне ее действий. Это непосредственно входило в его служебные обязанности. И занимался он этим с увлечением. Известно, например, что он организовал в Иркутске издание букваря и грамматики бурятского языка, а также первой газеты на этом языке (название этой газеты «Ур» – «Рассвет»). Он привлек для этого сотрудников-бурят, раздобыл шрифты и т. д. * Опыт создания газеты «Ур» имел некоторое значение и для возникновения монгольской газеты «Унэн». Гашек непосредственно встречался с монгольскими и китайскими руководителями и участниками революционного движения. Вообще с китайцами он общался давно, начиная с Самары, если не раньше. В середине октября 1918 года из Бугульмы, где Гашек был помощником коменданта города, телеграфировали в Реввоенсовет Пятой армии: «В Красную Армию вступило много добровольцев, в том числе бывшие военнопленные – сербы, хорваты, венгры, чехи, словаки и китайцы»³⁴. Одним из лучших и самых близких друзей Гашека в России был инструктор интернационального отделения китаец Чжен-Чжан-хай, с которым он проделал значительную часть пути из Поволжья до Байкала, а возможно, встречался с ним и раньше, еще на Украине. Чжен-Чжан-хай или

---

* В этой связи с юмором рассказывают о находчивости Гашека. К переводу некоторых статей для газеты ему приходилось якобы привлекать монахов. Не будучи уверен в их благонадежности, он нашел способ контролировать точность перевода: сажал двух монахов в разные комнаты, и один из них переводил текст с русского на бурятский, а второй обратно – с бурятского на русский.

Ваня Чанг, как часто называли его, был и свидетелем на свадьбе Гашека. Якобы и расставались они в Иркутске со слезами на глазах. О нем всегда тепло говорила и Шура Львова³⁵.

Гашек даже выучил несколько десятков китайских иероглифов³⁶ и, выступая перед китайцами, вставлял в свою речь китайские слова. Александра Львова вспоминала: «Немецким и венгерским языком Гашек владел в совершенстве. Но так как в своей работе он нуждался и в знании других языков, то он учил и их. Это был, например, китайский язык, из которого он знал приблизительно восемьдесят иероглифов <...> Уфа в те годы стала настоящим Вавилоном. У вокзала находилась большая казарма «Пункт», которая превращена была в лагерь для военнопленных. Среди них было много солдат-китайцев, и Гашек ходил к ним проводить митинги. В свои выступления и доклады на русском языке он вставлял и китайские слова, разговаривал с переводчиками и стал среди китайских солдат очень популярным. Каждый раз, когда ему нужно было объяснить причины революции, он произносил китайское изречение: «Снег падает на землю», которое означало подтверждение естественного хода вещей»³⁷.

Известно, что летом 1920 г. Гашек выступал на митинге китайских граждан в Иркутске, где присутствовало две тысячи человек. Эти и другие факты, показывающие охотное общение Гашека с китайцами, не случайно привлекли внимание исследователей жизни Гашека – З. Штястного³⁸, Б. С. Санжиева³⁹, П. Гана.

В августе 1920 года Гашек даже записался на двухгодичные курсы восточных языков при Иркутском университете (правда, на японское отделение). Люди, знавшие Гашека (Йозеф Рипл и др.), вспоминают, что у него был и учебник китайского языка, который он вез даже с собой в Москву из Иркутска и был очень огорчен, когда в дороге у него этот учебник пропал. В упомянутом письме Салату (а также в одной из информации в иркутской газете «Власть труда») Гашек сам сообщал, что политотдел Пятой армии планировал поручить ему и издание корейско-китайского журнала.

Более того, Гашек даже использовал элементы китайского языка в своем художественном творчестве. Однажды он прослоил китайскими словами и выражениями целый большой рассказ: «Чжен-си, высшая правда». В нем повествуется о встречах Гашека с командиром китайского полка, прибывшего в Иркутск из Дальневосточной республики (она существовала в 1920–1922 годах, в

рассказе Гашека называется Восточно-Сибирской республикой), а также с китайскими должностными лицами в Иркутске. Поэтика рассказа в значительной мере основана на дублировании китайских слов и выражений чешскими (а также на стилизации китайской учтивости). При этом рассказ написан Гашеком уже по возвращении в Прагу, в апреле 1921 года, спустя полгода после его отъезда из Сибири, когда его познания в китайском языке, казалось бы, должны были идти на убыль. Да и вообще можно было ожидать, что он ограничился чисто внешним подражанием китайскому языку, его звучанию. Однако известные московские филологи-китаисты, ознакомившись по моей просьбе с рассказом, не без удивления подтвердили совсем другое. За единичными исключениями (да и те, возможно, объясняются неточной транскрипцией) Гашек употреблял подлинные китайские слова и выражения. Член-корреспондент РАН Б. Л. Рифтин сообщил: «Гашек использовал в рассказе в большом количестве китайскую лексику: отдельные слова, целые фразы и даже пословицы (например, “Хао мин бу чу мэнь, э мин син цян ли” – “Добрая слава не выходит за ворота, а дурная уходит за тысячу верст”). Даже длинные фразы на странице 127* (“Мо я хан-ши...”) и те имеют подлинный китайский вид, означая: “Я пришел на заработки, я пришел торговать”». Аналогичное заключение дал и доктор филологических наук М. В. Софронов: “Китайская лексика, которой пользуется Гашек в рассказе “Чжен-си, высшая правда”, представляет собой транскрипцию действительных слов китайского языка, большинство которых вполне поддаются расшифровке <...> Китайская лексика в указанном рассказе состоит из знаменательных слов, имен собственных, географических названий, административных и политических терминов. Судя по характеру их передачи в русском переводе, Я. Гашек располагал двумя источниками китайской лексики – прямое восприятие в речи китайцев <...>, а также письменные тексты в виде словаря или учебника китайского языка. Слова из рассказа Сун Фу о себе, вероятно, заимствованы из бесед с прототипом героя рассказа или с каким-нибудь другим собеседником такого рода. Географические реалии этого рассказа вроде ворот Шим-Чжи-мин (Сичжи-мэнь) в Пекине и исторические реалии вроде восьмой год правления Гуау-Цуя (Гуан-Сюя), которому соответствует 1882 год по европейскому летоисчисле-

---

* Русского издания.

нию, вполне точны и согласуются между собой. Судя по тем словам, которыми пользовался Гашек, он обладал некоторыми элементарными знаниями китайского разговорного языка. Он всегда точно указывает значения слов разговорного языка, хотя не всегда точен в переводе терминологии и слов из области культуры: гуань-фу – “мандарины” вместо “правительства”, нэйгэ – “высший сенат судебного ведомства” вместо “императорский секретариат” и т. п. ».

Самое, может быть, поразительное состоит в том, что Гашек, как показал М. В. Софронов, даже «играл» с китайской лексикой, создавая значащие имена своих героев. «Гашек пользуется литературным приемом значимых имен своих китайских персонажей. Так, китайский консул в Иркутске имеет фамилию Цзун-ли-иа-мин (Цзунли ямэнь), что означает “Министерство иностранных дел” в правительстве императорского Китая. Персонажи, не занимающие официальных постов, имеют имена Тоу Му – “Главварь”, Лао По-цза (Лапоцзы) – “Старуха”, Фа Дза (Фацзы) – “Способ, трюк”, Лао-Бин (Лаобин) – “Блин”, Хуан-хунь – “Сумерки”».⁴⁰

Таким образом, осведомленность Гашека в китайском языке и интерес к нему были и шире и прочнее, чем можно было предположить. И это также является подтверждением его интереса к Китаю, а, возможно, и дополнительным косвенным аргументом в пользу правдивости информации Ольбрахта о замыслах продолжения романа.

Свидетельство Ольбрахта позволяет даже высказать предположение о местах событий, которые происходили бы в задуманных, но не написанных частях романа. До границ Китая Швейк мог дойти только с чехословацким корпусом или с Пятой армией. В этой армии служил и сам Гашек. Похоже, что Швейк и некоторые другие герои романа, например, Марек (образ во многом автобиографичный), повторили бы тот же путь, что проделал сам писатель, – от Поволжья до Байкала. Нечто подобное, кстати говоря, мы наблюдали и в первых частях романа, герои которого, двигаясь к фронту, точно повторяли маршрут самого Гашека. Автор даже сверялся иногда с картой, когда диктовал текст (ошпарив руку, Гашек одно время не мог писать и вынужден был нанять писаря). Львовский исследователь Я. Гашека И. М. Лозинский специально проверил, насколько описания в романе чешского писателя соответствуют топографии и топонимике Галиции, и лично побывал в тех местах, которые описывает Гашек. Оказалось, что за вычетом отдельных незначительных отклонений в наз-

ваниях населенных пунктов (например, Золтанец и Жовтанцы), к тому же вызванных скорее всего расхождением в украинском, польском и австрийском их наименованиях и обозначениях на картах, Гашек предельно точен. Он последовательно воспроизводит маршрут своей воинской части. Существует даже безымянное озерко близ Фельштина (в момент публикации статьи Лозиньского – селение Скеливка Старосамборского района Львовской области) на левом берегу реки Стривигори, возле которого Швейк переодевался в обмундирование русского солдата ⁴¹. Точное соблюдение маршрута похода 91-го полка в романе Гашека подтверждает по архивным материалам и картам и Я. Кржижек ⁴². Естественно полагать, что Гашек и дальше придерживался бы знакомого ему пути, которым он прошел сам. Впрочем, это лишь попутные и дополнительные соображения.

С любопытной, хотя и далеко не подтвержденной гипотезой выступил живущий в Геттингене эмигрант из Чехословакии Павел Ган. Им высказано предположение, не собирался ли и сам Гашек вместе с Чжен-Чжан-хаем отправиться после России в Китай. Павел Ган вообще пробует построить собственную версию политических взглядов Гашека, полагая, например, что весной 1918 года он оказался близок к настроениям российских левых коммунистов и эсеров-максималистов, которые, с одной стороны, выступали против Брестского мира, за продолжение войны с Германией и Австро-Венгрией, а с другой, ориентировались «на демократическое развитие советской власти» в противовес линии Москвы на твердую диктатуру. Позиция Гашека «в этом конфликте между побеждающей “диктатурой пролетариата” коммунистов-ленинцев (представленной тогда в Симбирске Варейкисом, а в районе Казани Троцким) и насильственно подавленной демократией в советах (представленной в Самарской губернии Дорогойченко)» ⁴³ объясняет, по мысли Гана, и поведение Гашека летом 1918 года, когда он оказался вне Красной Армии и, скрываясь под Самарой, поддерживал связь с такими лицами, как Николай Кочкуров (Артем Веселый), Дорогойченко и т. п. Для такого предположения, видимо, есть известные основания, хотя далеко не со всем тут можно согласиться. Что касается попытки Гана объяснить интерес Гашека к Китаю его сочувственным отношением к анархистским течениям в общественно-политическом движении там, она фактически ничем не подтверждена и выглядит надуманной. Неизвестно даже, слышал ли Гашек что-нибудь об этих течениях, не говоря уже о том, что никаких анархистских симпатий в 1919–1920 го-

дах у Гашека никем не отмечено. Но за исключением этой мотивировки предположение Гана достаточно правдоподобно.

Итак, Швейк побывал бы, видимо, и в Китае. На этом, судя по всему, и заканчивалась бы одиссея гашековского героя. Восстановить ее, как мы убедились, можно лишь в самом общем виде. Любые попытки представить что-то более конкретно с неизбежностью повлекли бы за собой своевольные додумывания и уже выходили бы за пределы правдоподобных гипотез.

Наперекор всему. Дополнительный свет на характер замысла романа Гашека, на его общую направленность отчасти проливает более близкое знакомство с той обстановкой, в которой рождалось это произведение. Надо сказать, что сочинение Гашека во многом было неожиданным. Казалось бы, к созданию такой книги не располагали ни литературная атмосфера первых послевоенных лет, ни личные обстоятельства жизни Гашека. В пору, когда в Европе один за другим выходили романы писателей «потерянного поколения», запечатлевших весь трагизм и ужас только что пережитой войны, вдруг появляется роман, о котором первый же его рецензент, уже упоминавшийся чешский прозаик Иван Ольбрахт, написал: «Если хотите отменно посмеяться, читайте „Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны“»⁴⁴. Военная эпопея Гашека оказалась произведением ярко выраженного комического жанра! И хотя в романе немало и трагических страниц (на это справедливо обращали внимание в своих работах С. И. Востокова и В. И. Шевчук), господствует в нем стихия заразительно веселого смеха. Ольбрахт не скрывал своего изумления: «Когда мы писали, всех нас война била дубиной по голове, она сидела у нас на загривке, заставляя пригибать голову, а если нам и удавалось иногда распрямиться, то делалось это с напряжением всех сил и воли. Гашеку не нужно было преодолевать войну. Он стоял над ней с самого начала. Он смеялся над ней, осмеивал ее в целом и в частностях, словно это была пьяная драка в жишковской корчме».

Все это тем более поразительно, что и возникал роман в необыкновенно тяжелой для Гашека ситуации. Уже из России он уезжал, когда перспектива «мировой революции» и возникновение «красной Европы», захватившая и его, стала меркнуть и обнаруживать свою иллюзорность. Трудно было придумать и менее подходящее время для его возвращения на родину. Он появился в Праге как раз в момент разгрома революционного дви-

жения и разгона уличных демонстраций. Тринадцать человек было убито, около трех тысяч брошено в тюрьмы. За решеткой оказались и те партийные руководители, к которым он непосредственно должен был обратиться. Другие были наслышаны о нем только как о довоенном богемном гуляке и не доверяли ему. Одновременно ему угрожали судом за измену родине. Нависал и судебный процесс за двоеженство (его брак с Ярмилой, хотя они и разошлись, официально не был расторгнут). А новая встреча с первой женой и уже девятилетним сыном всколыхнула прежние чувства. Ко всему прочему не было средств к существованию и негде было жить.

Нетрудно вообразить, какие усилия надо было сделать над собой, чтобы в этой обстановке пытаться что-то писать и печатать, выступать с импровизациями на кабаре сцене, обманывая ожидания публики, жаждавшей сенсационных и экзотических рассказов о России. Есть свидетельства очевидцев, рисующих Гашека в состоянии, близком к отчаянию. Один из его знакомых вспоминал, как увидел его в театре во время репетиции и подарил ему книжку своих стихов. «Гашек не уделил стихам ни малейшего внимания. С отсутствующим видом он полистал тоненькую книжку. В его облике ощущалась какая-то напряженность, лицо было неподвижно. Положил книжку рядом с бутылкой содовой и сказал негромко, даже не взглянув в мою сторону: «Ага, стишки... хотят тут превратить меня в балаганного шута <...> – Он медленно провел рукой по лицу, словно стирая заблудшую капельку пота <...> – Сволочи!» <...> Когда я минут через двадцать проходил вновь мимо ложи, Гашек сидел там, опираясь локтями на барьер и закрыв лицо ладонями. Спал? Плакал? Не знаю. Но явно не хотел ничего ни видеть, ни слышать»⁴⁵. В других случаях он взрывался от негодования, столкнувшись с вялой мещанской психологией, такой далекой от кипения страстей, какие бушевали в России.

Ничего не оставалось, как превозмочь себя и вновь прикрыться на какое-то время личиной странного чудака, о котором трудно сказать что-либо определенное. Можно понять, что он стал искать отрады и в алкоголе, к которому не притрагивался уже в течение нескольких лет.

Однако, продержавшись в самый критический момент, когда в Праге вновь привыкли к его присутствию, Гашек опять обретает активность. В запасе у него оставался талант сатирика и юмориста, оставалось сознание силы и власти смеха. Всего че-

рез несколько недель после его приезда, в психологически неимоверно трудных условиях начинается создание одного из самых веселых произведений нашего века, да и мировой литературы вообще. И такая тональность романа, конечно, не случайна. Работа над ним была не погружением в себя, как это иногда изображалось в литературе о Гашеке, и не обороной, а глубоко задуманным наступлением. «Посмеюсь над всеми глупцами, а заодно покажу, что такое наш (т. е. чешский. — С. Н.) характер и на что он способен»⁴⁶, — заявлял он, приступая к работе над романом. Как надо понимать эти слова? Вероятно, имелась в виду в числе прочего и борьба чешского народа за независимость против иноземного гнета, о которой он писал еще в своих корреспонденциях с фронта для журнала «Чехослован» в 1916–1917 годах: «Из тяжкого порабощения, из трехсотлетнего рабства рождается новый народ, отважный и смелый, с негнбимым позвоночником, с героическим блеском в глазах, с душой пламенной и самоотверженной» (XIII–XIV, 41). Или: «Она (война. — С. Н.) была национальным жизненным испытанием, в котором чешский человек, когда ему грозили австрийские виселицы, сохранил твердый, непреклонный характер и не склонился перед Австрией» (XIII–XIV, 244). Какие-то стороны этой темы, несомненно, были бы затронуты и в соответствующих главах романа. По-видимому, имелось также в виду и противостояние чехов и простого народа вообще милитаризму и насилию, составляющее главный предмет изображения в сатирической эпопее. Наверное, проявлением стойкости характера было в глазах Гашека и собственное его намерение во что бы то ни стало заклеить зло и покарать его смехом.

Работа над романом продвигалась необыкновенно быстро. Комическая эпопея, насчитывающая сорок с лишним авторских листов, т. е. более семисот книжных страниц, была написана за год и девять месяцев. Одновременно Гашек не прекращал работы над рассказами и фельетонами. О том и другом надо специально сказать, так как в жизнеописаниях Гашека, черпающих сведения из «живых свидетельств», нередко повторяются анекдоты о якобы некоей «лености» писателя, который будто бы недостаточно напряженно трудился над романом. Припоминают, что тогда-то и тогда-то он не сидел над рукописью, а бражничал с друзьями и задержал подготовку очередных кусков текста для издательства и т. д. Между тем удивляться следует не отдельным перерывам в работе, а тому, как много было сделано за такой короткий срок. На

поверку выходит, что в 1921–1922 годах Гашек едва ли не самый плодовитый чешский писатель. И это при том, что неуклонно ухудшалось его здоровье, подорванное тяготами военной жизни и дважды перенесенным тифом. Сохранялась и сложность психологической ситуации. Даже в небольшом местечке, каким была Липнице, где он провел последние полтора года своей жизни, за ним продолжалась слежка. О нравственном уровне тайных осведомителей можно судить по их донесениям, в которых они с ликованием сообщали, что «состояние здоровья Г[ашека] отрадно ухудшается», что «скоро всё кончится» и что «дело выиграно»⁴⁷.

Работа над романом оборвалась, когда Гашек успел довести Швейка до прифронтовой полосы на театре военных действий с Россией. Впереди его герою предстояли тысячи и тысячи километров пути на восток. Благодаря сохранившимся сведениям мы представляем себе теперь в общих чертах этот путь – вплоть до Китая...

Цена славы (Швейк и Наполеон). И вот финал. (Он известен, как уже говорилось, по вступительным строкам Гашека к роману). Швейк снова в Праге, бедно одетый и никому не известный. Но слава его, по словам автора, могла бы затмить славу самого Наполеона и Александра Великого. В каком же смысле?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать по крайней мере журнальную статью Гашека «Цена славы», написанную им в 1913 году (в русском переводе опубликована в четырехтомном собрании сочинений Гашека). Вступление к роману удивительным образом перекликается с этой статьей. Там и тут речь идет о воинской славе. Там и тут мелькают имена Александра Македонского, Наполеона и в соседстве с ними – Герострата. Вступление к роману выглядит как прямое продолжение этой статьи. Словно и не пролегло между ними целых семь долгих лет. Военные годы, видимо, лишь укрепили Гашека в мыслях и чувствах, которые владели им еще до войны, в пору его участия в антимилитаристском движении.

Статья «Цена славы» возникла как отклик на картину с тем же названием французского художника Пьера Триттеля. Она вызвала бурю чувств в душе писателя, напомнив ему одновременно о живописи Верещагина, «этого великого мастера, запечатлевшего ужас и горе войны» (XII, 8). Картина Триттеля заставила Гашека еще глубже задуматься над тем, что «вся история человечества залита кровью» (XII, 7) и что в сущности

совершенно несправедливо окружать ореолом славы имена завоевателей, повинных в гибели сотен тысяч людей. Он размышлял в статье о том, что и современные школьные учебники истории, как и уроки по этому предмету, сплошь и рядом превращаются в превознесение захватчиков и узурпаторов, тех, что «оставляли за собой горизонты, пылающие в красном половодье пожаров, и истоптанную, опустошенную землю <...> Это самая кровавая литература, какую только доводится читать, и, к сожалению, литература тем более ужасная, что все в ней — правда, что нет ничего вымышленного» (XII, 8).

Для Гашека в равной степени достойны не славы, а порицаний и позора и Рамзес II, и Александр Македонский, и Ганнибал, и Аттила, и Карл Великий, и Тамерлан, и Наполеон и другие. Вслед за Триттелем рисует он лаконичные, но жуткие портреты этих завоевателей, снимая с них традиционный нимб величия и обнажая всю реальность бесчисленных убийств. Вот как предстает в его изображении Александр Великий, который «повелел называть себя “сыном солнца”. Это солнце сияло над полумиллионом обезображенных трупов, усеявших его путь во время военного похода из Греции через Сирию в Индию. Он развлекался тем, что подбрасывал младенцев в воздух и накалывал их на копье. Пленных он приказывал подвергать страшным мучениям. Тем, кого он оставлял в живых, отсекали, по его повелению, руки и выкалывали глаза. Так поступил он со всеми жителями персидского города Магдама. Друга молодости и самого верного своего приятеля, судя по всему, такого же изверга, как и он сам, он собственноручно заколол в драке. Историки, словно желая сделать из Александра нежного и чувствительного человека, подчеркивают, что, проколов приятеля, он долго плакал над его трупом, подчеркивают также, что с тех пор он свирепствовал еще больше» (XII, 9–10). Гашек развенчивает Наполеона, в котором кое-кто склонен «видеть образец силы и энергии. А между тем в сердце каждого культурного человека воспоминание о миллионах семей, которые он уничтожил, о потоках крови, пожарах и страданиях сотен тысяч людей должно неизбежно вызывать глубокое сожаление о том, что вообще родился этот малорослый корсиканец. Я всегда с отвращением отворачивался от его портрета, от его надменной фигуры гнусного позера со скрещенными на груди руками» (XII, II).

Славу вот таких завоевателей и затмил для автора Швейк, сумевший своим поведением сбить и нарушить все их алчные пла-

ны, так что затеянная ими война обернулась совсем не теми результатами, на которые они рассчитывали, и погубила их самих. Пали династии. Рухнули империи. Мир до неузнаваемости изменился, но вовсе не так, как хотели прежние вершители его судеб. И сделал все это не желавший воевать и профанировавший все их тщеславные замыслы рядовой солдат, который вновь под именем Швейка, бедно одетый и никому не известный, ходит теперь по городским улицам. Стихийная сила жизни одержала невидимую победу над абсурдом своеволия. «Швейк – это маленький умный Давид, поражающий большого глупого Голиафа... Давид, вооруженный даже не пращей с камнем, а всего лишь только своим юмором...»⁴⁸ – так сказал о Швейке русский писатель Леонид Ленч (Л. С. Попов).

Весь роман Гашека – сатирический протест против стремления повелевать другими, против насилия и войны. Швейк Гашека – своего рода антинаполеон. Конечно, и к этому общее содержание комической эпопеи чешского писателя не сводится. Оно простирается дальше. Автор вскрыл и покарал смехом абсурдность многих отношений в современном мире, их бесчеловечность и фальшь, выставил на осмеяние целую систему мифов и ложных символов, прикрывающих и маскирующих ненормальность этих отношений. И сделал это, как не сумел никто другой на свете.

Примечания

От автора

- ¹ К числу наиболее значительных работ о Гашеке, появившихся на родине писателя в послевоенные годы, относятся:
- J. Křížek. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha, 1957.*
M. Jankovič. Umělecká pravdivost Haškova Švejka. Praha, 1960.
M. Jankovič. Hra s vyprávěním // Struktura a smysl literárního díla. Praha, 1966.
R. Pytlík. Toulavé house. Praha, 1971.
J. Hájek. Jaroslav Hašek. Praha, 1983.
Z. Hoření. Jaroslav Hašek novinář. Praha, 1983.
R. Pytlík. Kniha o Švejkovi. Praha, 1983.
Z. Mathauzer. Švejkova interpretační anabaze // Film a literatura. Praha, 1988.
P. Blažíček. Haškův Švejk. Praha, 1991.
L. Merhaut. Haškův svět mystifikace // L. Merhaut. Cesty stilizace. Praha, 1994.

Библиография:

Bibliografie Jaroslava Haška. Sestavil a redigoval B. Medílek. Praha, 1983.

Из книжной литературы о Я. Гашеке на русском и украинском языке:

Н. П. Еланский. Ярослав Гашек в революционной России. М., 1960.

С. Востокова. Ярослав Гашек. Критико-биографический очерк. М., 1964.

В. І. Шевчук. Ярослав Гашек. Київ, 1965.

И. Берштейн. «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека. М., 1971.

Р. Пытлик. Гашек. Документальное повествование. Авторизованный перевод с чешского. М., 1977.

Г. Шубин. Ярослав Гашек // Новое в жизни, науке и технике. Серия «Литература», № 7. М., 1982.

З. Горжени. Ярослав Гашек-журналист. Перевод с чешского. М., 1983.

Р. Пытлик. Швейк завоевывает мир. Перевод с чешского. М., 1983.

В. С. Санжиев. Ярослав Гашек в Сибири. Иркутск, 1993.

Библиография:

Ярослав Гашек. Библиографический указатель. Составили И. В. Токсина, И. Л. Курант, Н. Л. Глазкова. М., 1983.

Жизнь, ставшая творческим процессом

- ¹ Lidský profil Jaroslava Haška. Korespondence a dokumenty. Praha, 1979. Фотокопия рекламной афиши (фотоклейка).
- ² Цит. по кн.: R. Pytlík. Toulavé house. Praha, 1971, s. 349.
- ³ B. Brecht. Gesammelte Werke. 19. Schriften zur Literatur und Kunst 2. Frankfurt am Main, 1967, S. 550.
- ⁴ L. Hájek. Z mých vzpomínek na Jaroslava Haška. Praha, 1925, s. 20.
- ⁵ Я. Гашек. Собр. соч. в 6-ти т., т. 1. М., 1983, с. 289. Всюду дальше русские переводы произведений Гашека, кроме оговоренных случаев, цитируются по этому изданию и отсылки делаются в тексте. Указывается там (арабскими цифрами) и страница.
- ⁶ J. Hašek. Spisy. Praha, 1955, sv. I, s. 94. Всюду дальше, кроме оговоренных случаев, оригиналы произведений Гашека цитируются по этому изданию и отсылки делаются в тексте. Указывается том (римскими цифрами) и страница.
- ⁷ Lidský profil Jaroslava Haška..., s. 30.
- ⁸ J. Kejla. Jak to bylo v bitvě u Chorupan // Literární archiv (Sborník Památníku národního písemnictví), sv. 7. Praha, 1972, s. 121, 131.
- ⁹ J. Morávek. Jaroslav Hašek – dobrý voják Švejk // České slovo – Večerní 6, 1924, 4.10., s. 3.
- ¹⁰ J. Krížek. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha, 1957, s. 46.
- ¹¹ L. Hájek. Z mých vzpomínek na Jaroslava Haška... s. 12, 13.
- ¹² Сведения содержатся в докладе А. Кнесла «Новое в исследовании творчества Ярослава Гашека», прочитанного в Москве в апреле 1983 года на юбилейной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения Я. Гашека (чешский текст доклада хранится в архиве автора книги).
- ¹³ J. Lada. Kronika mého života. Praha, 1954, s. 314–315.
- ¹⁴ Ibidem, s. 302–303.

- ¹⁵ V. Menger. Jaroslav Hašek doma. Praha, 1935, s. 129–130.
- ¹⁶ Z korespondence Jířího Magena a Václava Mengra // Literární noviny, 1951, č. 3, s. 39.
- ¹⁷ R. Pytlík. Toulavé house..., s. 121–122.
- ¹⁸ Ibidem, s. 185, 190.
- ¹⁹ J. Hájek. Jaroslav Hašek. Praha, 1983, s. 53–54.
- ²⁰ J. Pospišil. Znal jsem Haška. Praha, 1977, s. 83–84.
- ²¹ А. Х. Клеванский. Русская эпопея Гашека // Новая и новейшая история. 1983, № 2, с. 147.
- ²² См. там же.
- ²³ L. Hájek. Z mých vzpomínek na Jaroslava Haška..., s. 53–54.
- ²⁴ J. Hašková. Drobné příběhy. Havlíčkův Brod, 1960, s. 121 (написано в 1923 году).
- ²⁵ Переводы стихотворных текстов, кроме оговоренных случаев, автора книги.
- ²⁶ L. Hájek. Z mých vzpomínek na Jaroslava Haška..., s. 61.
- ²⁷ F. Langer. Byli a bylo. Praha, 1963, s. 41.
- ²⁸ Ibidem, s. 41.
- ²⁹ Цит. по кн.: R. Pytlík. Toulavé house..., s. 175.
- ³⁰ F. Sauer, J. Suk. In memoriam Jaroslava Haška. Praha, 1924, s. 101.
- ³¹ К. Чапек. Несколько заметок о народном юморе // К. Чапек. Собр. соч. в 7-ми тт., т. 7. М., 1977, с. 314.
- ³² Цит. по: Švyhnos. Nazdar hejtmana Ságnera // Rovnost, 1967, č. 32, s. 2, 6.
- ³³ P. Blažíček. Haškův Švejk. Praha, 1991, s. 14.
- ³⁴ R. Pytlík. Kniha o Švejkovi. Praha, 1983, s. 252.
- ³⁵ А. Ф. Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1978, с. 12 и след.
- ³⁶ Z. Mathauzer. Švejkova interpretační anabaze // Film a literatura. Praha, 1988, s. 177, 183.

По следам прототипа главного героя Гашека

- ¹ J. Kopta. O českém všivactví // Přítomnost, 1926, č. 1, s. 9–11.
- ² M. Tomanová. Kadet Biegler // Literární noviny, 1955, č. 41, s. 2, 8, 10.
- ³ –СК.– Je Josef Vodička sapér Vodička? // Stráž lidu, 1957, 24.12, s. 7.
- ⁴ R. Pytlík. Kniha o Švejkovi. Praha, 1983, s. 88.
- ⁵ См., например, интервью А. Кнесла в газете «Праге», сообщившего о предварительных результатах своих поисков: Neuprosný nepřítel měšťáku // Práce, 1982, 24.4, s. 9.
- ⁶ См.: A. Knesl. Josef Švejk a ti druzí // Večerní Praha, 1983, 28.3, 29.3, 30.3, 31.3, s. 4; R. Pytlík. Jaroslav Hašek (Kapitoly z praktické švejkologie) // Dikobraz, 1983, 11.5, s. 6.
- ⁷ J. R. Veselý. Haškův přítel Josef Švejk // Květy, 1968, 7.9, č. 35, s. 22–28. (Всюду дальше статья Веселого цитируется по этому изданию без дополнительных отсылок.)
- ⁸ J. Hašková. Hašková pravda (написано в 1927 г. – С. Н.) // J. Hašková. Drobné příběhy. Havlíčkův Brod, 1960, s. 134.
- ⁹ R. Pytlík. Toulavé house..., s. 202.
- ¹⁰ A. Knesl. Josef Švejk a ti druzí... // Večerní Praha, 1983, 31.3, s. 4.
- ¹¹ Vojenský historický archiv. Praha. Osobní věstník Ministerstva národní obrany, 1947, č. 54, s. 455.
- ¹² Vojenský historický archiv. Praha. Kartotéka legionářů. Josef Švejk. (Дальше документы из личного дела Швейка цитируются без дополнительных отсылок.)
- ¹³ Письмо (на чешском языке) от 8 июня 1992 года (№ 9662/92) за подписью директора Военно-исторического архива в Праге Ивана Штёвичека. Хранится у автора книги.
- ¹⁴ A. Knesl. Josef Švejk a ti druzí...
- ¹⁵ K. M. Kukla. Noční Prahou. Praha, 1927. Сп.: J. Knesl. Josef Švejk a ti druzí...; R. Pytlík. Jaroslav Hašek. Kapitoly z praktické švejkologie // Dikobraz, 1983, 18.2, s. 6.
- ¹⁶ [J. Majer.] Jak se stalo, že by byl Hašek malem nenapsal Švejka // České slovo, 1933, 8.1.

- 17 *M. Salabová.* 36. pěší pluk a jeho činnost za 1. světové války // Mladoboleslavica, 68. Mladá Boleslav, 1969, s. 135–136.
- 18 Pamětní spis, vydaný na oslavu Odboje bývalého pěšího pluku 36. Mladá Boleslav, 1924, s. 29–30.
- 19 *Kuzma [Novotný, Josef Cheth].* Po stopách Jaroslava Haška // Svobodné slovo, 1950, 19.1.
- 20 *Z. Ančík.* Hospoda «U kalicha» // Československá armáda, 1955, č. 25, obalka, s. 3.
- 21 *J. Křížek.* Jaroslav Hašek v revolučním Rusku..., s. 64.
- 22 Ibidem, s. 75.
- 23 *R. Pytlík.* Toulavé house..., s. 276.
- 24 Taschenausgabe der österreichischen Gesetze. Vierundzwanzigster Band – Das Militär – Strafgesetz. Wien, 1901, s. 108.
- 25 Ibidem, s. 149.
- 26 См.: *M. Pleský.* Dějiny 4. střelkového pluku 1907–1920. Turnov, 1927.
- 27 *A. Knesl.* Švejk a ti druzí... // Večerní Praha, 1983, 13.3, s. 4.
- 28 См., например: *R. Pytlík.* Kniha o Švejkovi..., s. 130, 138.
- 29 *Z. Ančík.* Jarmila Hašková o vzniku Švejka // Hašek mezi svými. Vydaní druhé, rozšířené. Havlíčkův Brod, 1959, s. 58–59.
- 30 Lidský profil Jaroslava Haška. Praha, 1979, s. 265.
- 31 Ср.: *R. Pytlík.* Toulavé house..., s. 258; *Z. Hoření.* Jaroslav Hašek novinář. Praha, 1983, s. 76.
- 32 *Z. Matoušek.* Putování za Švejkem // Svoboda, 1966, č. 141–145, 12.6–10.7, s. 3–4.
- 33 *A. Měšt'an.* Realien und pseudorealien in Hašeks Švejk // Jaroslav Hašek. 1883–1983; Proceedings of the International Hašek Symposium. – Bamberg. June 24–27, 1983. Frankfurt am Main, 1983, S. 234–265.
- 34 *М. Скачков.* Современная литература Чехословакии // Вестник иностранной литературы, 1930, № 6, с. 152.
- 35 *Maximilian Huppert.* Historisches vom Švejk. Der Mann, der den guten Soldaten Švejk gekannt // Prager Presse. 6. December 1929, S. 4–5.

- ³⁶ *Z. Matoušek*. Putování za Švejkem... Ср.: *F. Sauer, J. Suk* // In memoriam Jaroslava Haška. Praha, 1924, s. 97.
- ³⁷ *M. Jankovič*. Hra s vypravěním // Struktura a smysl literárního díla. Praha, 1966, s. 180.
- ³⁸ *Р. Пытлик*. Гашек. М., 1977, с. 329.

О чем Гашек не успел написать

- ¹ *K. Vaněk*. Za mrtvým humoristou // Rudé právo, 1924, č. 6. Příloha Dělnická besídka, 6. I, s. 1–2.
- ² *M. Honzík*. Praha 1921. Vzpomínky. Fakta. Dokumenty. Praha, 1981, s. 115.
- ³ Lidský profil Jaroslava Haška. Praha, 1979. Фотокопия с подписью «Reklamní plakát na první vydání Švejka».
- ⁴ Цит. по рукописному варианту, копия которого любезно представлена автору внуком писателя Рихардом Гашеком и Аугустином Кнеслом. Очень близкий текст был анонимно опубликован Й. Майером в начале 30-х годов: [J. Majer] Jak se stalo, že by byl Hašek malem nenapsal Švejka // České slovo, 1933, 8.1.
- ⁵ *Z. Hoření*. Jaroslav Hašek novinář. Praha, 1983, s. 110.
- ⁶ *F. Langer*. Byli a bylo. Praha, 1963, s. 71.
- ⁷ См., например: *R. Pytlík*. Doslov // J. Hašek. Spisy, XIII–XIV, s. 384.
- ⁸ Подробнее см.: *А. Х. Клеванский*. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965, с. 24, 42 и др.
- ⁹ [A. G. Lvová-Hašková]. Jaroslav Hašek. Vzpomínky Šury Lvové Haškové. Přípr. Jiří Častka // Průboj, 1965, č. 33 (část 23).
- ¹⁰ Цит. по: *К. Крейбих*. Ярослав Гашек. Жизнь и творчество // Литература мировой революции, 1932, № 6, с. 103. Ср.: *Н. П. Еланский*. Ярослав Гашек в революционной России. М., 1960, с. 195–196.
- ¹¹ *Д. Славентатор*. Поиски, вечные поиски // Нева, 1960, № 7, с. 159.
- ¹² См.: *З. Штястны*. Сражающийся Ярослав Гашек. Уфа, 1962, с. 92–93.
- ¹³ *Б. С. Санжиев*. Ярослав Гашек в Восточной Сибири. Иркутск, 1961, с. 39.
- ¹⁴ *J. Seydler*. Napsal Hašek Švejka v zemi bolševiků? // Svět sovětů, 1967, 23.8, s. 14. Всюду дальше воспоминания Николаева цитируются по этому изданию без дополнительных отсылок.

- 15 См. книгу: Иркутск. Восточносибирское книжное издательство. Иркутск, 1986, с. 5–6 (цветная фотография на развороте).
- 16 В. П. Скороходов. Новое о пребывании Ярослава Гашека в Сибири // Исторический архив, 1961, № 2, с. 197–199.
- 17 [A. G. Lvová-Hašková]. Můj život s Jaroslavem Haškem. Přípr. Jiří Častka // Svět sovětů, 1965, č. 41, s. 14.
- 18 З. Штястны. Сражающийся Ярослав Гашек..., с. 89.
- 19 Фотографию дома № 4 по Дегтевской улице см. в кн.: Б. С. Санжиев. Ярослав Гашек в Восточной Сибири..., с. 35.
- 20 Н. В. Куликаускене. Книги переводчика и общественного деятеля Петровской эпохи Ф. Кралика в Иркутске // Федоровские чтения 1980. М., 1984, с. 149–184; Ее же: Чешская книга в Иркутске // Čtenář, 1982, č. 10, s. 470–471.
- 21 Прозаические сочинения учеников Иркутской мужской гимназии, писанные под руководством старшего учителя российской словесности Ивана Поликсеньева. СПб, 1836.
- 22 Д. Славентатор. Поиски, вечные поиски..., с. 159.
- 23 М. Залка. О попе, боге и Ярославе Гашеке // Советское искусство, 1932, 27.2.
- 24 [A. G. Lvová-Hašková]. Můj život s Jaroslavem Haškem. Z vypravění Alexandry Gavrilovny Lvové Haškové. Přípr. Jiří Častka // Svět sovětů, 1965, č. 40, s. 14.
- 25 З. Штястны. Сражающийся Ярослав Гашек..., с. 65.
- 26 См. подробнее: А. Лазебников. Линия судьбы // Советская культура, 1988, 16.IV, с. 6; В. Петров. Портрет и судьба // Советская культура, 1988, 1.XII, с. 6.
- 27 Цит. по кн.: Lidský profil Jaroslava Haška..., с. 266.
- 28 См., например: F. Kysela. Franta Haban ze Žižková. Praha, 1923, s. 344, 347.
- 29 М. Скачков. Чешская литература о войне // Вестник иностранной литературы, 1929, № 4, с. 222.
- 30 М. Скачков. Современная литература Чехо-Словакии // Вестник иностранной литературы, 1930, № 6, с. 152.
- 31 Z. Ančík. Předmluva. Fakta o Jaroslavu Haškovi // J. Hašek. Osudy dobrého vojáka Švejka. Praha, 1951, s. 39.

- ³² Ibidem, s. 895.
- ³³ *З. Штясны*. Сражающийся Ярослав Гашек..., с. 100–107.
- ³⁴ Партархив Тат. ОК КПСС, ф. 36, д. 173, л. 31–32. Цит. по кн.: *И. Ф. Риманов*. Встречи с Ярославом Гашеком. Чебоксары, 1974, с. 10.
- ³⁵ Интересная статья о Чжен-Чжан-хае принадлежит Павлу Гану: *P. Gan*. Mit Hašek chinesischem Freund Chén-Chang-haj alias Vanja Čang unterwegs zum Bajkal // *Specimina Philologiae Slavicae. Supplementband 23*. (Sprach- und Kulturkontakte im Polnischen). Gesammelte Aufsätze für A. de Wincenz zum 65. Geburtstag. München, 1987, s. 437–450.
- ³⁶ См. письмо Я. Гашека Я. Салату-Петрлику // *Lidský profil Jaroslava Haška...*, s. 19. Русский перевод (с комментариями) // Новая и новейшая история, 1983, № 2, с. 145–147.
- ³⁷ [A. G. Lvová-Hašková]. Jaroslav Hašek. Vzpomínky Šury Lvové Haškové. Přípr. Jiří Častka // *Průboj*, 1965, č. 33 (část 23).
- ³⁸ *З. Штясны*. Сражающийся Ярослав Гашек..., с. 71–72, 76.
- ³⁹ *Б. С. Санжиев*. Ярослав Гашек в Восточной Сибири..., с. 24, 29 и др.; См. также: *Б. С. Санжиев*. Ярослав Гашек в Сибири. Иркутск, 1993.
- ⁴⁰ Письменные заключения Б. Л. Рифтина и М. В. Софронова хранятся у автора книги.
- ⁴¹ *И. М. Лозинский*. Ярослав Гашек на Україні // *Жовтень*, 1983, № 4, с. 119–121.
- ⁴² *J. Krížek*. Jaroslav Hašek v revolučním Rusku. Praha, 1957, s. 38–41.
- ⁴³ *P. Gan*. Jaroslav Hašek als Rotarmist an der Wolga 1918 // *Jaroslav Hašek. 1883–1983. Proceedings of the International Hašek-symposium. Bamberg, June 24–27, 1983. Frankfurt am Main, 1989, s. 43–131*. См., в частности, резюме – с. 131.
- ⁴⁴ *J. Olbracht*. O umění a společnosti. Praha, 1958, s. 178.
- ⁴⁵ Цит. по кн.: *Р. Пытлик*. Гашек. М., 1977, с. 240.
- ⁴⁶ [A. G. Lvová-Hašková]. Jaroslav Hašek..., č. 33 (část 23).
- ⁴⁷ *J. Plachetka*. Náš člověk na Lipnici // *Kmen*, 1988, 30.VI., s. 6–7.
- ⁴⁸ *Л. Ленч*. Сила смеха // Советская Россия, 1983, 28.IV.

Иллюстрации

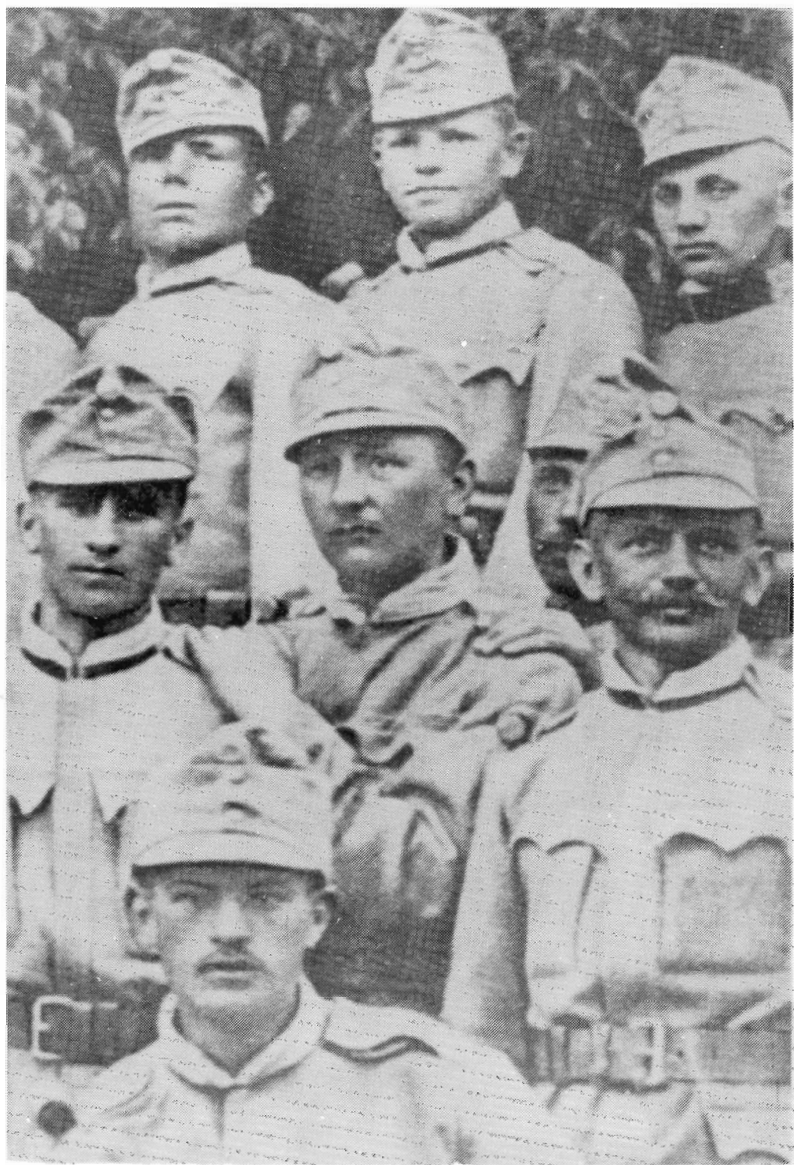
Ярослав Гашек

Ярмила Гашкова

Ярослав Гашек в пору создания пародийной партии умеренного прогресса в рамках закона

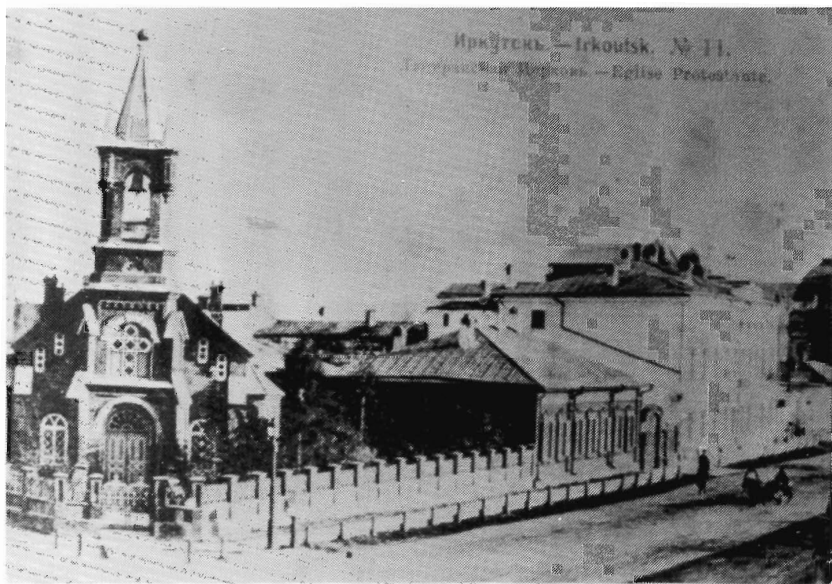
Гашек с однополчанами перед отправкой на фронт

По дороге на фронт. Гашек крайний справа

Гашек – редактор журнала «Чехослован». Киев, 1916

*Лютеранская церковь и дом пастора,
где жил Гашек в Иркутске*

С сослуживцами 5-й армии. Гашек сидит в первом ряду второй справа. За ним стоит С. М. Бирюков, правее – Чжен-Чжан-хай

*Лютеранская церковь и дом пастора в Иркутске
(рисунки Я. С. Николаева)*

Ванек

Лукаш

Биглер

Сагнер

Йозеф Швейк в 1911 году

*Йозеф Швейк в 1911 году
после призыва на действительную службу*

*Йозеф Швейк в 1914 году
в австрийской армии
во время учений*

*Йозеф Швейк в чехословацком войске в России
в период боев за Самару. 1918 год*

THE AMERICAN RED CROSS
COMMISSION TO SIBERIA

CZECHO-SLOVAK INVALID EVACUATION
IDENTIFICATION CARD

For Journey from Vladivostok to Prague
Via United States of America

Name ..... No. 452.
Signature *Joseph Alexander* Rank *Priv.*
Diagnosis *Ch...*

Examiner .....
Transport *Helfman* Ward ..... Berth .....

Inspector Czecho-Slovak
Sanitary Service *S. J. Friedman*

Dr. F. L. ...

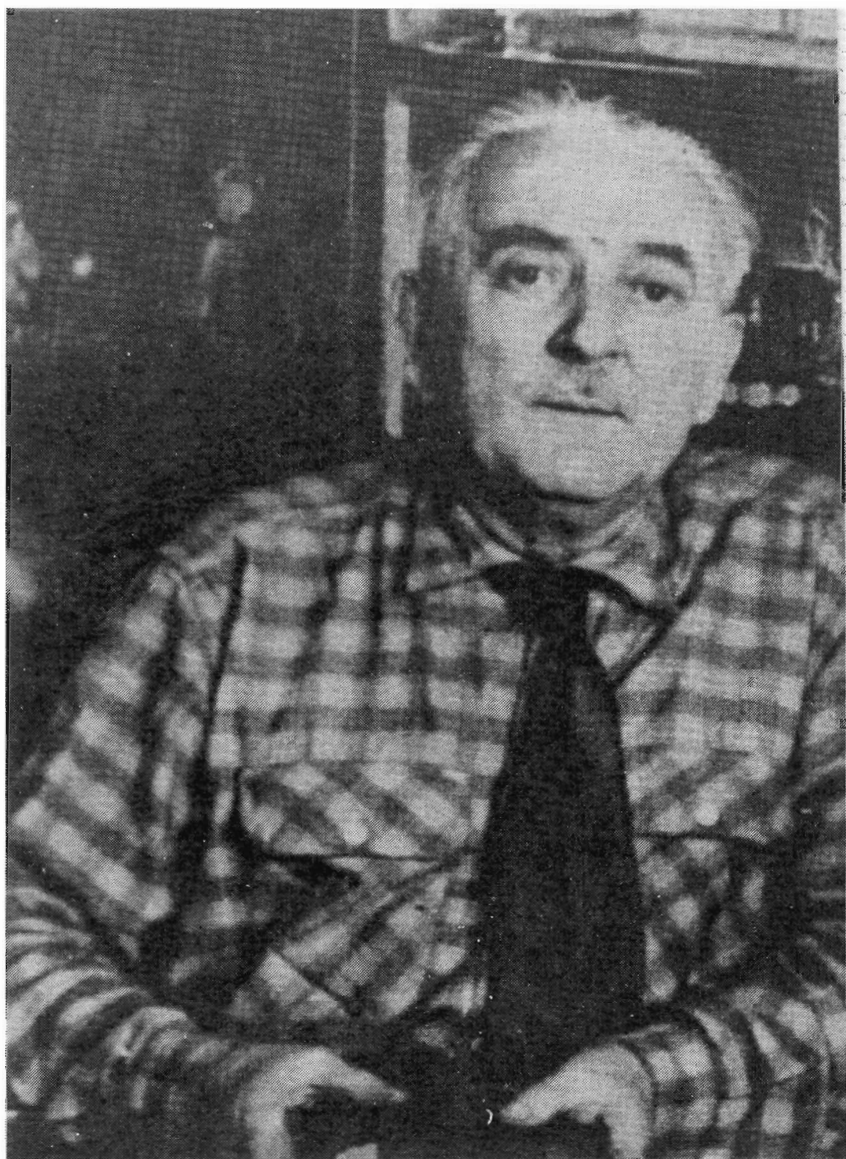
American Red Cross, Siberian
Commission

Acting Commissioner

Vladivostok

...ENDORSEMENTS...

Удостоверение личности, выданное Йозефу Швейку
для проезда через Соединенные Штаты Америки
из Владивостока в Прагу

Последняя фотография Йозефа Швейка

Одна из последних фотографий Гашека

Йозеф Лада – друг Гашека и иллюстратор его романа

*Дом на улице Боиште в Праге, где проживал Швейк.
Рядом (слева) трактир «У чаши»
(современный вид)*

Научное издание

Сергей Васильевич Никольский

**История образа Швейка.
Новое о Ярославе Гашеке и его герое**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики РАН

Корректор — *Р. А. Азеева*
Редактор — *И. А. Рычков*

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: root @ indrik.msk.ru
or by fax: (095) 290-68-91

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная
11 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 1200
Отпечатано в Типографии № 2 РАН
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., д. 6

